

Magna adsurgit: historia studiorum

Великая степь:
исторические исследования

2019, №2

Magna adsurgit: historia studiorum

Великая степь:
исторические исследования

2019, №2

Magna adsurgit: historia studiorum

Научный журнал

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Основан в 2016 году

Выходит 2 раза в год

№2, 2019

ISSN 2541-9749

DOI 10.22162/2541-9749-2019-8-2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Очиров У.Б., д.и.н., доцент

Зам. главного редактора:

Бакаева Э.П., д.и.н., доцент,

Ряжев А.С., к.и.н.

Ответственный секретарь:

Сартикова Е.В., д.и.н., доцент

Члены редколлегии:

Батырева С.Г., д.иск., доцент

Тепкеев В.Т., к.и.н.

Адрес редакции: 358000, Россия, г. Элиста,
ул. Илишкина, д. 8, оф. 146. КалмНЦ РАН.

E-mail: magna-adsurgit@yandex.ru.

Адрес в интернете: <http://kigiran.com/pubs/index.php/history>

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям	4
---------------------------------	---

ЭТНОГРАФИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

<i>Содномпилова М.М.</i> Животные в народной медицине кочевников Внутренней Азии: лошадь в контексте традиционных представлений о здоровье и лечебных практиках	7
<i>Хусаинова Г.Р.</i> Отражение народных представлений о домашних животных в башкирском фольклоре	15
<i>Тюхтенева С.П.</i> Этническое предпринимательство и внутренняя миграция (на примере Калмыкии)	24
<i>Бакаева Э.П.</i> Этническое предпринимательство в современной Калмыкии: вопросы развития туризма и культуры	37
<i>Шараева Т.И.</i> Сувенирная кукла и ее место в системе этнокультурного туризма в Республике Калмыкия	59
<i>Лиджиева А.М.</i> Молитвенные флажки «ки мөрн» в современной городской жизни калмыков	76
<i>Батырева С.Г.</i> Войлок в музеях России как источник в сравнительно-сопоставительном изучении материального наследия монгольских кочевников	83

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЮГА РОССИИ

<i>Манджиева В.В., Шарманджиева Ц.В.</i> Сравнительный анализ археозоологического материала из курганной группы Ергенинский в Калмыкии (по материалам полевого отчета В.П. Шилова, М.А. Очир-Горяевой и по коллекции КалмНЦ РАН)	91
<i>Сень Д.В.</i> Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.)	109
<i>Тепкеев В.Т.</i> Организация калмыцкого посольства в Тибет в 1717 г.	120
<i>Сартикова Е.В.</i> Партийное просвещение в Калмыкии в 20–30-е годы XX века	127
<i>Кринко Е.Ф.</i> Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг.	151
<i>Белюсов С.С.</i> Строительство военных аэродромов на территории Калмыцкой АССР и Астраханского округа Сталинградской области в 1941–1942 гг.	165
<i>Очиров У.Б.</i> Жители Калмыкии — военнослужащие Красной армии, представленные, но не награжденные «Золотой Звездой»	174
<i>Гунаев Е.А.</i> Система управления в национальных автономиях Юга РСФСР в 1958–1976 гг.	189

Дорогой читатель!

Вы читаете очередной номер научного журнала «Magna adsurgit: historia studiorum» (Великая степь: исторические исследования). Основателем и издателем журнала является Калмыцкий научный центр Российской академии наук.

Великая степь – это обширный степной макрорегион, протянувшийся в центре Евразийского материка на половину континента: от Карпатских гор через бывшее Дикое поле, Степное Предкавказье, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, Казахстан, южные равнины Западной Сибири, Джунгарию и Монголо-Манчжурскую степь почти до берегов Тихого океана. Бескрайние степи обусловили свои особенности развития общества, экономики, уклада жизни, быта, менталитета, материальной и духовной культуры, которые заметно отличались от аналогичных процессов у оседлых земледельцев. На наш взгляд, без изучения истории народов и государств Великой степи невозможно комплексное, всеаспектное и полностью адекватное отображение как всеобщей, так и отечественной истории.

В период со 2 по 6 июля 2019 г. в Казани состоялся XIII конгресс антропологов и этнологов России. В работе конгресса приняла участие и член нашей редколлегии, зам. директора Калмыцкого научного центра РАН, д.и.н. Э.П. Бакаева, которая выступила с докладом на секции 47 «Отношения человек–животное в фольклоре, представлениях и практиках тюрко-монгольских народов Евразии» (модераторы — к. иск. Г.А. Дорджиева, д.и.н. С.П. Тюхтенева). Все тезисы докладов были опубликованы, но ряд докладов вызвали у Эльзы Петровны особый интерес. По ее рекомендации редколлегия «Magna adsurgit: historia studiorum» приняла решение опубликовать несколько докладов на страницах нашего журнала.

Доклады наших коллег из Алтая, Башкирии и Бурятии, а также статьи калмыцких этнографов и искусствоведов составляют новую рубрику журнала «Этнография и искусствоведение тюрко-монгольских народов».

Вторая рубрика объединяет статьи, в которых исследуются различные проблемы истории и археологии народов Юга России.

Еще раз напомним, что мы всегда рады видеть на страницах нашего журнала всех заинтересовавшихся исследователей и приглашаем их к сотрудничеству.

Адрес редакции: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Илишкина, д. 8, оф. 146. КалмНЦ РАН. E-mail: magna-adsurgit@yandex.ru.

Адрес в интернете: <http://kigiran.com/pubs/index.php/history>

Главный редактор – У. Б. Очиров

**Этнография и искусствоведение
тюрко-монгольских народов**

ЖИВОТНЫЕ В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ КОЧЕВНИКОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ: ЛОШАДЬ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗДОРОВЬЕ И ЛЕЧЕБНЫХ ПРАКТИКАХ*

*Содномпилова Марина Михайловна*¹

*¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ)
E-mail: sodnompilova@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные представления тюрко-монгольских кочевников о здоровье, заболеваниях, приемы лечения. Оценивается значение в народной медицине лошади — продуктов коневодства, образа лошади в контексте представлений о заболеваниях.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, тюрко-монгольские народы, народная медицина, традиционное мировоззрение, лошади.

В народной медицине тюрко-монгольских народов представления о здоровье, заболеваниях, а также приемы лечения формировались в тесной связи с образами домашних и диких животных и других обитателей окружающего их мира. Опыт взаимодействия и взаимовлияния человека и животного в практиках народной медицины кочевников многогранен и содержит пласты как рациональных, так и религиозно-магических знаний. Эта проблема чрезвычайно актуальна и требует специального исследования.

Источниками исследования стали историко-этнографические и фольклорные материалы. Общеметодологической базой данного исследования выступают сравнительно-исторический метод, способствовавший выявлению общих черт в понимании и осмыслении явлений природы и предметов культуры в тюрко-монгольском мире, а также метод культурно-исторической реконструкции, позволивший определить логику архаических воззрений.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки России: проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9 [“The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China: history, culture, contemporary society”].

Кочевник и охотник, хорошо знакомый с живыми существами, окружающими его в природе, аккумулировал медицинские знания, опираясь на сведения, раскрывающие особенности их образа жизни. Пристальное наблюдение кочевников за представителями живой природы способствовало накоплению знаний о целебной и опасной, ядовитой флоре региона проживания, о ее целебных источниках, полезных свойствах различных минералов и солей. Люди, наблюдая за животными, научились использовать растения в лечебных и хозяйственных целях, формировали «карты» минеральных источников местности.

В корпусе религиозных воззрений тюрко-монгольских народов животные*, птицы**, пресмыкающиеся*** (части тела, органы, шерсть, перья, кости) служили средством исцеления, но могли выступать причиной**** или маркером определенных заболеваний. Народная медицина кочевников хранила разнообразные сведения о животных, которые имели значение при определении заболеваний, выборе лечебных приемов.

Особое значение в системе традиционных представлений о здоровье, заболеваниях и их причинах, а также в традиционной медицине монгольских народов занимает лошадь. Как показывают этнографические

---

* Полезным для организма считалось мясо многих диких животных, которые поражали воображение людей своей силой, выносливостью, зорким зрением, способностью хорошо слышать. С этой точки зрения ценилось мясо, жир и некоторые внутренние органы медведя, который по воззрениям охотников никогда не болеет [Соломатина 1986: 150], мясо и жир кулана, дикого верблюда [Мурзаев 1973: 196, 247], оленя и многих других животных.

** Мясо боровой дичи обладало способствующими регенерации мышечной ткани свойствами. В этой связи, полезным считалось употребление в пищу мяса горной индейки улара, куропатки, глухаря, тетерева [Архангельский 1957: 49–50]. Буряты для исцеления от бешенства использовали перья альпийской галки, которыми окуривали больного; в лечебных целях также заставляли слушать ее крики [Потанин 1883: 707].

*** Целебными свойствами наделялось, в частности, мясо белой змеи. Сброшенная в процессе линьки змеиная кожа, якобы помогала при укусах змей [Хангалов 1960: 76–77]. Тувинцы и хакасы сухую, сброшенную рептилией шкуру применяли при трудных родах — ее набрасывали на спину роженицы [Бутанаев, Монгуш 2005: 79].

**** По народным воззрениям бурят как вестник затяжной болезни выступал, например, филин: «Если филин по ночам садится во дворе и кричит, то быть больному на долгое время» [Смолев 1900: 28]. В традиционных представлениях хакасов, рассерженные волк или собака, в ярости царапавшие землю, навлекали на человека, наступившего на это место, кожные болезни [Бутанаев 1999: 39]. В народной медицине тюрко-монголов многие кожные заболевания лечились с помощью шкуры, клыков, желчи, костей волка [Потапов 1958: 137; Вербицкий 1893: 88]. Перечень заболеваний кожи, который можно было лечить с использованием волчьей атрибутики, был довольно обширен — крапивная лихорадка, язвы, нарывы, чесотка, лишай и даже ветряная оспа [БАМРС 2002: 319].

материалы, аккумулированные у разных монгольских народов, с точки зрения значимости лошади в жизни домохозяйства, ее личного хозяина, имели значение крепость здоровья, плодовитость, выносливость, неприхотливость. От этих ее качеств зависело обеспечение кочевника мясом, молоком, шкурами, волосом — все то, от чего зависела его жизнь. В свою очередь, вышеперечисленные качества лошади зависели от ее масти. Придавалось также значение цвету ее глаз и копыт. В практике кочевников известны предпочтения той или иной масти лошади. Ойраты, в частности, заметили, что лошади бурой масти крепче здоровьем, неприхотливы к кормам, не страдают от морозов и плодовиты. Подобные качества в целом распространялись на всех лошадей темной масти. Светлые лошади чаще страдают наследственными заболеваниями, неустойчивы к климатическим изменениям. Целый комплекс представлений о масти лошадей связывается с понятием «счастье», «благополучие».

Особый интерес представляет отраженная в традиционном мировоззрении связь масти лошади с заболеваниями, в частности, с оспой. Традиционные представления кочевников о заболеваниях являются частью общей мифопоэтической картины, которая формировалась на всем пространстве Внутренней Азии. В этой связи отмечаются компоненты в мировоззрении монголов, бурят, хакасов, тувинцев, обнаруживающие сходство между собой и определенную связь. Так, образы маленьких, невидимых глазу обычных людей человечков, в представлениях бурят подобны «маленьким гостям», приносящим ветрянную оспу, невидимым гостям из страны Оспы в представлениях тюрков Южной Сибири. В мифологии хакасов довольно точно выражено географическое положение мест, откуда стала распространяться оспа и даже климатические особенности этой местности. Согласно преданию, оспа (по-хакасски «*улуг аальи*» — т. е. «большие гости») пришла на землю хакасов из страны, расположенной за Восточными Саянами. Она пришла из другого мира, где травы не вянут и реки не замерзают (*т. е. там, где тепло*), где находятся пестрые горы и пасется пестрый скот. Народ оспы очень похож на людей Солнечного мира, но только светлый и белоглазый (т. е. глаза без радужной оболочки) [Бутанаев, Монгуш 2005: 117]. В.Я. Бутанаев склонен видеть в этих образах реальных жителей Прибайкалья — алатов, разводивших пегих лошадей в средневековье, сведения о которых фиксируются в китайских летописях.

Отголоски представлений о пестром скоте из страны Оспы обнаруживаются и в воззрениях монголов. В XX в. среди монгольских народов фиксируются приметы, согласно которым пегой и чубарой лошади, особенно с тусклыми невыраженными мелкими пятнами, сопутствует несчастье. Если кто-либо из гостей приезжал на монгольскую свадьбу на лошади пестрой масти, то это считалось плохой приметой, поскольку тогда жизнь молодых может сложиться неудачно [Содномпилова, Нан-

затов 2014: 107]. Не следовало посещать поселение *айл* человеку в красной одежде на пегой лошади и в сопровождении собаки. Считалось, что тогда пасущийся скот будет пугаться, на душе у людей будет беспокойно. Полагаем, что чубарая масть лошади с мелкими бурыми или рыжими пятнами вызывала ассоциации с некоторыми видами тяжелых заболеваний, прежде всего, — с оспой. Перечень негативных примет, сопутствующих лошадям с неблагоприятной мастью, продолжают пестрые копыта, заостренный хвост и прозрачные *ценхер* глаза («сорочьи»). Примечательно, что такие же «белые» глаза были свойственны людям страны Оспы из хакасских преданий.

Монголы и их предки считали полезными для здоровья практически все продукты, употребляемые ими в пищу. Поскольку основу рациона кочевников составляла молочная и мясная пища, основные позиции в народной медицине занимали средства животного происхождения. По степени лечебного воздействия на организм человека, помимо мяса овцы, предпочтение отдавалось молоку и мясу лошади. Из всех домашних животных лошадь считалась самым чистым животным, которое пьет только чистую воду и пасется на лучших пастбищах. Мясо лошади обладало согревающими свойствами, и его употребление было крайне необходимо в холодный зимний период. Полагали, что конина излечивает заболевания, именуемые в народе *хуйтэн овчин**. Кости копыт исцеляли организм от заболеваний, обозначаемых как *шар ус* [Билгуун Шарвын 2013: 108] — «желтая вода»**.

Повсеместно ценились лошади белой масти: кочевники считали, что их мясо и внутренние органы обладают особенно целебными свойствами. В лечебной практике важное значение придавалось и местности, откуда происходили животные: лучшими считались лошади северных земель.

Определенную пользу организму приносило употребление свежей крови и некоторых органов животных, в том числе лошадей. В прошлом монгольские воины, находясь в походе, при отсутствии пищи или возможности ее добыть, пили небольшими дозами кровь лошади, надрезая ее шейную артерию. Буряты употребляли в сыром виде горячую, еще не свернувшуюся кровь, печень и почки после забоя скота. Предбайкальские буряты считали за лакомство сырую печень и подбрюшный жир коня *арбин*, которые употребляли в зимнее время после осеннего забоя скота «на мясо».

Из продуктов коневодства важное значение придавалось свойствам кобыльего молока. Замечательные качества кобыльего молока давно были

* Буряты обозначали так венерические заболевания, в частности сифилис [Галданова 1992: 98].

** Под архаичным названием заболеваний «желтая вода» подразумеваются болезни суставов, водянка [Хунданов, Хунданова, Базарон 1979: 48].

известны народной медицине тюрков и монголов. Особенно ценным был первый кумыс, полученный в начале сезона доения кобылиц, восстанавливающий силы организма, ослабленного зимой [Жуковская 1988: 75]. Многие пациенты считают наиболее полезным для организма молоко белых кобылиц, в силу сакральности белого цвета*. Кумыс употребляли как общеукрепляющее средство при различных заболеваниях, а также использовали как средство, очищающее организм от шлаков. Осуществляя процедуру очищения, кобылье молоко нагревали и пропитывали сложенную в 2–3 слоя ткань, в которую заворачивали больного. Человек находился в таком положении до полного высыхания ткани. Лечение следовало проводить в несколько приемов [ПМА: Галданова].

Своеобразным лечебным средством в народной медицине монголов считался конский навоз — *хомоол, тонтагуул*. Он находил применение при лечении разных недугов и заболеваний. Г.Д. Нацов упоминает, что в прошлом при отравлении угарным газом конский помет клали на виски в виде компресса или натирали им виски, давали его понюхать больному, при этом его состояние улучшалось [Нацов 1995: 32]. Он полагал, что конский помет обладает способностью вбирать в себя запахи (газ). Монголы считали, что особые целебные свойства приобретает конский навоз, пролежавший в темной пещере, куда не проникает солнечный свет в течение трех лет. Это лечебное средство называют «голубой помет» [Тангад 2014: 163].

Определенным образом связан конский помет с лечением такого заболевания, как мастит у людей и животных. В Гоби-Алтайском аймаке МНР Н.Л. Жуковской было записано следующее поверье: если женщина родила ребенка и не получила для новорожденного подарка от своего брата, у нее может заболеть грудь. В таком случае брат приезжает и проделывает следующее: берет небольшой кусок лошадиного помета, заворачивает его в бумагу, просовывает сквозь решетку под дверь юрты и вручает женщине. После этого боль в груди должна пройти [Жуковская 1988: 91]. Магическая роль лошадиного помета отмечена и в скотоводстве. Если у коров заболевает вымя или соски, то молоко сцеживают на кусок лошадиного помета, читая определенные заклинания. Кусок помета затем выбрасывают. Кроме того, конский навоз использовался калмыками и бурятами как средство, отпугивающее муравьев [Нацов 1995: 32].

В перечне специфических лечебных приемов монгольских народов выделяется «введение в шкуру», «компресс» (*арханда уруулха, жэн табиха, оорох, сэвэслэху*) — метод, активно применяемый и современными

* Автор статьи, находясь на горном курорте в Кыргызстане и получая лечение кумысом, наблюдал, как пациенты выстраивались в очередь, желая получить парное молоко от единственной в стаде белой кобылы [Кыргызстан, Иссык-Кульский район, 2012 г.].

целителями. Суть этого метода состоит в том, что больного обкладывали горячими внутренними органами специально забитого животного (овцы, лошади) и заворачивали в его шкуру. В древности имел место и другой способ, зафиксированный в источниках, при котором больного помещали в утробу забитого животного. Этот способ появился в среде кочевников-скотоводов и был широко распространен в Центральной Азии, Сибири (на севере Сибири этот прием фиксируется у якутов-оленьеводов). Он считался эффективным при лечении целого ряда заболеваний: пневмонии, лихорадки, заболеваниях внутренних органов (печени, почек, кишечника), при укусах ядовитых змей, тяжелых ранениях. Монгольский исследователь Билгүүн Шаравын Болд считает, что эффективность этого метода лечения обуславливается следующим: 1) горячая кровь, пропитывая больного, возвращает телу тепло (поддерживает необходимую температуру тела); 2) укрепляет кровеносные сосуды больного. Поэтому такое лечение было особенно востребовано в эпоху войн, когда раны, полученные в боях, были самой распространенной формой заболеваний.

У якутов метод, при котором больного помещают в утробу животного, зафиксирован в документах XVII в. С.В. Бахрушин обнаружил одно интересное сообщение о том, что якуты «...*порют у кобыл и коров брюхо и кладут раненых в кобылы и коровы и тем самым де их лечат*» [Якуты 2012: 272]. Эвены практиковали аналогичный метод лечения при сильных обморожениях: быстринские эвенки обмороженные конечности помещали в разрезанную брюшную полость только что забитого оленя, охотские — обморозившегося человека обертывали шкурой еще «горячего» убитого оленя. Исследователи подчеркивают, что основной эффект при таком лечении также исходил от теплой крови и печени, специально оставленных в шкуре [Туголуков, Тураев и др. 1997: 131].

Относительно выбора животных для этой процедуры в обширном пространстве тюрко-монгольского мира известны разные рекомендации. У закаменских бурят было принято использовать для этих целей преимущественно крупный рогатый скот и коз, так называемых «животных с холодным дыханием» — *хүйтэн шанартай* [ПМА: Галданова]. У многих других этнических групп бурят, а также монголов, животные с «холодным дыханием» не используются в лечебных целях. У монголов мясо крупного рогатого скота и коз считается «охлаждающим», малополезным для человеческого организма, больным никогда не дают мясо этих животных [Вяткина 1960: 166]. Однако в Монгольской империи для лечения воинов, получивших тяжелые ранения в боях, забивали именно крупный рогатый скот — больных помещали в коровью утробу. Кровь крупного рогатого скота была способна вытягивать яды [Билгүүн Шаравын 2013]. В начале XX в. Ц. Жамцарано в своих этнографических записях, сделанных в Ольхонском ведомстве, отмечал, что у здешних

бурят, помимо использования в лечебных целях барана и лошади, бытуют такие формы лечения, как «козье лечение» (*ямаан арга*) и «коровье лечение» (*ухэр арга*) [Жамцарано 2001: 63]. Такие разные рекомендации имеют под собой соображения, основанные на религиозно-мифологическом корпусе воззрений, связанных со структурой мироздания и встроенными в эту структуру живыми существами.

При других заболеваниях, например при укусе ядовитой змеи, лучшим считалось обертывание только в лошадиную шкуру. Иногда к месту укуса подносили еще бьющееся сердце животного, которое вытягивало яд из раны.

Таким образом, в народной медицине кочевников тюрко-монгольского мира лошадь занимает важное место. Мясо, жир, внутренние органы, шкура и даже помет этого животного широко использовались в практиках народной медицины и применялись как лечебные средства от разных заболеваний. В некоторых случаях обоснование лечения носило иррациональный характер, но в целом, все продукты коневодства, безусловно, полезны для здоровья.

Источник

Полевые материалы автора (ПМА). Информант Ц.Ц. Галданова, 1908 г. рождения, хонгодор, запись 2005 г. (с. Цаган-Морин Закаменского района Республики Бурятия).

Литература:

Архангельский В.В. Охота на полевую, степную, пустынную и горную дичь. М.: Физкультура и спорт, 1957. 53 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. Т. IV. М.: Academia, 2002. 506 с.

Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: УПП «Хакасия», 1999. 240 с.

Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2005. 196 с.

Билгүүн Шаравын Б. Монголын анагаах ухааны түүх. Гутгаар боть [1206 оноос 1578 он хүртэл]. Улаанбаатар хот, 2013. 213 с.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера протоиерея Вербицкого В.И. М.: Скоропеч. А.А. Левенсон, 1893. 221 с.

Вяткина К.В. Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. Москва-Ленинград: Наука, 1960. С. 159–269.

Галданова Г.Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки [вторая половина XIX — первая половина XX в.]. Новосибирск: Наука, 1992. 172 с.

Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 195 с.

Мурзаев Э.М. Годы исканий в Азии. М.: Мысль, 1973. 396 с.

Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят. Часть I. Перевод и примечания Г.Р. Галдановой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 156 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Выпуск IV. Материалы этнографические. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1883. 1029 с.

Потанов Л.П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. XXX, М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 135–143.

Смолев Я.С. Три табангутских рода селенгинских бурят: этнографический очерк. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1900. 58 с.

Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. Зөв зус или «правильная» масть лошади в коневодческой культуре монгольских народов: символика масти. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 3 [15]. С. 100–116.

Соломатина С.Н. Колыбель в обрядах и представлениях народов Саяно-Алтая // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск: б. и., 1986. С. 147–155.

Тангад Д. Монголын утга соёлын зүйл дэх хонь адууг эрхэмлэх түүнтэй холбогдосон домоос // Монголын угсаатны зүйн судалгаа. Т. V. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2014, С. 153–167.

Туголуков В.А., Тураев В.А., Спешаковский Б.А., Кочешков Н.В. История и культура эвенов. СПб.: Наука, 1997. 179 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. 3. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1960. 420 с.

Хунданов Л.Л., Хунданова Л.Л., Базарон Э.Г. Слово о тибетской медицине. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1979. 112 с.

Якуты Саха /Отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова. М.: Наука, 2012. 599 с.

ОТРАЖЕНИЕ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В БАШКИРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Хусаинова Гульнур Равиловна¹

¹ доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа)

E-mail: bashfolk@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале башкирского фольклора, как опубликованных, так современных полевых записей, показываются представления народа о таких домашних животных, как конь, корова, бык. Первые сведения о домашних животных встречаются в архаическом эпосе «Урал-батыр», выявлены они и в народных сказках. Среди полевых материалов XXI в. также имеется любопытный материал о домашних животных, связанный с древними верованиями. Народная память сохранила и передала народные знания о домашних животных, об уходе за ними от поколения к поколению.

Ключевые слова: башкирский фольклор, тотемизм, народные представления, домашние животные, конь, корова, бык.

Башкиры испокон веков вели полукочевой образ жизни и одним из основных их занятий было животноводство, поэтому неудивительно, что представления о домашних животных получили отражение в его фольклоре. В мифах, эпических сказаниях, сказках, легендах, обрядовом фольклоре и других жанрах башкирского фольклора значительное место занимают образы домашних животных, связанные с древними верованиями и этиологическими представлениями.

Как у любого народа каждый год носит название животного, в том числе домашнего: коровы (быка), собаки, кабана (свиньи), лошади, овцы. В эпосе «Урал-батыр» это явление объясняется следующим образом:

*Ай, көн һайын Уралға
Бары йәнлек тулған, ти,
Шу йәнлектәр, кош-корттар
Килеү көнө кешеғә
Ай, йыл һанап белеүгә
Исем булып киткән, ти.*

[Башкирское народное... 1998: 123]

*Каждый день и месяц Урал
Все живое в себя вбирал.
Дни прихода птиц и зверей
С тех пор и стали для людей
Названием месяцев и годов —
Стал подсчет их с тех пор таков.*

[Башкирское народное... 1987: 131]

Как утверждают исследователи, у кочевых народов древности, занимавшихся скотоводством, применялись лунные календари, а с переходом к земледелию люди стали пользоваться солнечными и лунно-солнечными календарями. Последний у восточных народов состоял из повторяющихся двенадцатигодичных циклов (мөсәл). Каждый год мусалы имел зооморфное название [Башкирское народное 1987: 502]. И еще у башкир существуют свои суеверия по годам: «Различались «мужские, т.е. суровые годы (лошади, собаки), а также «женские» — легкие, благосклонные годы (коровы, овцы, свиньи)» [Сулейманов, Султангареева 2010: 21], т. е. «Йылкы йылы — каты йыл» (Год лошади — жесткий год) или «Ғарыҡ йылы — еңел йыл» (Год овцы — легкий год) [Сулейманов, Султангареева 1995: 17].

О культе животных, особенно о коне, в башкирском фольклоре писали исследователи А.Н. Киреев [Киреев 1970: 93–94, 101, 109–114, 119–124], М.Х. Мингажетдинов [Мингажетдинов 1969], Н.Т. Зарипов [Зарипов 1978], М.М. Сагитов [Сагитов 1984], Ф.А. Надршина [Надршина 1986: 84–90], поскольку в древности кони являлись почитаемыми животными — тотемами. Известно, что для некоторых народов тотемом были ветер, солнце, дождь, гром, воду, железо (Африка), для других — части отдельных животных или растений. Например, голова черепахи, желудок поросенка, концы листьев и т. п., но чаще всего тотемами были животные и растения.

В Африке у родов с тотемом змея новорожденных подвергают особому испытанию змеей: если змея не тронет ребенка, он считается законным, в противном случае его убивают как чужеродного. Отдаленно это напоминает следующий обычай у башкир: если у родителей не выжили дети, то при появлении на свет следующего ребенка его укладывали в собачью миску и выставляли собаке, которая никогда не трогала ребенка, и после этого последнему давали имя «Эталмас» (собака не возьмет), или новорожденного ребенка подкладывали к собаке с только что ощенившимися щенками одного помета, чтобы ребенок выжил [Илимбетов, Илимбетова 2012: 151; 142–143]. Многие тотемные племена верят, что после смерти каждый человек обращается в животное своего тотема и, следовательно, каждое животное — умерший родственник.

Пережитки подобного рода встречаются даже в современной Европе. У южных славян при рождении ребенка старуха выбегает с криком: «Волчица родила волчонок!», а у башкир грудного ребенка парят в бане со словами: «Минең балам түгел, айыу, буре балаһы» (Не мой ребенок, медвежонок, волчонок), после чего ребенка продевают через волчью шкуру, а кусок волчьего глаза и сердца зашивается в рубашку или вешается на шею (башкиры вешали на колыбель коготь волка, медведя, беркута как оберег от сглаза). Для полного закрепления родового союза

Хусаинова Г.Р. Отражение народных представлений о домашних животных в башкирском фольклоре

с тотемом первобытный человек прибегал к тому же средству, как и при принятии постороннего в члены рода и при заключении межродовых союзов и мирных договоров, то есть к договору крови.

Поклонение тотему, прежде всего, выражается в том, что он является строжайшим табу; иногда избегают даже прикасаться к нему, смотреть на него (бечуаны в Африке). У башкир существовало табу называть зверя как самим охотникам перед отправлением на охоту, в частности, за медведем (говорили: «Бабай («урман хужаһы»), «солок эйҙһе») алырға барабыз» (За стариком (хозяном леса, хозяином борти) пойдем) [Надршина 1986: 81], так и оставшимся дома членам семьи. Из научной литературы известно также, что представители рода, у которого животное было тотемом, старались не убивать его, употреблять в пищу, одеваться в его шкуру; если тотемом было дерево или другое растение, то представители старались не рубить его, не употреблять на топливо. В стадии теротеистического культа, предшествовавшего тотемизму, все объекты и явления природы человеку представлялись антропоморфными существами в образе животных, поэтому чаще всего тотемами являются животные [Малиновский 1988].

Также считалось, что тотемы, в свою очередь, как верные сородичи, к тому же обладающие сверхъестественными силами, оказывают родственным по крови поклонникам покровительство, содействуя материальному их благосостоянию, защищая от козней земных и сверхъестественных врагов.

Тридцать тысяч лет архаической культуры не исчезли. Нам в наследство остались обряды, ритуалы, символы, памятники, стереотипы первобытных культов. Тотемизм, табу, магия, фетишизм, анимизм характеризуют верования и обряды первобытного человека. Но это не значит, что они существовали только в первобытном обществе. В этом обществе они только возникли и являлись господствующими формами религиозной стороны. Однако различные формы их проявлений мы можем четко обнаружить во всех последующих религиозных системах, в том числе и в современных религиях. Они также существуют в виде суеверий и других пережитков прошлого в сознании людей. Пищевые запреты, причастие — отдаленный отголосок табу и тотемизма. Вера в амулеты, талисманы, в другие священные реликвии живет в сознании современного человека. Магические символические действия — составная часть всей современной обрядности. Вера в заговоры, порчу, гадания — никогда не исчезала из сознания и практики людей. По утверждению известного немецко-американского этнографа Ф. Боаса: «Во многих случаях различия между человеком цивилизованным и первобытным оказывается скорее кажущимися, в действительности основные черты ума одинаковые. Главные показатели интеллекта являются общими для всего человечества» [Боас 1926: 64].

Образ коня, как было отмечено выше, наряду с образом самого батыра, занимает центральное место в башкирском фольклоре. Разной масти мифические говорящие кони — Акбузат (серо-белый конь), караковые, серые, сивые, гнедые, буланы, вороные, игрениевые, рыжие, а также крылатые тулпары, иноходцы, шестидесятиаршинные пегие кобылы — популярные персонажи фольклора башкир. Самые лучшие поэтические строки — образцы классической поэзии — в башкирском народном творчестве посвящены коню, другу народного батыра. В башкирском эпосе воспета буквально каждая часть коня, начиная с копыт и кончая кончиками ушей, каждое порывистое движения коня. Например, в эпосе «Урал-батыр» это такие строки:

*Колагын беззэй казаган,
Ялын кыззай тараган;
Башкунәктәй танаулы,
Гарымһактай азаулы;
Карсыга түш, тар бөйөр,
Еңел, текә тояклы;
Куян күзле, бакыр күз,
Кысыр йылан тамаклы;
Урайы куш, яңагы ас,
Муйындары бер колас,
Кыйгыр, бөркөт кабаклы;*

[Башкирское народное... 1998: 92]

*Уши — два шила над головой,
Грива развеивается гордо,
Вздёрнута точеная морда,
Зубы — как дольки чеснока,
Грудь соколиная, узки бока,
Крут и легок в копытах он,
Медью отливают глаза,
Тонкая гортань — змея пролезет (?);
Двойная макушка, впалые щеки,
Шея в один обхват, (?)
Веки — как у дикого беркута;*

[Башкирское народное... 1987: 99].

Ряд исследований на материале башкирских богатырских сказок провел М. Мингажетдинов [Мингажетдинов 1969; 1971; 1995]. В одной из своих статей он отмечает, что кровнородственная связь героя с животным миром характерна для башкирской богатырской сказки «Бузансы батыр», в которой герой рождается от серой лошади. При этом он подчеркивает, что «Богатырская сказка «Бузансы батыр» — единственное в башкирском фольклоре произведение, где чудесный конь выступает как предок человека, кровный его родственник» [Мингажетдинов 1969: 63]. Про сказку «Акъял батыр» он пишет, что «хотя в ней и не показана прямая кровнородственная связь батыра с животным миром, в ней есть замечательные детали, связанные с древними тотемными обычаями башкир. В одном из вариантов этой сказки батыр рождается от старухи с ниспадающей до колен белой лошадиной гривой, за что и получает имя Акъял (Белогривый). В другом варианте той же сказки батыр Акъял появляется на свет с чудесными длинными белыми волосами. В этом варианте «длинные белые волосы» лишены тотемистической определенности. В третьем варианте сказки об Акъяле-батыре фантастичность облика новорожденного вовсе не ощутима, потому что батыр рождается с длинными каштановыми волосами, но тоже

Хусаинова Г.Р. Отражение народных представлений о домашних животных в башкирском фольклоре

получает имя Акьял (Белогривый)» [Мингажетдинов 1969: 63]. Вариант сказки, где сохранился признак чудесного животного происхождения батыра — «белая грива», насыщен древними мифологическими и эпическими мотивами. Мотив происхождения батыра от тотемного животного связан с мотивами борьбы батыра с мифическими существами, с героическим сватовством и с возвращением батыра к жене после совершенных им на чужбине подвигов.

Как отмечает М. Сагитов, *«по представлениям башкир конь является не только покровителем, но и защитником людей от зла, болезней, несчастий»* [Сагитов 1984: 75]. Им же это подтверждается следующими примерами: *«башкирские всадники во весь опор мчались на на больного, страдающего эпилепсией», «в некоторых случаях больного обертывали свежей шкурой», «коня вводили в дом, чтобы изгнать злых духов, якобы поселившихся в нем»* [Сагитов 1984: 76]; *«можно довольно часто встретить пожилых башкир, которые, зарезав коня, сняв с него шкуру, обмазывают свое лицо, шею, руки и ноги свежим конским жиром. Они объясняют этот обряд как магическое действие: после этого не пристанет никакая хворь, исчезнут болезни костей, суставов и кожи»* [Мингажетдинов 1971: 302].

Башкиры также верят, что удар плетью, пропитанной конским потом, отгоняет злых духов, убивает ядовитую змею, а вожжи, сделанные из конского ремня, охраняют человека в странствиях или на природе, если во время сна положить их вокруг себя [Сагитов 1984: 76]. Башкиры зауральских деревень, останавливаясь на ночлег в незнакомом лесу или поляне, перед сном окружали место ночлега вожжами, хомутами, седельниками, уздечками — всем тем, что пахнет конским потом, чтобы оградить себя от змей, «нечистой силы» и болезней [Мингажетдинов 1971: 301]. По настоящее время в народе бытует поверье о том, что *«лошадиный череп оберегает хозяина и его имущество от дурного глаза, от всякого зла»* [Сагитов 1984: 76], поэтому существовал обычай вешать лошадиный череп на кольях оград, на воротах и т. д. В древние времена у башкир существовал и такой обычай: чтобы могила погибшего батыра стала святым местом, на ней закалывался конь.

Кровнородственная связь с животным миром имеет и сказочный батыр Акьяляк. Акьяляк рождается от капли крови черной коровы, которая упала на крышу дома. *«Давным-давно жили старые старик и старуха. У них была черная корова. Корову эту они решили зарезать. Капля коровьей крови попала на крышу. Однажды на крыше послышался детский плач. Старик взобрался туда и видит: лежит мальчик. Старик взял этого мальчика, поселил у себя и назвал Акьяляк»*. Так в сказочной фантастике своеобразно отражается древний культ коровы-предка. В этой сказке батыр, хотя и имеет кровную связь с тотемом коровы, получает имя Акьяляк (Белая ягода). По мнению М. Мингажетдинова,

мы здесь встречаемся со сказочным отражением образования нового рода или родового подразделения, своим происхождением связанного с тотемистическим родом или племенем.

О древних представлениях башкир, связанных с культом коровы, свидетельствует тот факт, что многие башкирские роды и их подразделения носят названия, связанные с тотемом коровы. Так, в составе Куйрук-Табынского рода (Койрок Табын) западных табынцев имелось родовое подразделение Башмак (годовалый теленок). Родовое подразделение Башмак имелось также и в составе идель-канлинского рода племени Канлы, относящегося к западным башкирам.

В эпосе «Конгур буга» подчеркивается, что корова и ее теленок Конгур буга — священные животные, защитники башкир. Если священный олень, конь, волк привели башкир в новую страну с раздольными степями, величественными горами, в страну, где много озер и рек, то корова со своим теленком Конгур буга проложили «*дорогу, по которой с севера на юг пересек башкирские земли сбежавший скот, завещанный для размножения породы*». Мифические Конгур буга, образ быка занимают большое место в башкирском фольклоре, в том числе в эпосе. В эпическом произведении «Урал-батыр» бык является тотемным животным, с которого произошел племенной скот, ставший для башкир источником достатка. Образ быка широко распространен в фольклоре тюркских народов. Особенно популярны образы светло-бурого, бурого, синего быка. Даже некоторые племена, народы свое происхождение связывают с быком, считают его родоначальником племени. Например, древние огузские тюркские племена, то есть предки современных туркмен и турок, связывали свое этническое происхождение с Огуз каганом, родившимся от брачной связи быка и женщины по имени Ак каган. Необходимо отметить, что в этническом составе башкирского народа есть этнические группы туркмен — тэкэй, происхождение которых связано с древнетюркскими огузскими племенами, что могло повлиять на распространение культа быка среди башкир [Сагитов 2009: 97–108].

Возникновение домашних животных в башкирском фольклоре объясняется по-разному. Например, в эпосе «Урал-батыр» их приводит жена Урал-батыра:

*Бер килгән, ти, киткән, ти;
Тыныс ил тип берәмләп
Кош-корттарзы эйәртеп,
Үз артынан эркелтеп,
Тагы Уралга килгән, ти.*

[Башкирское народное... 1998: 123]

*И вновь Хумай сюда прилетела,
А потом животных и птиц
За собой она привела:
Дескать, здесь благодатна земля,
На Урал возвратилась вновь;*

[Башкирское народное... 1987: 131]

Хусаинова Г.Р. Отражение народных представлений о домашних животных в башкирском фольклоре

В сказках о животных лошадь, корова, овца, уставшие от безделья, сами подходят к человеку и просят его принять их, обещая принести пользу в хозяйстве [Башкирское народное... 2009: 27--28]. Как правило, в них домашние животные всегда выступают помощниками героя [Башкирское народное... 2009: 57, 118–119 и т.д.] и являются положительными персонажами.

Как говорится, новое — это старое забытое. Поэтому возвращение к данной теме и развитие ее материалами полевых исследований XXI в. представляется небезинтересным. Среди современных записей привлекают внимание следующие сведения: *«Яңы тыуган бызаузың кабырғаһында, һыртында акһыл озон таптар була. Уны бызаузың канаты, тизәр. Ундай канаты булған бызау төнөн осоп йөрөй, шуга йонсой, имеш. Шуның өсөн туз яндырып, шул төктәрзе өтөп сыгалар. Шунан бызау шәбәйә, тизәр»* (если на спине или по бокам новорожденного теленка растут длинные белые волосы, их называют крылья. Считается, что такой теленок по ночам летает, истощается, поэтому надо сжигать его крылья) [Башкирское народное... 1995: 105, Фольклор курганских башкир 2008: 184]. Эта информация, записанная от курганских башкир, напоминает грудного ребенка с невидимыми волосами на спине, что беспокоит ребенка, в связи с чем их убирают с помощью ритуала. Она также напоминает миф о том, что шайтан по ночам катается на лошади, и та истощается. В башкирском фольклоре крылатый конь против крылатого теленка считается священным.

Больше всего в народе бытуют суеверия, связанные с домашними животными. Прежде всего, это боязнь сглаза как детенышей животных, так и самих животных. В целях защиты жеребенка, теленка, ягненка, козленка их хозяин читал молитвы и окуривал их, а на гриву, шею, хвост привязывал разноцветные кусочки тряпок [Башкирское народное... 1995: 102]. Считалось, что сглазу поддавались красивые сильные лошади, дойные коровы. Так, если последняя подвергалась сглазу, у нее пропадало молоко [Башкирское народное... 1995: 102]. У свердловских башкир привлекает внимание обычай, согласно которому купленное животное, входя во двор, где оно будет жить впредь, перешагивает брюки хозяина или передник хозяйки [Духовное наследие... 2008: 131; 237–238], символизируя тем самым принадлежность с этого дня новым хозяевам. Чтобы проданное животное не унесло с собой плодородие, хозяева вырывали шерсть скотины [Духовное наследие... 2008: 131, 238]. Если же все-таки плодородие уходило, хозяева со стола людей, которым продали свою скотину, незаметно брали пищу и кормили им свою скотину [Духовное наследие... 2008: 133]. Если от купленной скотины пользы нет, необходимо выкрасть стельку из обуви человека, у которого было куплено животное, и окуривать сарай, где держат эту скотину [Духовное

наследие... 2008: 136]. Если корова двух телят или овца двух ягнят принесет, от одного надо избавляться, то есть отдать кому-нибудь.

Небызинтересны древние представления народа о домашних животных, дошедшие до нас и активно бытующие в наши дни: «*Ерзе үгез мөгөзөндә тотоп тора*» [Духовное наследие... 2008: 236] (землю держит бык на своих рогах); «*йәшендән сыккан янғынды кара һыйыр һөтө менән һундерәләр*» (пожар, возникший от молнии, тушат молоком черной коровы); «*үгез бышкырһа, күк күкрәп, йәшен йәшнәп китә*» [Абзелиловская тетрадь 2010: 8] (когда бык фыркает, начинается гром с грозой) и т. п.

Таким образом, нами была сделана попытка обобщения наблюдений предшественников об отражении представлений о домашних животных в башкирском фольклоре и ознакомления современными материалами, относящимися к изучаемой теме.

Источники

Абзелиловская тетрадь (фольклорные записи) / Сост., авт. вступит. статьи и коммент. Ф.А. Надршина. Уфа: «Деловая династия», 2010. 124 с. (на башк. яз.).

Башкирское народное творчество. Том I. Эпос / Сост. М.М. Сагитов, коммент. Н.Т. Зарипова, М.М. Сагитова, А.М. Сулейманова. Отв. ред. тома Н.Т. Зарипов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. 544 с.

Башкирское народное творчество. Том III. Эпос / Сост. А.М. Сулейманов, авт. вступ. ст. М.М. Сагитов. Уфа: Китап, 1998. 448 с. (на башк. яз.).

Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / Сост. А.М. Сулейманов, Р.А. Султангареева. Уфа: Китап, 1995. 560 с. (на башк. яз.).

Башкирское народное творчество: Том XIII. Сказки о животных / Сост., авт. вступит. ст. Г.Р. Хусаинова, авторы коммент. Л.Г. Бараг, М.Х. Мингажетдинов, Г.Р. Хусаинова. Уфа: Китап, 2009. 200 с. (на башк. яз.).

Духовное наследие: фольклор свердловских башкир / Сост. Ф.А. Надршина, Г.Р. Хусаинова, Г.В. Юлдыбаева, Ф.Ф. Гайсина. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. 256 с. (на башк. яз.).

Фольклор курганских башкир: материалы комплексной экспедиции / подбор матер., сост. А.М. Сулейманова и Н.А. Хуббитдиновой; авт. предисл. и указателя инф. А.М. Сулейманов. Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. 228 с.

Литература

Боас Ф. Ум первобытного человека. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. 153 с.

Зарипов Н.Т. Герой башкирских богатырских сказок, его враги и помощники // Вопросы башкирской фольклористики: Сб. ст. Уфа: БФАН СССР, 1978. С. 3–19.

Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: АНРБ, Гилем, 2012. 704 с.

Киреев А.Н. Башкирский народный героический эпос / Отв. ред. М.Г. Рахимкулов. Уфа: Башкнигоиздат, 1970. 304 с.

Хусаинова Г.Р. Отражение народных представлений о домашних животных в башкирском фольклоре

Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.

Мингажетдинов М.Х. Мотив чудесного рождения героя в башкирских богатырских сказках // Эпические жанры устного народного творчества / Ученые записки. Вып. 33. Серия филологическая. № 13. Уфа: Изд. БашГУ, 1969. С. 55–75.

Мингажетдинов М.Х. Этногенетические мотивы в башкирских сказках // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 301–308.

Мингажетдинов М.Х. Пера таинственная сила. Уфа: Китап, 1995. 258 с. (на башк. яз.).

Надришина Ф.А. Память народа. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1986. 192 б. (на башк. яз.).

Сагитов М.М. Культ животных в башкирском фольклоре // Исследования по исторической этнографии Башкирии: Сборник научных трудов / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, Л.И. Нагаева. Уфа: БФАН СССР, 1984. С. 74–81.

Сагитов М.М. Мифологические и исторические корни башкирских народных эпосов. Уфа: Китап, 2009. 280 с. (на башк. яз.).

Сулейманов А.М., Султангареева Р.А. Обрядовый фольклор башкирского народа // Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / Сост. А.М. Сулейманов, Р.А. Султангареева. Уфа: Китап, 1995. С. 7-48 (на башк. яз.).

Сулейманов А.М., Султангареева Р.А. Обрядовый фольклор башкирского народа // Башкирское народное творчество. Т. 12: Обрядовый фольклор. Уфа: Китап, 2010. С. 7-85.

ЭТНИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ (на примере Калмыкии)*

Тюхтенева Светлана Петровна¹

¹ независимый исследователь, доктор исторических наук (г. Горно-Алтайск)

E-mail: kerel63@mail.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка исследовать факторы, способствующие занятию этническим предпринимательством в Республике Калмыкия. Мои исследования позволяют прийти к выводу о том, что одним из факторов развития этнического предпринимательства в этом регионе является не вполне очевидный фактор — трудовая и образовательная миграция из Калмыкии внутри России.

Ключевые слова: калмыки, этническое предпринимательство, внутренняя трудовая миграция, скотоводство

К числу факторов, способствующих занятию этническим предпринимательством в Республике Калмыкия, следует отнести трудовую и образовательную миграции внутри России. Бесспорно, что именно эти виды миграции способствовали появлению на рынке услуг такого развитого сегодня сегмента, как частные транспортные перевозки. Если вначале это были только пассажирские перевозки по маршруту Элиста — Волгоград, Элиста — Москва, то сегодня из столицы степной республики можно уехать в Ростов-на-Дону, в Ставрополь, Санкт-Петербург и другие города страны. Наряду с пассажирскими перевозками развивалась и доставка различного рода вещей. Сегодня из Элисты можно отправить посылку (помимо почтовой связи), особенно с продуктами питания, как через таксистов на легковых автомобилях, так и через водителей больших, средних и мини автобусов. Посылка может представлять собой конверт или большую сумку / коробку, и за доставку каждого предмета, в зависимости от места доставки, размера и веса, есть установленная цена.

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Юг России: этнические предприниматели «дома» и за его пределами (опыт социально-экономической адаптации)» № 17-01-00407-ОГН\19, № госрегистрации АААА-А19-119042390119-6.

Тюхтенева С.П. Этническое предпринимательство и внутренняя миграция (на примере Калмыкии)

В статье речь пойдет о развитии этнического предпринимательства в сфере скотоводства и сопутствующих этому виду производящей деятельности услугах по переработке и реализации продукции. Основываясь на собственных полевых материалах и исследованиях коллег, я постараюсь показать, что между этническим предпринимательством и трудовой миграцией существуют взаимообусловленные взаимосвязи. Рассматривать эти связи я буду на примере скотоводства, совокупно с переработкой и реализацией мясной продукции.

Демографическая ситуация и миграция сегодня. Немаловажную роль в становлении этнического предпринимательства в республике сыграло новое отходничество, начавшееся после распада СССР. Одними из первых стали уезжать на заработки в Москву жители г. Элисты, имеющие профессиональный опыт инженеров, учителей, бухгалтеров и экономистов. Редко кому из них удавалось найти работу по специальности в столице нашей страны. В тот период (середине и конце 1990-х гг.) Москве были нужны рабочие на строительстве новых зданий и сооружений. Таким образом, высококвалифицированные специалисты из Калмыкии в столице стали работать простыми строителями и отделочниками. Это была первая «волна» трудовой миграции из республики и первые этнические предприниматели.

Как показывает анализ демографической ситуации в Калмыкии, проведенный Е.С. Ковановой, М.В. Манджиевым, Г.В. Кедеевой [Кованова, Манджиев, Кедеева 2015], с 1989 по 2013 гг. численность населения республики снижалась. Указанные авторы оценивают уменьшение совокупно за весь исследуемый период в количестве 38 499 чел. [Кованова, Манджиев, Кедеева 2015: 125].

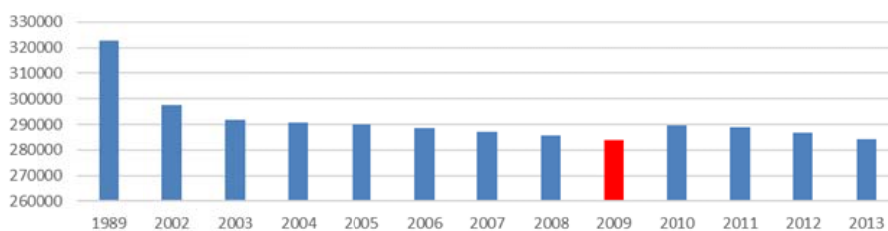

Рис. 1. Постоянная численность населения Республики Калмыкия
[Кованова, Манджиев, Кедеева 2015: 125].

В диаграмме, составленной авторами, наглядно видна тенденция постепенного уменьшения численности постоянного населения, причем максимум убыли населения приходится на 2009 год, выделенный авторами иным цветом. Однако, изучая демографическую ситуацию в республике и факторы, ее определяющую, эти авторы не учитывают фактор

миграции. Между тем, как мне это представляется, трудовая и образовательная миграции внутри страны, прежде всего, а также незначительная — за пределы России, являются определяющими при характеристике процессов миграции в Калмыкии.

Другой исследователь — С.Ю. Деев, исследуя ситуацию с демографией и миграцией в Калмыкии, в основных своих выводах солидарен с коллегами [Деев 2010]. Этот автор пишет, что: *«Во-первых, произошел резкий всплеск миграционной активности населения Калмыкии, во-вторых, число выбывших граждан за ее пределы в постсоветский период стабильно превышает число прибывших, в-третьих, начиная с XXI века, начался массовый отток из республики титульного населения»* [Деев 2010: 124]. Оценивая миграцию в среде молодых людей в возрасте 16–29 лет, С.Ю. Деев совершенно справедливо указывает, что для этой возрастной группы присуще стремление отделиться от родителей, пожить независимой, собственной жизнью, а также желание изменить свое будущее, попробовать свои силы за пределами республики, поскольку молодежь более активна в миграционном отношении и обладает высокой степенью адаптивности [Деев 2010: 126]. С ним солидарна социолог Л.В. Намруева. По ее оценке (по состоянию на 2011 г.) ежегодно в Москву из Калмыкии выезжало 800–1000 человек, причем *«При помощи выездных заработков трудовые мигранты обеспечивают семье хорошее питание, медицинские обслуживание, улучшение жилищных условий, приобретение товаров длительного пользования»* [Намруева 2011: 87–92]. Кроме того, указывает далее автор, ежегодно сотни ребят-калмыков поступают в столичные вузы, по окончании которых они не планируют возвращаться в республику [Намруева 2011: 90]. Более того, по результатам проведенного в 2010 г. опроса, пишет Л.В. Намруева, значительное число опрошенных (всего 283 человека, разделенные на две группы: 1) до 20 лет; 2) от 20 до 29 лет) — 70 % мечтает выехать за пределы республики, при этом *«30 % опрошенных молодых людей мечтают выехать в европейские страны, 20 % — в США, 15 % — в азиатские страны (Китай, Японию)»* [Намруева 2011: 90].

Экономисты Е.С. Кованова, Е.П. Тенетова, Н.А. Эльдяева, характеризуя проведенное ими выборочное обследование, указывают, *«что следует отметить высокую миграционную подвижность молодых женщин из сельских районов. В перспективе эта тенденция имеет двойной отрицательный эффект, который проявляется в старении сельского населения и уменьшении рождаемости»* [Кованова, Тенетова, Эльдяева 2019: 129]. Указанными авторами было обследовано 801 городское домохозяйство и 1 029 сельских домохозяйств. Как показали результаты проведенного исследования, *«В трудовой миграции большая часть (71,5 %) обследованных женщин работали по найму. Организовали собственное дело с созданием рабочих мест не более 3 % трудовых мигран-*

Тюхтенева С.П. Этническое предпринимательство и внутренняя миграция (на примере Калмыкии)

тов. Большая часть женщин не имеют легального статуса регистрации и задействованы в неформальном секторе экономики» [Кованова, Тенетова, Эльдяева 2019: 130]. Эти авторы также отмечают, что по достижении 55 лет большая часть женщин возвращается в свой регион.

Мнения всех авторов, процитированных здесь, сходны. «Портрет» мигранта из Калмыкии описывается так: вчерашние школьники (до 20 лет — образовательная миграция), молодые люди (от 20 до 29 лет), селяне, женщины, люди старше 50 лет. Гендерный аспект трудовой миграции разные авторы объясняют по-разному. Мне ближе объяснение социального антрополога Э.-Б.М. Гучиновой: преимущественно женская миграция *«связана с настроениями «стихийного» феминизма в Калмыкии. Я имею в виду изменение генерального гендерного контракта, когда доминировавшие патриархальные отношения в целом сменились контрактом равных прав, что в калмыцком обществе произошло в годы депортации. Эта проверка на выживание народа пришла на военное время, когда мужчины были на фронте, и выселенным женщинам пришлось взять на себя ответственность за жизнь детей и стариков»* [Гучинова 2003: 124]. Разумеется, правы и другие исследователи, пишущие о том, что основными факторами, ведущими к выбору такой жизненной стратегии, как трудовая миграция, являются безработица, неудовлетворенность низким уровнем жизни в связи с этим, а также переезд на постоянное место жительства родителей тех молодых людей, которые после окончания вузов остались жить и работать в Москве и Санкт-Петербурге, чтобы помочь им в воспитании внуков и, наоборот, чтобы дети могли присматривать за престарелыми родителями.

Вторая волна (с начала 2000-х гг. и по сегодняшний день) мигрировала в Москву и Санкт-Петербург в период открытия в двух столицах множества супер- и гипермаркетов, предприятий общественного питания и состояла из молодых людей, выпускников вузов и ссузов. Большинство из них работали продавцами, кассирами, посудомойками, официантами, помощниками повара и поварами, постепенно поднимаясь по карьерной лестнице и доходя до администраторов и директоров. В этот же период времени, в 2000-е гг., жители Калмыкии начали «осваивать севера» — трудоустриваясь в Югре, Ямале, Чукотке и Магадане. С середины 2000-х гг. в миграционный процесс стали включаться жители сельской местности. С этого времени поток едущих на заработки стабилизировался, насчитывая ежегодно не менее 3 тысяч человек. Сегодня в числе уезжающих на заработки или переезжающих на постоянное место жительства (как везде в провинциальной России): врачи, медицинские сестры, водители, рабочие строительных специальностей, продавцы–кассиры.

Вполне естественно, что среди тех, кто живет и работает в Москве, Санкт-Петербурге, Перми, Ханты-Мансийске, Новом Уренгое, Мага-

дане, Хабаровске, Владивостоке, Южно-Сахалинске и других городах, стали появляться наиболее предприимчивые люди, оказывающие сегодня транспортные услуги в сфере пассажирских перевозок и перевозки грузов. Как правило, немалую часть перевозимых грузов занимает калмыцкое мясо: в виде готовых замороженных блюд из мяса для студентов, отправляемых в сумках и коробках, так и в виде туш и полутуш овец и коров для продажи, перевозимых рефрижераторами. География торговли калмыцким мясом и мясными полуфабрикатами широка: от Москвы и Санкт-Петербурга до Владивостока, Якутска и Южно-Сахалинска, от Чечни и Дагестана до Нового Уренгоя. К примеру, в декабре 2017 г. с водителем-дальнобойщиком, везущим во Владивосток мясо на продажу, семья респондента из Элисты передала замороженного гуся для новогоднего стола, баранину и говядину для семьи дочери, поскольку он был другом семьи [ПМА: А.Д. Г.]. Эта же женщина рассказывала, что ее старшая дочь весь холодный сезон года отправляет дочери-студентке в Москву замороженные готовые котлеты и иные готовые мясные блюда, чтобы *«внучка, что попало не кушала, желудок себе плохой едой не испортила»* [ПМА: А.Д. Г.].

В статье, посвященной «невидимым» мигрантам из Калмыкии в Москве, В.В. Баранова отмечает, что там, где складывается калмыцкая община, формируется и соответствующая инфраструктура. Автор, опираясь на свои полевые материалы, собранные в 2006–2015 гг., пишет, что в общине всегда имеется *«какое-то количество лиц, ориентированных на обслуживание группы (приготовление традиционной пищи, продажа баранины, риэлторские услуги, передача посылок и развоз)»* [Баранова 2016: 94]. Важно отметить, что этот автор пишет о женщинах-калмычках, работающих сиделками в Москве. По словам одного из моих респондентов, калмычки в столице очень востребованы именно в сфере ухода за больными и престарелыми, детьми в силу того, что отличаются ответственностью, большим терпением и добрым отношением к своим подопечным [ПМА: А.Б.]. Даже когда у такой сиделки возникает необходимость поехать в Калмыкию, она сама находит себе подмену, чтобы не подводить семью и опекаемого человека. На это же указывает и В.В. Баранова: *«Распространены практики подмены друг друга: постоянно работающие нянями или сиделками могут найти односельчан на срок до нескольких месяцев, чтобы поехать домой»* [Баранова 2016: 93].

Опыт, приобретенный теми жителями Калмыкии, которые поехали на заработки в 1990-е и 2000-е гг., некоторыми был применен по возвращении домой. Это, прежде всего, этническое предпринимательство в сфере строительства, ремонта и отделки жилых помещений. Научившись работать в Москве и Санкт-Петербурге с новыми материалами и технологиями, представители первой волны трудовой миграции привезли в республику совершенно новый взгляд на ремонт и отделку поме-

Тюхтенева С.П. Этническое предпринимательство и внутренняя миграция (на примере Калмыкии)

щений. О востребованности их услуг можно судить по тому, что вместе с ростом предложений о ремонте растет спрос и на доставку новых отделочных материалов из близлежащих больших городов, в которых есть строительные супермаркеты: из Волгограда, Ростова-на-Дону, а также строительных рынков и супермаркетов Москвы.

Таким образом, выделяя два потока трудовой миграции из Калмыкии, важно отметить, что первыми начали выезжать на заработки горожане зрелого возраста, имеющие образование, опыт работы по специальности, а за ними, уже в начале XXI в., поехали сельские, как правило, молодые. Адаптационные стратегии к ситуации людей первого потока (конца 1990-х гг.) проявились в том, что они трудились в любой сфере, независимо от имеющейся специальности. Особенность адаптации тех, кто выезжал из республики в начале 2000-х гг., заключается в том, что они, используя знания, опыт и связи тех, кто уже имеет миграционный опыт, создают и собственную инфраструктуру, позволяющую удовлетворять специфические потребности этнокультурного характера. Именно с этой, второй волной миграции, я связываю активное развитие этнического предпринимательства как среди жителей, так и выходцев из Калмыкии. В приведенной выше цитате [Кованова, Тенетова, Эльдяева 2019: 130] я уже отметила, что из числа обследованных жителей Калмыкии, имеющих опыт или находящихся в трудовой миграции, 3 % открыли собственное дело. Всего было обследовано 1 830 домохозяйств, из которых 3 % составляет 55 новых предпринимателей, использовавших свой опыт, в том числе и миграционный, для самозанятости и создания новых рабочих мест, что в целом представляется мне вполне позитивной практикой.

Предпринимательство, миграция и этническая идентичность.

Практически каждый из моих коллег, пишущий об этническом предпринимательстве в Калмыкии, отмечает наличие взаимосвязи между этим видом предпринимательства и этнической идентичностью предпринимателей, иными словами — акторов, и потребителей их услуг — населения.

Перечисленные в подзаголовке феномены социальной жизни калмыков не уникальны. Как правило, человек, особенно выходец из российской провинции, живущий в иноэтничной среде, по приезду в большой город сразу или со временем, начинает испытывать желание общаться с земляками или единоверцами, с теми, кто имеет такие же, как и он, специфические потребности в особой еде, одежде, услугах, отправлении культа. Так в общинах и диаспорах складывается группа этнических предпринимателей, хорошо понимающих эти потребности и успешно монетизирующих их. В своей статье, посвященной жизни исламской общины г. Новый Уренгой (ЯНАО), этнолог А.А. Ярлыкапов на примере ногайцев и, шире, мусульман из Северного Кавказа, а также других стран,

Кыргызстана, прежде всего, отмечает, что до прибытия на Ямал трудовые мигранты, молодые мужчины и женщины, участвовали в религиозной жизни не очень активно, поскольку «дома» этим управляли старики [Yarlykarov 2019]. Оказавшись в Новом Уренгое, проживая в окружении представителей разных народов и стран, молодые ногайцы, кумыки, кыргызы, вайнахи, будучи объединенными единой религией и другими схожими потребностями, например, в халяльных продуктах, переживают процесс повторной исламизации, при этом, как пишет Ярлыкапов, не акцентируя внимания на том, является ли настоятель храма салафитом или ханафитом [Yarlykarov 2019]. Для этнокультурного самосознания трудовых мигрантов на Ямале важнее поддержка в процессе адаптации к условиям жизни и работы на «северах», чем тонкости различий в вероучении. Актуализация этнического самосознания трудовых и образовательных мигрантов в регионе миграции — явление универсальное.

Аналогичный процесс переживают калмыки, буряты, тувинцы и алтайцы, проживающие в Москве. В состав группы «РОО Калмыцкое землячество «Джунгария» (Калмыкия)» социальной сети «В контакте» входят не только выходцы из Калмыкии, проживающие в Москве и Санкт-Петербурге, но и из Бурятии, и из Тувы [Участники сообщества...]. Всего в группе состоит 25 110 участников. Судя по объявлениям на «стене» группы, заинтересованные совместно проводят спортивные мероприятия, посещают концерты, буддийские религиозные церемонии, проводимые по случаю традиционных календарных праздников, слушают лекции лам. При этом для практикующих буддизм не важно, к какой буддийской школе относится лама или центр, который проводит ретрит или праздник, входит этот центр в традиционную Сангху буддистов России или нет.

Анализ процессов трансформации этнического самосознания калмыков в постсоветское время, с начала периода социально-культурной модернизации в стране, проводит социальный антрополог Э.-Б.М. Гучинова [Гучинова 2003; 2011; 2013; Сайт...]. По ее мнению, одной из важнейших составляющих этнической идентичности калмыков сегодня являются буддизм. Об этом пишут также Э.П. Бакаева, Б.А. Бичеев, Л.В. Намруева, Л.Б. Четырова и многие другие [Бакаева 1992; 1994; 2004; 2008; 2011; Бичеев 2004; 2005а; 2005б; Намруева 2015а; 2015б; 2015в; Нуксунова 2014; Четырова 2011].

Философ Б.А. Бичеев, в частности, считает, что *«В современном калмыцком обществе слабость такого фактора этнической идентичности, как языковой показатель, компенсируется конфессиональной идентификацией. Исторически принадлежность к буддизму оставалась одним из основополагающих констант этнического самосознания калмыцкого народа. Даже годы всеобщего атеизма и официального отсутствия монашеской общины не смогли полностью подавить такие*

Тюхтенева С.П. Этническое предпринимательство и внутренняя миграция (на примере Калмыкии)

феномены этнической культуры, как дни народно-религиозных празднований, чтение молитв, соблюдение поста, обращение к гелюнгам [Бичеев 2005б: 178]. Несмотря на глобальные изменения, начавшиеся в этнической культуре калмыков с начала 1990-х гг., Бичеев полагает, что «*Буддизм в среде калмыков переходя от одного поколения к другому, неизменно оставался важнейшей составной частью этнического сознания и культуры... Он был центральным консолидирующим фактором единой этнической общности, хранителем древних традиций и нравственных законов. Он стимулировал те идеалы, которые обеспечивали социальную и культурную динамику калмыцкого общества*» [Бичеев 2005б: 179].

Об этом же пишет другой философ, Л.Б. Четырова, по мнению которой: «*В ситуации 1990-х гг. роль буддизма как ресурса этничности возросла, так как большая часть калмыков, сохраняя вероисповедную идентичность, утратила родной язык. А язык, как известно, является одним из важных ресурсов этнической идентичности. В этой ситуации калмыцкий язык оказался символом этнической принадлежности, а религия (буддизм) выступает не только символическим маркером этничности, но и реальным фактором самоидентификации калмыков. Опрос показал, что преобладающая часть молодых калмыков считает себя религиозными. На вопрос о вероисповедании (Моя вера — это...) были получены следующие ответы респондентов: буддизм (ламаизм) — 68,4 % калмыков, 3,0 % русских; православие — 0,0 % калмыков, 19,04 % русских; христианство — 0,0 % калмыков, 44,8 % русских; вера в единого Бога — 1,1 % калмыков, 1,0 % русских*» [Четырова 2011: 194].

Таким образом, специфическим параметром этнокультурной идентичности калмыков выступает преимущественно их религиозная принадлежность. Помимо этого, социолог Л.В. Намруева, длительное время изучающая ситуацию с этнической идентичностью и этнокультурными процессами, указывает, что «*при определении особенностей репрезентации этничности в Республике Калмыкия отметим ее фольклоризацию, неотрадиционализм, широкое применение мифических мотивов и конструирование этнической реальности. Репрезентация этнических образов, конструируя этничность, способствует успешной этнической социализации современной молодежи*» [Намруева 2015а: 39].

Следовательно, как убедительно показывают работы коллег и мои наблюдения, можно определенно утверждать, что для этнического предпринимательства в Калмыкии характерно использование как традиционной материальной и духовной культуры (пища, одежда, жилище, религия) путем воссоздания, реконструкции, стилизации, так и изобретение новых блюд, технологий, форм и видов одежды в соответствии с потребностями общества. Как мне представляется, имеется два разнонаправленных вектора развития калмыцкой этнической культуры, осуществ-

вляемых этническими предпринимателями. Один вектор можно назвать устремлением в прошлое, когда актер (в нашем фокусе — этнический предприниматель) стремится к соблюдению исторической достоверности, к воспроизводству традиции («так делали мои дедушки и бабушки»), а другой — устремлением в будущее, когда производится собственно «изобретение» какого-либо продукта / услуги («я создаю нечто новое на основе того, что было в старину») [Бакаева 2018]. Последние активно используют различные символы, играющие в их этнокультурном сознании роль этноспецифических маркеров. Пример деятельности этнического предпринимателя Баирты Гостаевой, занимающейся созданием современной калмыцкой кухни и одежды, дает возможность предположить, что в Калмыкии достаточно таких этнических предпринимателей, деятельность которых инспирирована их этнокультурной идентичностью [Тюхтенева 2018]. Собственные интересы к родной культуре, языку, вере, обычаям и традициям, экономике эти предприниматели сумели использовать еще и для извлечения прибыли. Но наиболее важная социальная миссия их деятельности — это пробуждение интереса к этническим традициям своего народа, создание новых традиций и норм культуры, привитие их своим семьям и окружению.

Современное скотоводство. Скотоводство в современной Калмыкии, как и в большинстве скотоводческих регионов России, имеет экстенсивный характер. Это означает, что в основном скот выпасается на пастбищах, корма преимущественно естественные. Деятельность осуществляется силами самих хозяев в личных подсобных хозяйствах и фермерами с привлечением нескольких наемных работников. Как и в других аграрных регионах страны, большинство продукции производится в хозяйствах населения. Сколько скота у местного населения, особенно овец, достоверно неизвестно, поскольку точное количество скота называть нельзя — это опасно с точки зрения сакральности. Согласно архаическим воззрениям центральноазиатских скотоводов, к которым искони относятся и современные калмыки, скот считать нельзя: «Свойство исчисляемости в традиционных представлениях калмыков определяется как признак конечности, что обусловило появление запрета на счет таких объектов, как звезды, люди, домашние животные, пища» [Бакаева 2009: 15]. А окружающие человека духи могут счесть точно названное количество скота хвастовством и наказать человека его потерей [Тюхтенева 2017]. Однако, тем не менее, по данным министерства сельского хозяйства Калмыкии об итогах 2018 года известно, что «Из общего объема валовой продукции на сельхозпредприятия пришлось 9,6 %, на крестьянские (фермерские) хозяйства — 33,4 %, на хозяйства населения — 57,0 %» произведенной за год продукции [Коллегия Минсельхоза...]. Следовательно, бóльшая часть поголовья также содержится в хозяйствах населения.

Тюхтенева С.П. Этническое предпринимательство и внутренняя миграция (на примере Калмыкии)

Всего численность скота в Калмыкии по состоянию на 2018 год в хозяйствах всех категорий такова: свыше 2,4 млн. овец и коз, 445,3 тыс. голов крупного рогатого скота, 13 435 мясных табунных лошадей и примерно 1 тыс. верблюдов. При этом крупного рогатого скота в сельскохозяйственных организациях и крестьянских (фермерских) хозяйствах, включая индивидуальных предпринимателей, было 251,3 тыс. голов, в хозяйствах населения — 194,0 тыс. голов [Заседание Коллегии...].

Исследования социолога Л.В. Намруевой позволили ей прийти к выводу о закономерной, на мой взгляд, тенденции: уменьшении численности личных подсобных и фермерских хозяйств при одновременном увеличении численности скота и производимой продукции [Намруева 2018]. Сравнивая данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи за 2006 и 2016 годы, она пишет, что *«несмотря на уменьшение численности личных подсобных хозяйств, можно зафиксировать увеличение количества животных в оставшихся хозяйствах населения... поголовье сельскохозяйственных животных в ЛПХ четырех анализируемых регионов возрастает, исключение составляет поголовье свиней. Так, численность КРС в Калмыкии увеличилась в полтора раза, в Астраханской области — в 1,1 раза. Одна из основных специализаций Калмыкии — мясное скотоводство — продолжает усиленно развиваться в количественном отношении, за межпереписной период достигнута более чем двойное увеличение поголовья мясного скота (2,7 раза)»* [Намруева 2018: 177]. Я бы к этому добавила, что увеличение численности скота связано с тем, что скотоводство, будучи сложным и трудоемким, но традиционным видом экономики калмыков, по сей день выступает социально одобряемым, финансово выгодным, востребованным и культурно приемлемым видом предпринимательства.

Статистическому учету министерства сельского хозяйства подлежат, прежде всего, институализированные хозяйства, представленные в Республике Калмыкия племенными заводами и репродукторами, разводящими селекционный крупный рогатый скот калмыцкой породы. В 2016 г. в пяти племенных заводах республики имелось 13 789 голов КРС, в 26 племенных репродукторах — 34 367 голов КРС [Калмыцкий скот 2016: 19]. В соответствии с осуществляемой министерством поддержкой сельхозтоваропроизводителей сбыт произведенной продукции всеми видами институализированных хозяйств налажен и имеет систематический характер. Частники же (не ЛПХ и не фермеры), скорее всего, могут рассчитывать, прежде всего, на свои связи: родственные, дружеские, земляческие. Именно эта категория скотоводов осуществляет снабжение мясом и мясной продукцией своих земляков, трудовых мигрантов, студентов и других потребителей. Небольшой объем мяса, который селянин-частник одновременно может увести на продажу в Элисту, в Москву или Санкт-Петербург, не представляет интереса для агро-

холдингов наподобие «Мираторга», но необходим живущему вдали от малой родины родственнику, земляку или другу. Как именно возят мясо в Москву, рассказал один из жителей Калмыкии, работающий в Москве:

«Мясо возят в холодильнике, который на машине стоит. Бывают небольшие, как газель с будкой, и побольше, на Камазе. Баранина в Москве стоит 350 р. за 1 кг и это дешевле чем на рынке в Элисте, там 400–420 р. Но это рынок, и они (имеются в виду торговцы мясом на рынках Элисты) покупают на бойне, плюс к этому добавляют свой процент.

Точно также возят и береги, в холодильнике. В частном порядке когда везут, то сильно замораживают и обворачивают в пленку, в аптеке покупают, для взрослых, они холод хорошо держат. Но это не в самое пекло конечно. Сумки-холодильники используют тоже. В 5-литровые баклажки, нарезав кусками, укладывают и замораживают, и потом скотчем заматывают и в пакете везут. В Москве продают только по половине тушки! Тушу барана вдоль по позвоночнику делят на две половины, одна нога передняя и задняя получается. Можно тушку купить сразу, но прийти и сказать мне 3 кг, то не продадут. Поэтому люди кооперируются и покупают полтушки и делят между собой. Ну, еще появилась возможность доставки по адресу. Мясо привозят. Только, насколько понимаю, после оплаты. Оплата через карту. Летом доставки не было, видимо из-за погоды, жарко и мясо таять начнет. А с осени возобновили доставку» [ПМА: А.Б.].

Таким образом, развитию современного этнического предпринимательства в Республике Калмыкия, наряду с другими факторами, способствует трудовая и образовательная миграция. Именно миграция жителей Калмыкии в Москву, Санкт-Петербург, на «севера» (Ямал, Югра, Дальний Восток) поспособствовала появлению не только пассажирских, но и транспортных перевозок, производства и торговли (доставки до дверей) мясных полуфабрикатов и готовой продукции. В результате взаимовлияния и взаимообусловленности трудовой миграцией и скотоводства за десять лет (с 2006 г. по 2016 г.) количество скота в Калмыкии практически утроилось. Эта зависимость неочевидна, но закономерна и логична.

Источники:

Заседание Коллегии Министерства сельского хозяйства Республики Калмыкия [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: http://mcx.rk08.ru/novosti/zasedanie-kollegii-ministerstva-selskogo-khozyaystva-respubliki-kalmykiya/?sphrase_id=6479 (дата обращения: 22.06.2018 г.)].

Коллегия Минсельхоза Республики Калмыкия рассмотрела итоги работы за 2018 год [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://mcx.rk08.ru/>

Тюхтенева С.П. Этническое предпринимательство и внутренняя миграция (на примере Калмыкии)

novosti/kollegiya-minselkhoza-respubliki-kalmykiya-rassmotrela-itogi-raboty-za-2018-god/?sphrase_id=6478 (дата обращения: 26.03.2019 г.).

Полевые материалы автора (ПМА). Информант А.Д. Г., запись декабрь 2017 г. (г. Элиста).

ПМА. Информант А.Б., запись июль 2017 г. (г. Москва).

Участники сообщества РОО Калмыцкое землячество «Джунгария» (Калмыкия) [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: [https://vk.com/search?c\[section\]=people&c\[group\]=382721](https://vk.com/search?c[section]=people&c[group]=382721) (дата обращения: 22.03.2019 г.)].

Сайт Гучиновой Э.-Б.М. [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.elzabair.ru> (дата обращения: 21.02.2018 г.)].

Литература

Бакаева Э.П. Об особенностях калмыцкого буддизма на современном этапе // VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.). Доклады российской делегации. Т. II. М.: Институт востоковедения РАН, 1992. С. 1–5.

Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.

Бакаева Э.П. Об особенностях современной религиозной ситуации в Калмыкии (буддизм и «посвященные») // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 23–39.

Бакаева Э.П. Калмыцкий буддизм: история и современность // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Восточная литература, 2008. С. 161–200.

Бакаева Э.П. Двадцать копеек — это семьдесят денег // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 13–16.

Бакаева Э.П. Этническая специфика калмыцкого буддизма // Новый исторический вестник. 2011. № 3 (29). С. 16–24.

Бакаева Э.П. «Пицца дербетская, торгутская, хошутская, балдырская»: этническое предпринимательство в современной Калмыкии в контексте традиционных этнических приоритетов // Монголоведение (Монгол судлал). 2018. № 12. С. 48–71.

Баранова В.В. Невидимая миграция: путешествие из Калмыкии в Москву // Oriental Studies. 2016. № 2. С. 89–97.

Бичеев Б.А. «Иткл» — обет прибежища в буддизме. Традиционалистский ресурс психотехники в этническом сознании калмыков. Элиста: КалмГУ, 2004. 78 с.

Бичеев 2005а — *Бичеев Б.А.* Государственность как политический идеал этнического сознания калмыков / Калмыкия — субъект Российской Федерации: история и современность. Элиста: КалмГУ, 2005. С. 367–372.

Бичеев 2005б — *Бичеев Б.А.* Дети неба — синие волки: мифолого-религиозные основы формирования этнического сознания калмыков. Элиста: КалмГУ, 2005. 200 с.

Гучинова Э.-Б.М. Постсоветская Элиста: власть, бизнес и красота. Очерки социально-культурной антропологии калмыков. СПб.: Алетейя, 2003. 173 с.

Гучинова Э.-Б.М. Встречный ориентализм: случай Элисты // Антропология социальных перемен. Исследования по социальной антропологии. М.: РОССПЭН, 2011. С. 464–480.

Гучинова Э.-Б.М. Элиста: национальные символы в пространстве города // Антропология города. Вып. 1. Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар: Институт ЯЛИ КомиНЦ РАН, 2013. С. 43–65.

Деев С.Ю. Динамика миграционных процессов в Калмыкии (постсоветский период) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2010. № 1 (20). С. 124–130.

Калмыцкий скот — достояние России. Элиста, 2016. 111 с.

Кованова Е.С., Манджиев М.В., Кедеева Г.В. Демографическая ситуация Республики Калмыкия // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 125–127.

Кованова Е.С., Тенетова Е.П., Эльдяева Н.А. Характер, структура миграционных процессов и феминизация трудовой миграции // Вестник университета. 2019. № 1. С. 128–131.

Намруева Л.В. Влияние миграции молодежи на сохранение этничности (на примере калмыков) // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2011. № 2. С. 87–92.

Намруева 2015а — *Намруева Л.В.* Репрезентация этничности молодежи в элементах современной калмыцкой культуры // Новые исследования Тувы. 2015. № 4. С. 26–41.

Намруева 2015б — *Намруева Л.В.* Участие молодежи в этнокультурном воспроизводстве в Республике Калмыкия // Новые исследования Тувы. 2015. № 1. С. 18–34.

Намруева 2015в — *Намруева Л.В.* Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия (анализ 2000–2010-х гг.). Элиста: КИГИ РАН, 2015. 195 с.

Намруева Л.В. Динамика развития личных подсобных хозяйств южнороссийских регионов за межпереписной период // Островские чтения. 2018. № 1. С. 175–178.

Нуксунова А.М. Возрождение бытового калмыцкого языка и буддизма как факторы этнической самоидентификации современной калмыцкой молодежи (по материалам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 67–76.

Тюхтенева С.П. Что скрывает скотовод от этнографа: к вопросу о коммуникативных границах в поле // Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. М., СПб.: Нестор-История, 2017. С. 251–258.

Тюхтенева С.П. Этническое предпринимательство без миграции (на примерах из Тувы и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 150–168.

Четырлова Л.Б. Роль буддизма в конструировании этничности калмыков и монголов // Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов. СПб.: Издательство А. Голода, 2011. С. 190–196.

Yarlykapov A. Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community // Problems of Post-Communism. [2019]. б/с. [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10758216.2019.1631181> (дата обращения: 21.02.2018 г.)].

ЭТНИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОЙ КАЛМЫКИИ: ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА И КУЛЬТУРЫ*

*Бакаева Эльза Петровна*¹

*¹ доктор исторических наук, зам. директора по научной работе
Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста)
E-mail: bakaevaep@kigiran.com*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов этнического предпринимательства в Калмыкии в аспекте развития туризма (этнографического, конфессионального, экологического). Освещаются основные документы, регламентирующие развитие туристической отрасли в республике, и имеющийся опыт реализации разных мероприятий, а также проект этнических предпринимателей «Махан Fest» и опыт его проведения в аспекте сохранения историко-культурного наследия и развития предпринимательства.

Ключевые слова: этнические предприниматели, туризм, экологический и событийный туризм, этнокультурный туризм, историко-культурное наследие, гастрономический фестиваль, «Махан Фест».

Этническое предпринимательство «дома» во многом связано с развитием туризма — одним из перспективных направлений развития экономики российских регионов. Оценивая перспективы развития туризма в начале XXI в., ученые констатировали необходимость модернизации и расширения инфраструктуры туризма, создания современной материальной базы, составляющей основу высокоэффективной и конкурентоспособной индустрии туризма [Винокуров 2004: 24], акцентировали факт, что современная индустрия туризма не только может стать важным сектором развития экономики и принесет экономический эффект, но и обеспечит открытость страны, обогатит культуру [Винокуров 2004: 25].

В «Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года», принятых в соответствии с указом президента Российской Федерации № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в программы и проекты, на-

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-01-00407-ОГН\19, № государственной регистрации АААА-А19-119042390119-6.

правленные на достижение национальной цели развития России, включена Программа «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы (в 2018 г. принята также Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» [Концепция Федеральной...]). Развитию туризма в России посвящен отдельный пункт «Основных направлений...» — «Туризм», включенный в раздел 2 «Меры государственной политики по достижению национальных целей развития» в части 1 «Создание условий для экономического роста». В документе отмечается, что необходимыми условиями для развития туризма, улучшения инфраструктуры и повышения качества туристских услуг, а также популяризации национального туристского продукта являются формирование институционального фундамента отрасли; создание и развитие сопутствующей и непосредственно туристской инфраструктуры, создание условий для формирования туристских продуктов, новое качество управления отраслью и др. [Основные направления... 2018]. В сфере развития туризма как одного из факторов экономического роста указанным направлениям уделяется пристальное внимание. Соответственно сфера развития туризма включена в деятельность органов исполнительной власти в целом в стране и в ее регионах.

В Республике Калмыкия (далее — РК) туризм относился до 2014 г. к сфере, курировавшейся министерством спорта, туризма и молодежной политики РК. Указом Главы РК от 14.10.2014 №141 «О совершенствовании органов исполнительной власти Республики Калмыкия» функции этого министерства в сфере туризма были переданы министерству культуры РК, которое соответственно было переименовано в министерство культуры и туризма РК [О совершенствовании... 2014]. Несомненно, что решение о передаче сферы развития туризма в ведение министерства культуры РК определено утверждением постановлением Правительства РФ № 317 от 15.04.2014 государственной программы «Развитие культуры и туризма» (с подпрограммой, посвященной туризму), целями которой объявлены «реализация стратегической роли культуры как духовно-нравственного основания для формирования гармонично развитой личности, укрепления единства российского общества и российской гражданской идентичности, а также комплексное развитие туризма для приобщения граждан Российской Федерации к культурному и природному наследию с учетом обеспечения экономического и социокультурного прогресса в регионах Российской Федерации» [Об утверждении программы...].

Кроме того, отнесение туризма к ведению Министерства культуры в Калмыкии отражает специфику региона, в котором развитие туристической отрасли прежде всего связано с ценностями культуры республики. Так, уже в декабре 2014 г. была принята «Концепция развития этнокуль-

Бакаева Э.П. Этническое предпринимательство в современной Калмыкии: вопросы развития туризма и культуры

турного туризма в Республике Калмыкия на 2015–2018 годы» [Концепция развития этнокультурного туризма...], в которой основное внимание уделено этнокультурной составляющей; запланированные мероприятия (создание этнографического хотона «Бумбин орн» на территории парка «Дружба» в г. Элисте; создание археологического музея под открытым небом «Вселенная кочевников» в пригороде г. Элисты; создание этнокультурного туристского комплекса в рамках государственно-частного партнерства на базе действующего ООО «Шатта»; создание туристских кластеров «Сад Майтреи») отражали ориентацию на этнографический туризм. Вместе с тем ставились задачи развития лечебного туризма (создание туристско-рекреационного бальнеологического комплекса в Яшалтинском районе РК), а также выявления состояния и перспектив развития туристической сферы (организация конкурсов на представление лучшего туристского маршрута по РК, создание единой информационной базы маршрутной сети Калмыкии и др.).

В «Концепции развития внутреннего и въездного туризма в Республике Калмыкия на 2019–2025 годы», принятой в 2018 г. и определяющей приоритетные направления развития, формирование инфраструктуры туристской отрасли в РК и маркетинговую, информационно-коммуникационную среду для роста объемов услуг сферы туризма, также большое место уделено развитию культуры. Отмечается, что согласно Концепции федеральной целевой программы (ФЦП) Калмыкия включена в приоритетное туристское направление «Каспий», и *«с развитием портовой и логистической инфраструктур в г. Лагань республика сможет реализовать имеющийся большой экспортный потенциал в поставках мясной продукции и тонкорунной шерсти»*, а в предварительный перечень проектов, предлагаемых в состав ФЦП, запланировано включение инвестиционного проекта — автотуристский кластер «Путешествие в страну Бумба», для которого будет создан стратегический географический каркас, в который войдут *«перспективные проекты, предложенные бизнес-сообществом, а также муниципальными образованиями»* [Концепция развития внутреннего и въездного туризма...].

Комплексное развитие туристской отрасли включает развитие экологического туризма, *«важное место в развитии туризма Калмыкии будет уделено продвижению и укреплению видов туризма, основанных на уникальной культуре и уникальной территории»* [Концепция развития внутреннего и въездного туризма...]. В связи с интересом в обществе к восточной медицине предполагается развитие медицинского туризма, так, в 2017 г. в г. Элисте открыт центр восточной медицины «Манла». В Концепции развития туристического кластера республики упоминается развитие экстремального, духовного и других видов туризма. Но основной упор сделан на развитие сферы туризма, связанной с традиционной культурой народов Калмыкии. Запланировано развитие этногра-

фического туризма с приоритетным развитием проектов, направленных на сохранение культуры и традиций калмыцкого народа, проекты по моделированию традиционных обычаев и обрядов, обучению традиционным ремеслам калмыков, разработке костюмов в этническом стиле и т.п. под общим названием «Почувствуй себя калмыком». Предложен к реализации уникальный проект «Жизнь — это счастье», включающий образовательные мероприятия и обращение к традициям калмыцкого народа. Обеспечение экономически привлекательных условий для туристического бизнеса предполагает использование механизмов государственно-частного партнерства.

В Калмыкии работа по развитию сельского и экологического туризма, народных промыслов развивалась постепенно. Ее задача — развитие экологической культуры, а также повышение уровня знаний во благо сохранения природного и культурного наследия.

*Знак на границе Республики Калмыкии
при въезде из Волгоградской области*

Один из символов Республики Калмыкия — сайгак, занесенный в Красную книгу РФ. В 1990 г. был создан заповедник «Черные земли», предназначенный для изучения, охраны и восстановления сайгака. Позднее заповедник получил статус биосферного природного комплекса, находящегося под защитой ЮНЕСКО, а для исследования и восстановления сайгаков был создан «Центр диких животных». Сайгаки также обитают на территории РК в питомнике «Яшкульский», в заказниках и национальном парке «Бамб цецг». Сотрудниками заповедника «Черные земли» проводятся экскурсионные мероприятия по экологическому маршруту, однако задачи заповедника не позволяют широко развивать туристические маршруты, ограничивая его работу, кроме исследова-

Бакаева Э.П. Этническое предпринимательство в современной Калмыкии: вопросы развития туризма и культуры

тельской и охранной, познавательным туризмом и просветительской деятельностью.

В Красную книгу также занесен уникальный степной цветок — тюльпан, ставший символом Калмыкии. Развитие экологического туризма, начавшееся в 1990-х гг., способствовало привлечению этнических предпринимателей к проведению различных мероприятий. Уже в 1994 г. принят указ президента РК «Об организации национального парка „Бамб цецг“» на территории Целинного района РК. В 1995 г. был учрежден, а в апреле 1996 г. впервые в республике проведен праздник «Гимн тюльпану», целью которого является сохранение уникального степного тюльпана. С 2013 г. ежегодное мероприятие стало называться фестивалем, число его участников и география регионов постоянно росли. В 2018 г. фестиваль тюльпанов посетили более 7 тыс. туристов из соседних с Калмыкией областей и краев, Москвы и Санкт-Петербурга. В 2019 г. фестиваль, который стал центральным событием Недели туризма, проходившей в республике с 15 по 22 апреля, собрал уже 10 тыс. туристов — не только из соседних областей и краев, но и из центральной полосы России, Дальнего Востока и Урала [Фестиваль тюльпанов...]. «Фестиваль тюльпанов Калмыкии» стал победителем в номинации «Лучшее мероприятие экологической направленности» Всероссийского конкурса в области событийного туризма «Russian open Event Expo», проведенного Федеральным агентством по туризму в г. Симферополе в рамках туристского форума «Открытый Крым» в 2019 г. [Калмыцкий фестиваль...; Калмыкия одержала победу...].

Осуществляя руководство в развитии туристической сферы, Министерство культуры и туризма РК выполняет объединяющую функцию для субъектов туристской деятельности Калмыкии, регулярно проводит совещания по вопросам туризма [Министр культуры...], в которых принимают участие представители государственных учреждений (так, экологическое просвещение и развитие познавательного туризма осуществляют сотрудники заповедника «Черные земли») и частные предприниматели.

Туристическая сфера в Калмыкии включает также профессиональный туризм: республика — крупный центр буддизма мирового уровня, здесь имеют место крупные события и мероприятия, в которых принимают участие ведущие деятели мирового буддизма. Необходимо отметить, что паломничество к калмыцким буддийским святыням организуется как Центральным хурулом Калмыкии (в форме содействия участию в его мероприятиях), так и туристическими фирмами соседних регионов.

Медицинский туризм, направленный на получение помощи в клиниках восточной медицины, еще не получил широкого развития. Среди объектов религиозного и одновременно экологического туризма — целебные источники и «Одинокий тополь» недалеко от п. Хар-Будук Це-

линного района РК, признанный победителем всероссийского конкурса «Российское дерево года 2019» [Национальный конкурс...]. Кроме того, в Лаганском районе РК ежегодно проходит фестиваль лотосов и проводятся при поддержке Министерства культуры и туризма РК, других учреждений, ведомств, организаций мероприятия событийного туризма. К примеру, с 2014 г. ежегодно расширяется мероприятие «Музыкальное подношение сводного оркестра музыкантов Калмыкии» [В Калмыцком хуруле...]. В 2019 г. в музыкальном подношении принимал участие сводный оркестр из 700 музыкантов: уникальное мероприятие является не просто концертом, а религиозным подношением буддийским Трем драгоценностям — Будде, Дхарме, Сангхе, которое совершается один раз в году и направлено на развитие национальной культуры, поддержание ее традиций. По результатам Всероссийского конкурса в области событийного туризма «Russian open Event Expo» в 2019 г. это мероприятие стало лауреатом II степени в номинации «Лучшее культурное событие с участием профессиональных коллективов» [Калмыцкий фестиваль тюльпанов...; Калмыкия одержала победу...].

Музыкальное подношение сводного оркестра музыкантов Калмыкии – 2019.

В реализации перечисленных мероприятий в Калмыкии традиционно принимают участие частные партнеры — предприниматели республики [Совещание...], многих из которых можно отнести к

Бакаева Э.П. Этническое предпринимательство в современной Калмыкии: вопросы развития туризма и культуры

этническим предпринимателям по ряду признаков, прежде всего по производимой продукции и специфике потребительской аудитории. Показательно, что особенности деятельности этнических предпринимателей обусловлены спросом местного населения и туристической аудитории и в основном относятся к пропаганде наследия национальной культуры или гастрономической сфере, в которой также упор делается на традиционную систему питания.

Деятельности отдельных этнических предпринимателей посвящены работы наших коллег [Лиджиева 2018; Тюхтенева 2018; Шараева 2018 и др.]. Рассмотрим далее деятельность этнических предпринимателей по развитию феномена гастрономического фестиваля, расширяющего свои функции и получающего статус национального праздника, и проблемы, связанные с развитием такой массовой культуры.

Идея гастрономических фестивалей не нова, они проводятся по всему миру и являются одним из привлекательных видов отдыха туристов, представляя *«экономiku впечатлений»* [Драчева, Христов 2015: 36–50]. Один из видов событийного туризма, гастрономический (или кулинарный) туризм подразумевает наличие развитой сети специфических, как правило, национальных, точек сети питания и/или план гастрономических мероприятий.

Впервые в Калмыкии гастрономический фестиваль под названием «Вкусная Калмыкия» проведен в 2017 г. в рамках культурно-спортивного праздника «Джангариада» и был посвящен калмыцкой национальной кухне: предприятия общественного питания представили калмыцкие блюда на площадке «Вкусная Калмыкия», кроме того, работали специальные площадки, где были представлены разнообразные калмыцкие борцоки и сваренный по разным рецептам калмыцкий чай. Туристам предоставлялась возможность продегустировать, познакомиться с рецептами приготовления национальной пищи, принять участие в мастер-классах по приготовлению национальных блюд. В рамках спортивного праздника также состоялся фестиваль этнического костюма, на который съехались мастера из районов Калмыкии, особый интерес вызвал мастер-класс по войлоковалянию от учителя технологии Цаганаманской гимназии Юстинского района РК Натальи Леджановой и выставка ее вышивок [«Джангариада»...].

Идея расширенного кулинарного фестиваля была поддержана в 2018 г.: состоялся гастрономический фестиваль национальной кухни «Ethno Food» в г. Элисте на площади перед Национальным музеем РК, где туристам предлагались гастрономические туры [7 сентября...; В Калмыкии...] и дегустация блюд корейской, турецкой, чеченской, армянской, казахской и дагестанской кухонь, приготовленных членами национально-культурных центров, а также блюда калмыцкой кухни от кафе «Бэла» из Яшкульского района РК, русские национальные блю-

да — от кулинаров Элистинской и Калмыцкой епархии, вегетарианские блюда — из Центрального хурула Калмыкии. По итогам кулинарного состязания организаторы определяли победителя, а также призеров, которые были награждены дипломами и денежными призами [В Калмыкии...]. Успех мероприятия определил проведение 4 ноября того же года второго кулинарного фестиваля [4 ноября...; В Элисте четвертого ноября...].

В 2019 г. в Калмыкии в рамках акции «Мы — одна семья», проводимой с 2015 г. Министерством культуры и туризма РК при поддержке Федерального агентства по делам национальностей, вновь проведен гастрономический фестиваль, где были представлены блюда национальной кухни народов, проживающих в республике, а также межрегиональный фестиваль хореографических коллективов «Жизнь в вихре танца». Кулинарный фестиваль — вновь под названием «Вкусная Калмыкия» — состоялся 6 сентября 2019 г. на площади перед На-

циональным музеем РК им. Н.Н. Пальмова, были представлены блюда армянской, корейской, казахской, дагестанской, турецкой и чеченской кухонь, приготовленные участниками культурных центров Калмыкии, состоялись кулинарные игры и конкурсы. Фестиваль сопровождался выступлениями национальных творческих коллективов и исполнителей [6 сентября...].

На фоне нового формата фестиваля этнические предприниматели Калмыкии, занятые в гастрономической сфере, а также специализирующиеся в области возрождения народных ремесел, сохранения традиционного наследия, выдвинули в августе 2019 г. идею проведения другого кулинарного фестиваля — Махан Fest, в котором главными должны были стать блюда калмыцкой кухни (и прежде всего мясные блюда из продукции, произведенной в Калмыкии), а также идею совмещения в нем мероприятий кулинарного и событийного туризма, предполагающего мастер-классы, спортивные и шуточные соревнования, посещение выставок и др. [Началась подготовка...].

Бакаева Э.П. Этническое предпринимательство в современной Калмыкии: вопросы развития туризма и культуры

Инициатива исходила от этнических предпринимателей, при этом их объединению способствовали совещания, регулярно проводимые министерством культуры и туризма РК по теме развития народных художественных промыслов [Совещание...]. Хотя в республике и ранее проводились мероприятия гастрономического туризма, впервые была выдвинута идея организации массового мероприятия, нацеленного на пропаганду и калмыцкой национальной кухни на столь широком уровне, и организации его содействовали Центр поддержки предпринимателей (ЦПП), представители бизнес-сообществ Калмыкии, министерство экономики и торговли и министерство культуры и туризма РК [Началась подготовка...]. Основная цель фестиваля, выраженная кратко одним из организаторов, известным в республике и за ее пределами этническим предпринимателем, руководителем «Ойратского ресторана Легенда» и ателье «Иньглян» Б.Б. Тостаевой, — популяризация и продвижение калмыцкой кухни. Но фестиваль Махан Fest имел и более широко сформулированные цели и задачи: *«популяризация калмыцкой национальной культуры и пропаганда принципов традиционного питания в современной жизни; развитие индустрии питания в г. Элисте и в Калмыкии в целом; популяризация национальных калмыцких блюд в современной подаче; создание туристической привлекательности Калмыкии; создание благоприятного имиджа предприятий общественного питания Калмыкии; демонстрация профессионального мастерства кулинаров Калмыкии в приготовлении национальных блюд; ознакомление жителей и гостей города Калмыкии с особенностями национальной культуры и кухни; творческий взаимообмен опытом между мастерами-кулинарами»* [Билеты...].

Фестиваль предполагалось проводить в живописной местности на кумысной ферме у пос. Лола (в 20 км от г. Элисты), где организаторы собирались соорудить шатры для гостей и сцены для проведения мастер-классов от мастеров народных ремесел, а также подготовить площадки для выставок, национальных игр, стрельбы из лука, предусмотреть конные прогулки и др.

Выбор места проведения Махан Fest — пос. Лола — свидетельствует не только о расположении его около кумысной фермы, в прошлом — кумысолечебницы, не только о стремлении предпринимателей, противопоставив сельскую местность городской, «уйти» от городских условий, дать

возможность участникам (жителям республики и ее гостям) насладиться природой степи. Известно, что Лола — поселение, являвшееся в определенный период ставкой зайсангов Балзановых. Здесь, на землях одного из представителей калмыцкой аристократии, активисты проведения гастротрибунала Махан Fest решили провести обряды, направленные на получение благословения от духов местности.

Таким образом, в организации трибунала прослеживалось следующие составляющие: собственно кулинарный трибунал, мастер-классы по национальным ремеслам, соревнования, концерт творческих коллективов и известных исполнителей, а также обрядовая часть.

По мнению организаторов, гастрономический трибунал Махан Fest — это «площадка для создания положительного имиджа и повышения узнаваемости брендов участников. Мероприятие является ежегодным и организуется как массовый праздник на открытом воздухе в экологически чистом районе» [МАХАНФЕСТ].

Гастрономический трибунал Махан Fest, в отличие от проводившихся подобных в 2018–2019 гг., должен был представить национальную кухню калмыков во всем ее разнообразии, а также калмыцкие национальные традиции, в том числе и обряды. Его организаторы представлены этническими предпринимателями, а его проведение относится к мероприятиям этнического характера.

Однако уже в названии кулинарного праздника прослеживается современный стиль города Элисты, о котором Э.-Б.М. Гучинова писала как о городе, где «создается „встречный ориентализм“ — эклектичный стиль, рассчитанный на ориентальные представления европейского человека» [Гучинова 2013: 61]. Как архитектура и скульптура города Элисты отражают поиски «особого восточного урбанистического образа», так и новые тренды в этническом предпринимательстве продолжают эту тенденцию, обозначая синкретический праздник, соединяющий собственно калмыцкое/монгольское (*махн* — калм. мясо, из которого были приготовлены многие блюда национальной кухни) с европейским (Fest — от *англ.* Festival).

Тем не менее, в конкретике традиционной материальной культуры кулинарные шедевры гастрономического трибунала сохранили этнические формы, так как кулинарный праздник устраивался с целью популяризации калмыцкой национальной культуры и развития в республике гастрономического туризма. В этой части трибунала состоялись выставка-продажа кумыса из натурального кобыльего молока; приготовление борцоков и церемония приготовления калмыцкого чая по четырем рецептам (джомба обычная или с обжаренной мукой, *шуурмгтэ цэ* с обжаренными шкварками из бараньего внутреннего жира), *махта цэ* (чай на бараньем бульоне) — эту часть курировала С. Аджиева (в программе даже заявлялось об участии ученых с лекцией об особенностях приго-

Бакаева Э.П. Этническое предпринимательство в современной Калмыкии: вопросы развития туризма и культуры

товления молочного чая); дегустация приготовленных поварами разных предприятий калмыцкого национального блюда *кур* и блюда *сагса* (тушенная говядина с рисом), *нуһлур* (печень, обжаренная обернутой во внутренний бараний жир); конкурс поваров по созданию нового калмыцкого блюда. Творческая атмосфера царила и на мастер-классе от специального гостя фестиваля, шеф-повара и ведущего видеоблога «Redman's Kitchen» Романа Лазарева (известного как Рома Редман).

Несомненно, обогатят меню этнической кухни в ресторанах и кафе новые блюда, составленные как «калмыцкие» (обязательным было наличие калмыцкого названия) и получившие призы: 1-й — блюдо «*Алтн ааһ*» 'Золотая чаша' (автор Т. Самбуудаваагийн, Туристский этноцентр «Золотая Орда*»); блюдо представляет собой приготовленную на водяной бане в закрытой тестом чаше измельченную с чесноком баранину), 2-й — блюдо автора В. Тонаевой (кафе «Столовая», выступали под вывеской «Монголороо**») «*Бамб цецг*» (блюдо 'Тюльпаны', представляющее фигурно вылепленные буузы*** с тремя видами начинки, выложенные в виде цветочной поляны и украшенные нарезанными овощами), 3-й приз был присужден блюду, приготовленному А. Кармановым из ресторана «Легенда» [Манджиев], ведущим активную пропаганду калмыцкой национальной кухни и самого ресторана в интернете путем демонстрации видеороликов о рецептах приготовления разных блюд [см., напр.: Готовим калмыцкое национальное блюдо «Хото»...; Готовим калмыцкое блюдо «Шарсн элькн»...; Рецепт калмыцкого блюда тюнтк].

Для этнического праздника предприниматели подготовили выставку вооружения и доспехов ойратских воинов, выставку национального костюма, национальных головоломок. На территории гастрофестиваля также работал музей «Уникальная Калмыкия» и созданная его авторами «Галерея духовных символов ойратов», состоялась и выставка-продажа сувенирной продукции.

Во время проведения гастрономического фестиваля «Махан Fest», как и на первом фестивале подобного типа в Калмыкии, состоявшемся в 2017 г. в рамках культурно-спортивного праздника «Джангариада», были запланированы разные типы соревнований для гостей: метание альчиков, перетягивание шкуры барана, перетягивание на мизинцах, единоборство на коленях, метание аркана, верховая езда. Кроме входивших в праздничные мероприятия соревнований, имеющих отношение

* В августе 2019 г. этот руководитель туристского этноцентра «Золотая Орда» выиграла один из трех грантов, выделенных в Республике Калмыкия на развитие туризма [Три туристических проекта Калмыкии].

** Участники фестиваля выбрали это название, смысл которого — «помонгольски», ориентируясь на монгольские традиции в целом.

*** Бууз — традиционное блюдо монгольской и бурятской кухни, в отличие от калмыцких бериков (бөрг), их готовят на пару.

к традиционным играм монгольских народов (стрельба из лука, состязания в верховой езде, борьба), в программу фестиваля, таким образом, были включены и иные, развлекательного плана.

Достаточно отработана на мероприятиях и часть, связанная с реконструкцией, воссозданием и сохранением традиций калмыцких народных ремесел. Мастер-класс по традиционной калмыцкой вышивке проводила ученица известных в республике мастериц из Цаган Амана Н. Леджановой и В. Басанговой — Д. Давыдовская. Мастер-класс по традиционному войлоковалянию на фестивале представила известный мастер Е. Адыяева, лепку карамельных бёриков провела Е. Каменова, а изготовление украшений из полимерной глины в виде тюльпана* показала О. Лиджинова [Известная золотошвейка Калмыкии...]. Состоялся и мастер-класс по плетению калмыцких плеток.

Подготовительная часть, организация фестиваля продемонстрировали применение новых технологий этническими предпринимателями: помимо публикаций в СМИ, прежде всего в интернет-источниках, а также в социальных сетях («ВКонтакте» и др.), широко использовался мессенджер WhatsApp, по сути выполняющий функцию социальной сети. Многочисленная аудитория мессенджера, присоединенная к чату организаторами проекта, значительно расширила рекламное поле не только фестиваля Махан Fest, но и самих этнических предпринимателей, пропаганда деятельности которых проводилась в период анонсирования мероприятия. Так, в публикациях о программе рекламировались изделия,

Мастер Д. Давыдовская в магазине сувениров «Кишгтя белг»

выполненные Д. Давыдовской (сумочки, национальные головные уборы, чехлы для очков и косметички с калмыцкой вышивкой) и Е. Адыяевой (войлочные коврики *ширдг*, сумочки, шляпы, жилеты, тапочки, куклы и мелкие сувениры), а также содержалась информация о двух пунктах продажи — сувенирных магазинах «Кишгтя белг» и «МеСаДе», в которых работают мастерицы и которые выставляли свою продукцию на гастрономическом фестивале для продажи.

* Этот вид украшений пользуется спросом среди туристов как сувенирная продукция с этническим колоритом.

Бакаева Э.П. Этническое предпринимательство в современной Калмыкии: вопросы развития туризма и культуры

Активная рекламная деятельность организаторов, поддержка ЦПП и двух республиканских министерств обеспечили прогнозируемый успех мероприятия и обеспеченность аудиторией. Заблаговременно были получены заявки от туристов из соседних регионов. Однако погодные условия внесли коррективы, и вследствие неблагоприятных прогнозов (похолодание и ожидание проливного дождя) место проведения фестиваля было перенесено в г. Элисту, в парк «Дружба» [Новое место...]. Так мероприятие утратило фон сельского пейзажа и вновь обрело «городскую форму».

Однако специфическая задача организаторов фестиваля «Махан Fest» — *«показать древние ойрат-калмыцкие секреты туристам и местным жителям»* [Организаторы фестиваля...] должна была быть выполнена. И в этой части этнические предприниматели не только показали знания старинных рецептов калмыцких блюд и владение техниками в ремеслах, но и проявили «конструктивистские навыки», создавая новые игры и новые обряды, моделируя и соединяя традиции родственных народов в некий сплав, именуемый ойратской традицией. Можно говорить о некоем «восточном» стиле — подобно городскому пространству, для осуществления целей этнических предпринимателей традиция стала трансформироваться в соответствии с задачами достижения зрелищности, эффектности, но также окупаемости и даже, возможно, прибыльности.

Какое отношение имеет к национальной калмыцкой культуре конкурс по метанию кизяка? Среди организаторов фестиваля высказывались сомнения в необходимости его включения в программу. Обозначенный как «шуточный», конкурс в условиях дождя отменяли и вновь восстанавливали в программе фестиваля, в итоге мероприятие состоялось. *«Всеобщее веселье вызвали шуточные соревнования по метанию кизяка, перетягиванию бараньей шкуры и борьбе на мизинцах»*, — писали журналисты «МК.RU» [Калмыцкий «МаханФест»...]. Выбор кизяка обозначил попытку «этнизации» конкурса, его «приближению» к культуре скотоводов; но попытку неудачную, не связанную с калмыцкой культурой и свидетельствующую о том самом *«встречном ориентализме»*, о котором писала Э.-Б. М. Гучинова, а также попытку расширения «этнической» программы гастрономического, по сути, фестиваля. Во-первых, в отличие от калмыцких названий, использовавшихся в терминологии фестиваля, в конкурсе по метанию кизяка даже не упоминается слово *арһсн* [КРС 1977: 49] (в отличие от, например, терминов *махн* или *бөрз*), употреблялось только русскоязычное «кизяк». Во-вторых, и это важно, *арһсн* в скотоводческой культуре — идеальное и основное топливо, подлежащее сбору, хранению, использованию. Его разбрасывание в корне противоречит скотоводческим традициям, ведь поддержание огня очага семантически означает поддержание жизни семьи; к тому же известно,

что не утилизированный навоз ухудшает состояние пастбищ. Но, в принципе, содержание конкурса заключалось в соревновании в метании, выбор именно кизяка был сделан случайно, и, возможно, в последующем он не будет включаться в подобные мероприятия.

По программам гастрономического фестиваля, публиковавшимся на сайте «Калмыкиятур», прослеживается ориентация потребителя на увеселительные задачи мероприятий — явно в этом плане рассматривалось включение ряда пунктов программы, призванных обеспечить зрелищность. Так, накануне праздника в интернет-пространстве фигурировали следующие формулировки: «„чемпионат мира“ по метанию кизяка», «соревнование по скульптурным композициям из соломы» (предполагающее главный приз от спонсоров), «сжигание Абсолютного Зла — Хар Мангаса, сделанного из кизяка», «возжигание самого большого огненного символа в мире. Рекорд Гиннеса» [28 сентября...]. Но опубликованные ближе к дате фестиваля данные программы явно вносят уточнения в смысл мероприятий, возможно, искаженный в интернет-публикациях. Хотя шуточный характер конкурса по метанию кизяка сохранился в его обозначении «чемпионатом», попытка сблизить с этническими традициями и, возможно, «сконструировать новый обряд», видится в следующих названиях мероприятий: «15.00. „Хар Мангас“. Каждый гость фестиваля сможет поучаствовать в обряде сжигания фигуры Хар Мангаса, олицетворяющего воплощение абсолютного зла, и тем самым избавиться от любого негатива... 19.00 — „Тулмл зег“: огонь-символ чистоты и помыслов, обряд сжигания» [Программа фестиваля...; Гастрономический фестиваль...].

Два последних из указанных мероприятий, связанных с «этнизацией» гастрофестиваля и расширением его поля, могут быть интерпретированы по-разному. Массовый потребитель (в том числе турист), не знакомый с калмыцкой традиционной культурой, может воспринимать их как часть народной культуры. Носителями национальной культуры они будут восприниматься, как минимум, как несоответствующие старым традициям. Можно отметить, что явно прослеживается их характер «новоделов», конструируемые «новые обряды» свидетельствуют порой о трансформационных процессах, результатами которых могут стать конструируемые общественными деятелями, в данном случае — этническими предпринимателями, новые явления культуры, зачастую являющиеся заимствованиями.

В связи с вышеизложенным необходимо подчеркнуть, что «новоделом» этнических предпринимателей является попытка введения традиции изготовления фигуры существа, олицетворяющего нечто, от чего следует избавиться. Возникает сразу ассоциация с русской культурой, где существует обряд сжигания соломенного чучела Масленицы, символизирующий проводы отжившей зимы (возрождаемый активно с 1990-х гг.).

Бакаева Э.П. Этническое предпринимательство в современной Калмыкии: вопросы развития туризма и культуры

Попытка введения конкурса скульптур из соломы на калмыцком Махан Fest явно указывает на проработку организаторами материалов, связанных с этим русским обрядом. Однако, во-первых, Масленица — не отрицательный персонаж, ее чучело обычно изображает девушку; во-вторых, возжигание огня в целях скорого завершения зимнего периода в традиционной калмыцкой культуре проводилось в день зимнего солнцестояния. Придумкой этнических предпринимателей является тезис о том, что некий «Хар Мангас» («Черный Мангас») является «олицетворением воплощения абсолютного зла», а участие в его сожжении может помочь избавиться себя от любого негатива. Но мангасы в культуре монгольских народов — в основном, персонажи сказочно-эпической картины мира, они предстают как участники далеких событий эпической эпохи, проживающие в отдаленных и труднодоступных областях среднего мира в трехчленной картине вселенной. Как сказочно-эпические персонажи, они обладают жилищем, сходным с жилищами людей (соответственно кочевыми жилищами у простых скотоводов или дворцами, как у их аристократии). В калмыцких сказках наряду с мангасами действуют обычно и одноглазые мусы [Неклюдов 1987]. Таким образом, фольклорный персонаж не является олицетворением «абсолютного зла».

Второй из упомянутых выше «новых обрядов» — зажигание огня на изображении орнаментальной фигуры «Тулмл» (в программе обозначенный как «„Тулмл-зег“: *огонь-символ чистоты и помыслов, обряд сжигания*») — также является конструктом. Поскольку на разных мероприятиях уже не раз устраивались обрядовые действия с огнем, то на гастрофестивале Махан Fest развлекательная функция (в социальных сетях о мероприятии писали «САМОЕ КРУТОЕ СОБЫТИЕ 2019 В СФЕРЕ РАЗВЛЕЧЕНИЙ» [СДЕЛАНО В КАЛМЫКИИ...]) реализовывалась в том числе и через устройство флешмоба у горящего огня, зажженного на большой модели символа. И здесь в целях обеспечения зрелищности и привлечения туристов вновь имеет место свободное обращение с системой традиционной символики: этнические предприниматели, создающие книги по культуре ойратов, выделяют на основании своих работ ряд символов, которым приписывается определенное семантическое значение. Но не всегда эти символы соответствуют традиционным представлениям о них. Причин тому несколько. Во-первых, речь идет о внедрении в продажу набора символических сувениров (их позиционируют как калмыцкие), потребительская аудитория которого не ограничится собственно калмыками, а будет расширяться. Во-вторых, уже открыта была «Галерея духовных символов ойратов», которая мыслилась как *«уникальное место силы, которое образуется благодаря соединению 27* сакральных знаков. В традиционных символах заключены мощь и*

* Число символов, причисленных к сакральным, организаторами менялось, сначала 21, затем 27, в дальнейшем их список вновь расширился.

сила, дух предков и родной земли, магия жизни прошлого, настоящего и будущего народа» [В Сити Чесс...]. Таким образом, галерея символов мыслится ее создателями как особое место силы, к которому будут притягиваться туристы и местные жители.

Благородные цели авторов проекта заключаются в возрождении культуры: «*Пришло время пробуждения великой культуры. Мы обязаны представить уникальное культурное наследие ойратов себе и миру»* [В Элисте создадут...], вместе с тем широкое распространение символики предполагает необходимость осуществления и предпринимательской деятельности. В целом поддерживая идею и цели возрождения народных традиций, отметим необходимость более глубокого изучения национальных обычаев. Так, несмотря на использование в публикациях термина «зег» в значении «орнамент» (и таковую трактовку его в словаре [КРС 1977: 245], хотя приведенные примеры могут быть трактованы в более узком смысле), известно, что первоначальное его значение — техника вышивки через наложение крученой веревки или тесьмы, позже нитей, что подтверждается и первичным значением термина *зег* (монг. *зээг* — волосяная веревочная окантовка, прикрепляемая к кошке; 2) окантовка, кайма; 3) веревка, привязь [БАМРС 2001: 258]). А набор символов, выделяемых в качестве основополагающих и знаковых, в том числе «тулмл зег», никогда не обсуждался в обществе. Его глубокое изучение могло бы, возможно, способствовать выделению основного пласта символики. Однако в настоящее время представляется, что концепция набора «духовных символов» требует дополнительной проработки.

Весьма значимым и глубоким по смыслу в калмыцкой культуре является обряд почитания *ова*. Однако в современной Калмыкии началось внедрение обычаев, которые сохранились у родственных калмыкам ойратов и монголов, хотя у калмыков вследствие смены природной среды обитания эти обычаи изменили форму. Так, у монголоязычных народов, расселенных в гористых и скалистых местностях, *ова* — это прежде всего сооружение в виде насыпи из камней. Поскольку духи местности считаются хозяевами гор и земли-воды, то каждый камень, упавший со скалы и находящийся в степи, мыслится как принадлежащий хозяину местности. Обычай собирания камней в кучу имеет объективную причину: камни в каменистой местности прежде всего могут травмировать животных, потому их необходимо убирать. Но они считаются принадлежащими духу-хозяину (так, существует запрет увозить из определенной местности камешки), потому их необходимо собирать вместе. И понятно, что такие насыпи появляются на возвышенности, у горы. А в современной Калмыкии реконструируется древний обряд, бывший характерным для предков калмыков, проживавших в гористой местности. Теперь же в условиях степного пространства подготовка камней приобрела иной

Бакаева Э.П. Этническое предпринимательство в современной Калмыкии: вопросы развития туризма и культуры

характер (их специально доставляют транспортом), а сами камни в любом случае оказываются из иной местности, где, согласно добуддийским верованиям калмыков, хозяевами являются иные духи территорий.

В связи с вышеизложенным вызывает возражение внедрение обряда, называемого в программе гастрономического фестиваля «возведение ова. Ова — это насыпь из камней, дом для духов местности». Такие ова активисты «движения ойрат-калмыцкого народа» уже поставили на юге Элисты, у пос. Цаган-Аман, а также недалеко от пос. Хар-Булак. У.Э. Эрдниев упоминал об ова как «курганах» [Эрдниев 1970: 268], а не о насыпях камней, что объясняется природными условиями. Но, впрочем, заявленный к проведению обряд возведения ова не состоялся, так как изменилось место проведения фестиваля: вместо территории близ п. Лола — парк культуры и отдыха «Дружба» в г.Элисте

Таким образом, внедряемый этническими предпринимателями в Калмыкии гастрономический фестиваль нацелен на создание туристической привлекательности Калмыкии, расширение потребительской аудитории, создание бренда территории и благоприятного имиджа каждого из предприятий, рекламу производимой в Калмыкии мясной продукции и национальных калмыцких блюд, а также популяризацию калмыцкой национальной культуры и ознакомление жителей и гостей города Калмыкии с особенностями национальной культуры и кухни.

В процессе его реализации были востребованы идеи и были привлечены к работе предприниматели, связанные с этническими традициями.

Рекламный проспект гастрономического фестиваля.

Фестиваль собрал около 2 тыс. гостей [Волкова, Андреева 2019; Калмыцкий «Маханфест»...; Гастрономический фестиваль мяса и кумыса...] и вызвал восторженные отзывы [Манджиев].

Фестиваль стал событием в череде мероприятий сентября 2019 года, хотя в эти дни в Элисте состоялись такие знаковые мероприятия, как празднование Дня ойратской славы, состоявшийся тремя неделями ранее другой гастрофестиваль, благотворительный концерт в Элисте в поддержку строительства статуи Будды Майтрейя в г. Лагани, церемония инаугурации главы Республики Калмыкия, День города Элиста с костюмированным карнавалом, тантрические ритуалы в центральном хуруле, художественная выставка «Отец и сын. Никита и Дмитрий Санджиевы» и научная конференция, посвященная этим двум выдающимся деятелям калмыцкого изобразительного искусства [Программа праздников...]. В заметке о прошедшем фестивале ТАСС сообщало, что основная задача фестиваля Махан Fest — брендинг калмыцкой кухни в целом и калмыцкого мяса в частности: *«Калмыкия является преимущественно аграрной республикой, сельское хозяйство — стратегическая отрасль экономики, основа которой — животноводство»* [Гастрономический фестиваль...].

Таким образом, при многообразии мероприятий гастрономический фестиваль Махан Fest стал связующим звеном, которое соединило гастрономический туризм и народных ремесленников, а также этнических предпринимателей, развивающих свое дело в разных сферах предпринимательства.

Как показал анализ, в развитии туризма в РК в последнем десятилетии первоначально реализовывалась концепция развития этнотуризма, а затем по образцу общероссийской была принята концепция внутреннего и въездного туризма. Так же и в конкретных мероприятиях прослеживалась линия развития от национальных мероприятий к многонациональным. Однако в последние годы вновь прослеживается возвращение к традициям коренного этноса республики. Это вполне объяснимо традициями этнического предпринимательства, которое развивается в РК, а также вниманием, которое уделяется всеми слоями общества развитию культуры народов республики. В заключение можно привести слова участницы гастрофестиваля, призывавшей принимать посильное участие в этом планируемом стать ежегодным мероприятии: *«Такие мероприятия нужны! Для развития туризма и экономики в Республике. Для людей, которые выращивают скот, местных животноводов! Главным условием мероприятия было использование только калмыцкого мяса... Это нужно было для меня»* [Хозяйка...].

Интерес к национальной культуре объединяет всех неравнодушных. Так, после завершения Махан Fest чат в мессенджере WhatsApp продолжил выполнять функцию социальной сети, объединяющей всех интересующихся не только вестями от этнических предпринимателей, но и новостями о жизни в республике. А в продолжение ежегодного фестиваля организаторы стали устраивать выставки-продажи на открытом воздухе [10 октября...].

Источники

4 ноября гастрономический фестиваль [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.kalmykiatour.com/2018/4-noyabrya-gastronomicheskij-festival/> (дата обращения: 01.11.2018)].

6 сентября фестиваль национальной кухни «Вкусная Калмыкия» [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://kalmykiatour.com/2019/6-sentyabrya-festival-nacionalnoj-kuhni-vkusnaya-kalmykiya/> (дата обращения: 02.09.2018)].

7 сентября фестиваль национальной кухни «Ethno Food» [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.kalmykiatour.com/2018/7-sentyabrya-festival-nacionalnoj-kuhni-ethno-food/> (дата обращения: 04.09.2018)].

10 октября калмыцкий опенэйр для гурманов! [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://www.kalmykiatour.com/2019/10-oktyabrya-kalmyckij-openejr-dlya-gurmanov/> (дата обращения: 06.10.2019)].

28 сентября гастрофестиваль МаханФест [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.kalmykiatour.com/2019/21-sentyabrya-gastrofestival-mahanfest/> (дата обращения: 21.09.2019)].

Билеты на гастрономический Маханфест можно купить в Элисте [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.kalmykiatour.com/2019/bilety-na-gastronomicheskij-mahanfest-mozhno-kupit-v-eliste/> (дата обращения: 23.09.2019)].

[БАМРС] Большой академический монгольской-русский словарь. Т. 2. Д–О. Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 536 с.

В Калмыкии пройдет фестиваль национальной кухни «Ethno food» [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://riakalm.ru/news/culture/14736-v-kalmykii-projdet-festival-natsionalnoj-kukhni-ethno-food> (дата обращения: 04.09.2018)].

В Калмыцком хуруле состоится музыкальное подношение [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: mk-kalm.ru/culture/2019/06/07/v-kalmyckom-khurule-sostoitsya-muzykalnoe-podnoshenie.html (дата обращения: 07.06.2019)].

В Сити Чесс откроется галерея духовных символов ойратов [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://elista.bezformata.com/listnews/chess-otkroetsya-galereya-duhovnih/71404973/> (дата обращения: 05.12.2018)].

В Элисте создадут Галерею духовных символов ойратов [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://elista.bezformata.com/listnews/galereyu-duhovnih-simvolov-oiratov/70761430/> (дата обращения: 07.11.2018)].

В Элисте четвертого ноября пройдет очередной гастрономический фестиваль [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://riakalm.ru/news/society/15534-v-eliste-chetvertogo-noyabrya-projdet-ocherednoj-gastronomicheskij-festival> (дата обращения: 01.11.2018)].

Волкова Д., Андреева А. Спрятанный баран и жженный кизяк: чем удивила Калмыкия на первом гастрофесте [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://dvor.media/spryatannyj-baran-i-zhzhennyj-kizyak-chem-udivila-kalmykiya-na-pervom-gastrofeste/> (дата обращения: 01.10.2019)].

Гастрономический фестиваль «Махан Fest» состоится в парке «Дружба» [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://riakalm.ru/news/news/20287-gastronomicheskij-festival-makhan-fest-sostoitsya-v-parke-druzhba> (дата обращения: 27.09.2019)].

Гастрономический фестиваль мяса и кумыса «Махан Fest» прошел в Калмыкии [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://tass.ru/v-strane/6941138> (дата обращения: 28.09.2019)].

Готовим калмыцкое национальное блюдо «Хото» (кровяная колбаса) [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BA199vW0NVg> (дата обращения: 04.03.2019)].

Готовим калмыцкое блюдо «Шарш элькн семжтя» «Нуглур» (или печень в семжине) [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tj8udAdSs68> (дата обращения: 27.02.2019)].

Известная золотошвейка Калмыкии покажет мастер-шоу! [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.kalmykiatour.com/2019/izvestnaya-zolotoshvejka-kalmykii-pokazhet-master-shou/> (дата обращения: 25.09.2019)].

[КРС] Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 765 с.

Калмыкия одержала победу во Всероссийском конкурсе событийного туризма «Russian Open Event Expo» [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: http://minkult08.ru/novosti/kalmykiya-oderzhala-pobedu-vo-vserossiyskom-konkurse-sobytiynogo-turizma-russian-open-event-expo/?CATALOG_ID=333 (дата обращения: 01.11.2019)].

Калмыцкий «Маханфест» собрал гостей со всех концов России [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://www.mk-kalm.ru/social/2019/09/30/kalmyckiy-makhanfest-sobral-gostey-so-vsekh-koncov-rossii.html> (дата обращения: 30.09.2019)].

Калмыцкий фестиваль тюльпанов победил во Всероссийском конкурсе событийного туризма [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: mk-kalm.ru/culture/2019/11/02/kalmyckiy-festival-tyulpanov-pobedil-vo-vserossiyskom-konkurse-sobytiynogo-turizma.html (дата обращения: 02.11.2019)].

Концепция развития этнокультурного туризма в Республике Калмыкия на 2015–2018 годы [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/430562242> (дата обращения: 01.10.2019)].

Концепция развития внутреннего и въездного туризма в Республике Калмыкия на 2019–2025 годы [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/550299146> (дата обращения: 01.10.2019)].

Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://www.russiatourism.ru/upload/iblock/b6a/Концепция.pdf> (дата обращения: 01.10.2019)].

Манджиев И. Много мяса не бывает [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://xn--80agdcokbhj7a2jocg.xn--p1ai/archive/29-articles/prazdnik/1554-mnogo-myasa-ne-byvaet> (дата обращения: 03.10.2019)].

МАХАНФЕСТ [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.kalmykiatour.com/mahanfest/> (дата обращения: 20.09.2018)].

Министр культуры и туризма Республики Калмыкия провел совещание по вопросам развития внутреннего и въездного туризма [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.kalmykiatour.com/2016/ministr-kultury-i-turizma-respubliki-kalmykiya-provel-soveshhanie-po-voprosam-razvitiya-vnutrennego-i-vezdnogo-turizma> (дата обращения: 16.12.2016)].

Бакаева Э.П. Этническое предпринимательство в современной Калмыкии: вопросы развития туризма и культуры

Национальный конкурс «Российское дерево года 2019». «Одинокий Тополь» из Калмыкии стал «Главным деревом страны – Российским деревом года 2019»! [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://rosdrevo.ru/russian-tree-of-the-year> (дата обращения: 01.10.2019)].

Началась подготовка в гастрономическому фестивалю маханфест! [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.kalmykiatour.com/2019/nachalas-podgotovka-v-gastronomicheskomu-festivalyu-mahanfest> (дата обращения: 08.07.2019)].

Новое место и время фестиваля «Маханфест» [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.kalmykiatour.com/2019/novoe-mesto-i-vremya-festivalya-mahanfes> (дата обращения: 24.09.2019)].

О совершенствовании органов исполнительной власти Республики Калмыкия (с изменениями на: 17.10.2014) [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/424051566> (дата обращения: 01.04.2019)].

Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма». Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 317 [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/499091763> (дата обращения: 24.04.2019)].

Организаторы фестиваля «Маханфест» решили показать древние ойрат-калмыцкие секреты туристам и местным жителям [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.kalmykiatour.com/2019/organizatory-festivalya-mahanfest-reshili-pokazat-drevnie-oirat-kalmyckie-sekrety-turistam-i-mestnym-zhitelyam/> (дата обращения: 19.09.2019)].

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (приняты на заседании Правительства РФ 27.09.2018) [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://government.ru/news/34168/> (дата обращения: 05.10.2018)].

Программа праздников и мероприятий в Калмыкии в сентябре [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.kalmykiatour.com/2019/programma-prazdnikov-i-meropriyatij-v-kalmykii-v-sentyabre/> (дата обращения: 10.08.2019)].

Программа фестиваля «Махан Fest» [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.kalmykiatour.com/2019/programma-festivalya-mahan-fest/> (дата обращения: 25.09.2019)].

Рецепт калмыцкого блюда тюнтк [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: https://www.youtube.com/watch?v=cFqENh_cEqk (дата обращения: 01.11.2018)].

Совещание с участием субъектов народных художественных промыслов и ремесел Республики Калмыкия [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.kalmykiatour.com/2017/soveshhanie-s-uchastiem-subektov-narodnyh-hudozhestvennyh-promyslov-i-remesel-respubliki-kalmykiya/> (дата обращения: 28.04.2017)].

СДЕЛАНО В КАЛМЫКИИ MADE IN KALMYKIA ХАЛЬМГ ТАҢГЧД КЕГДВӨ [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <https://www.facebook.com/groups/1417324665192968/> (дата обращения: 01.06.2019)].

Три туристических проекта Калмыкии выиграли более 2 миллионов рублей [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://riakalm.ru/news/culture/19878->

tri-turisticheskikh-proekta-kalmykii-poluchat-granty-na-summu-bolee-2-mln-rub (дата обращения: 30.08.2019)].

Фестиваль тюльпанов в Калмыкии собрал рекордные 10 тысяч гостей! [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.kalmykiatour.com/2019/festival-tyulpanov-v-kalmykii-sobral-rekordnye-10-tysyach-gostej/> (дата обращения: 24.04.2019)].

Хозяйка популярного ресторана Элисты рассказала про МаханФест много интересного!» [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://Kalmykiatour.com/2019/hozyajka-populyarnogo-restorana-elisty-rasskazala-pro-mahanfest-mnogo-interesnogo/> (дата обращения: 10.10.2019)].

Литература

Винокуров М.А. Развитие туризма в России // Известия ИГЭА. 2004. № 2(39). С. 18–26.

Гучинова Э.-Б.М. Элиста: национальные символы в пространстве города // Антропология города. Вып. 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность / Под ред. Ю.П. Шабаева, И.Л. Жеребцова. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 43–65.

Драчева Е.Л., Христов Т.Т. Гастрономический туризм: современные тенденции и перспективы // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. № 3. С. 36–50.

Лиджиева И.В. Этническое предпринимательство в контексте миграционных процессов на юге России (на примере узбекских общин) // Социальные, экономические, технологические и экологические аспекты устойчивого развития регионов России: сб. науч. ст. Всерос. науч. конф., г. Сочи, 23–26 окт. 2018 г. Сочи: ИП Кривлякин С.П., тип. «Оптима», 2018. С. 148–154.

Неклюдов С.Ю. Мангус // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Российская энциклопедия, 1994. С. 99–100.

Тюхтенева С.П. Этническое предпринимательство без миграции (на примерах из Тувы и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 149–167.

Шараева Т.И. Сувенирная продукция как фактор развития этнотуризма в Республике Калмыкия // Социальные, экономические, технологические и экологические аспекты устойчивого развития регионов России: сб. науч. ст. Всерос. науч. конф., г. Сочи, 23–26 окт. 2018 г. Сочи: ИП Кривлякин С.П., тип. «Оптима», 2018. С. 191–199.

Эрдниева У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.

СУВЕНИРНАЯ КУКЛА И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ*

*Шараева Татьяна Исаевна*¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: sharaevati@yandex.ru

Аннотация. Калмыкия как туристический регион привлекательна своим экзотическим характером, который нашел отражение в том числе и в сувенирной продукции, производство которой дает возможности для создания дополнительных рабочих мест и для развития народных промыслов калмыцких мастеров. Изготовление сувенирной куклы в Республике Калмыкия имеет свои особенности, связанные с традиционными представлениями об антропоморфных куклах. Вместе с тем, современная сувенирная кукла калмыцких мастеров транслируют визуально антропологический тип, традиционную этническую одежду и ее разнообразие у калмыков в зависимости от гендерной и возрастной стратификации, а также традиционные представления, выраженные в отдельных элементах и деталях костюма.

Ключевые слова: туризм, этнокультурный туризм, Калмыкия, мастер-кукольник, сувенирная кукла

В современном развивающемся мире научно-технический прогресс, информационные технологии, процессы глобализации и большие миграционные потоки стали угрозой многообразию народов и сохранению их этнокультурного наследия. Но эти же процессы привели к активизации изучения этнических культур в контексте роста этнического самосознания, сохранения уникальных традиционных комплексов, являющихся своеобразным культурным кодом, хранящим информацию об этапах формирования этноса, его этнической истории, жизнедеятельности и мировоззрения, возрождения утраченных обрядовых практик. Желание не только знать и практиковать свои национальные традиции, но и узнать побольше о традициях других народов способствуют развитию таких видов туризма, как этнический, культурный, ретротуризм, ностальгический, этнопознавательный, антропологический и т. д.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-01-00407-ОГН\19, № государственной регистрации АААА-А19-119042390119-6

Туризм в настоящее время является одной из динамично развивающихся сфер мировой экономики. Российская Федерация занимает 1-е место в мире по территории и 9-е — по численности населения. Ее население численностью почти 147 миллионов человек представляет более 200 национальностей, что определяет ее богатое историческое и культурное наследие. На территории страны площадью 17 млн. км² расположено 4 географических пояса с различными ландшафтными и климатическими зонами, богатыми природными комплексами, флорой и фауной, поэтому территория России привлекательна для любых видов туризма. В России сосредоточено огромное количество культурных и природных достопримечательностей, а также иных объектов туристского показа. По оценке Всемирной туристской организации Россия может принимать до 40 млн. туристов в год и стать одним из лидеров в сфере туризма и путешествий. При развитии туристской инфраструктуры на международном уровне наша страна может войти в десятку самых популярных направлений туризма.

Начиная с 2011 г., на территории России ведется работа по созданию туристических кластеров, призванных повысить уровень экономической устойчивости регионов, развить инфраструктуры, проводить эффективную рекламную политику, совершенствовать системы подготовки кадров, стимулировать внедрение инноваций и развитие новых направлений туристического бизнеса. Имеющиеся наработки в этой области показывают, что современный туристский кластер способен решить ряд важных задач, среди которых:

- √ рациональное использование имеющегося природного потенциала;
- √ приоритетное развитие внутреннего и въездного туризма на территории региона;
- √ создание и развитие высокоэффективного и конкурентоспособного туристического комплекса на территории региона;
- √ демонстрация исторического, культурного и духовного наследия народов России;
- √ формирование системы государственного регулирования туристской деятельности;
- √ поддержка развития различных видов предпринимательства (среднего и малого) в туристской сфере;
- √ разработка маркетинговой стратегии продвижения туристических продуктов и создание благоприятного имиджа региона как туристического региона и т.д. [Полянских 2013: 97–105].

За последние несколько лет на территории России стали активно развиваться въездной и внутренний туризм, несмотря на то, что выездной туризм прочно удерживает свои лидирующие позиции. Самым перспективным в развитии видом туризма на территории России является эт-

нокультурный, что обусловлено, в первую очередь, ее многонациональным составом, многогранным культурным наследием и природными комплексами. Термин «этнокультурный туризм» был введен А.Г. Бузузовым. По его мнению, *«этнокультурный туризм — это совокупность различных форм туристской активности, обусловленных стремлением к познанию многообразия феноменов этнокультурной сферы»* [Бузузов 2013: 82]. Автор под этим термином объединяет все разновидности этнически ориентированных путешествий. В контексте развития туристических кластеров на территории нашей страны этнокультурный туризм перспективен тем, что может способствовать многократным поездкам и позволит познакомиться со всеми регионами России по очереди, либо с несколькими сразу.

Республика Калмыкия, несмотря на небольшую территорию и небольшую численность населения, обладает уникальными ресурсами для полноценного развития туризма, который можно развивать в перспективе как на региональном уровне, так и на общероссийском уровне. Основными факторами для развития туристической деятельности является наличие особых природно-климатических условий, предоставляющих возможность посещения нескольких природных зон (от степного к пустынному), уникальных природных и архитектурных памятников, наличие целебных источников, национального колорита, историко-культурного наследия, разнообразных и уникальных животного и растительного миров. Все это представляет собой перспективный туристско-рекреационный ресурс, который может послужить для развития многих видов туризма. Перспективность развития туристического бизнеса на территории Калмыкии с начала 2000-х гг. стала основой разработок различных программ, часть из которых была внедрена, другая — требует доработки и дальнейшего продвижения, а третья часть осталась нереализованной. На сегодняшний день в регионе действует «Стратегия социально-экономического развития Республики Калмыкия до 2020 года», ориентированная на кластерообразование в основных отраслях экономики — промышленности, сельском хозяйстве, туризме, а также транспорте и логистике. Сфера туризма в Республике Калмыкия также регулируется следующими документами: Законом «О государственной поддержке туристской деятельности в Республике Калмыкия» от 17 февраля 2006 г. [Закон]; Государственной программой Республики Калмыкия «Развитие культуры и туризма Республики Калмыкия на 2013–2020 годы» от 26 декабря 2017 г. [Государственная программа].

Современные туристские ресурсы и рекреационные территории Республики Калмыкия представлены 19 природными объектами регионального и федерального значения и более 200 объектами историко-культурного наследия. В республике активно развиваются этнографический, паломнический, экологический, событийный, гастрономиче-

ский, конный, пеший, медицинский, бальнеологический и другие виды туризма.

Одно из характерных особенностей калмыцкого туристского продукта — это его экзотический характер. Приехав в Калмыкию туристы, например, могут посетить восточные (буддийские) храмы *хурл*, услышать песни и познакомиться с богатым фольклором калмыков, поиграть на народных инструментах, покататься на верблюдах и совершить многодневные конные прогулки, пожить в кочевом жилище, попробовать различные блюда калмыцкой кухни, истоки которой обусловлены кочевым бытом и имеют сходство с кухней народов Центральной Азии, посетить спортивный праздник «Джангариада», где будет предоставлена возможность пострелять из лука, бросить аркан и принять участие в борцовском поединке *бөк бэрлдан*. Кроме того, на бескрайних и красивых просторах республики туристы могут увидеть цветущие тюльпаны, представителей фауны и флоры, многие из которых занесены в Красную книгу как редкие виды. В многочисленных протоках дельты Волги и на побережье Каспийского моря в сезон цветения лотосов организуются специальные поездки в места наибольшего их произрастания.

Для более динамичного развития въездного и внутреннего туризма в Калмыкии формируется имидж республики, как единственного в Европе представителя восточноазиатской культуры. Несомненно, что любые объекты, в которых проявляется этническая специфика традиционной культуры калмыков, представляют большой интерес для туристов, например, в виде изображения тюльпанов, весенней степи, лотоса, ступы, буддийского храма, сайгака, людей в национальной одежде, которые украшают кружки, чаши, магниты, открытки, конверты, копилки и другие сувенирные изделия. Выбор такого перечня символов на сувенирах обусловлен теми маркерами, которые понятны калмыкам как этнические, а приезжим — как символы республики, ее истории и культуры. В категории объектов, неизменно вызывающих интерес у туристов, находятся объекты народного промысла и быта, соответствующие традиционному хозяйственному типу, приобретаемые в качестве сувениров. Это предметы традиционного быта из войлока, кожи, металла и дерева, имевшие утилитарное значение, например, войлочные подстилки, кожаные пояса и сосуды, металлические ножи и деревянные чаши и т. п. Как отмечают исследователи, *«для туристов такие предметы становятся неразрывно связанными с полученными впечатлениями, с представлением о самобытной культуре народа, с местными традициями и образом жизни, о которых удалось узнать... изделия народных художественных промыслов могут быть использованы для создания устойчивых ассоциативных связей, на основе которых в перспективе может быть основано построение регионального бренда»* [Рапопорт 2015: 23].

В контексте развития этнической сувенирной продукции калмыцких мастеров можно отметить следующие тенденции: создание изделий, полностью повторяющих предметы традиционного быта калмыков; стилизованные под них; с этнической тематикой. Как известно, наличие таких сувениров является одним из основных условий правильной организации туризма. Они как часть социально-культурных ресурсов используются при производстве туристических услуг. В современных обществах развитие туризма стало толчком для возрождения утраченных ремесел, развития школ мастерства, например, традиционной вышивки, сохраняются и популяризируются традиции и обряды. Несомненно, что в туризме, особенно в этнокультурной его форме, отражается *«идея сохранения, преумножения и передачи потомкам историко-культурного наследия»* [Кизилева, Лях 2016: 215].

Если изготовление и продажа изделий мастеров народных промыслов наряду с распространенными в современной туристической индустрии магнитами, кружками, блокнотами и т. д., является уже устоявшейся практикой и развивается также как в других регионах России, то изготовление сувенирной куклы можно считать новым явлением в ассортименте сувенирной продукции и культурной практике калмыков.

Куклы сопровождают человека с древних времен. Под куклами принято понимать *«любые антропо- и зооморфные фигурки, употреблявшиеся в традиционных обрядовых и необрядовых практиках и способные в условно-игровых формах заменять человека, выступать в его функции, а также их аналоги в современном быту, в том числе в детских играх»* [Морозов 2011: 10]. До сих пор возраст куклы не определен. По данным исследователей, это связано с тем, что куклы в качестве игрушки первоначально не существовало, тогда она использовалась в качестве заместителя человека в различных обрядовых практиках. История существования, развития и трансформации куклы-игрушки тесно связана с историей человечества. Исследователи выделяют в ней основные периоды: от Древнего мира до Средневековья; светский период (XV–XIX вв.); индустриально-массовый; массовая и авторская кукла XXI в. [Политова 2014: 72–78]. Кукла всегда отражала жизненный опыт, традиции, верования, культуру различных народов. Так, например, в традиционном обществе *«кукла рассматривалась как эталон рукоделия, часто на посиделки вместе с прялкой девочки-подростки брали кукол, которых сделали сами. По ним взрослые судили о мастерстве и вкусе их владелицы. В кукольных играх девочки произвольно учились шить, вышивать, прясть, постигали традиционное крестьянское искусство. В кукольных развлечениях проигрывались почти все деревенские праздничные обряды. Относились к игре очень серьезно, сохраняя последовательность обряда, запоминая и повторяя разговоры взрослых, исполняемые ими песни... Игре с куклами придавалось особое значение: они были живой*

частью народной традиции и считались символом продолжения рода» [Шиповская, Шелаева 2012: 27–28].

Ю.М. Лотман разделил куклы на две группы:

1) **Куклы-игрушки** или куклы для игры, которые отличаются способностью двигаться и быть объектом игр либо манипуляций:

- а) куклы-игрушки — разнятся по внешнему виду (неваляшки, матрешки, парижанки Брю, фландрские куклы, куклы из тыквы-горлянки и т.д.), по степени сложности (кукла-ветка аборигенов Австралии и современная механическая кукла), по традиции и месту происхождения (городская, народная, кустарная), по материалу изготовления (дерево, целлулоид, керамика, фарфор, гипс, ткань и т.д.) и по функциональности (кукла-погремушка, кукла-ребенок, кукла-подушка и т.д.);
- б) театральные куклы или куклы-марионетки, которые являются моделью актера;
- в) обрядовые куклы — самые древние куклы, выполняли функции талисманов-оберегов, а также были средством передачи детям верования и культуры народа;
- г) куклы для шествий — это большие куклы, предназначенные для процессий (раньше религиозных, позже политических), они тоже выполняют магическую роль;
- д) утилитарные куклы — те, которые имеют подчиненное значение, например куклы-погремушки, баба на чайник и прочие предметы бытового назначения (солонки, прихватки, посохи, сосуды и т. д., сделанные в форме кукол.)

2) **Кукла-модель** или куклы для упражнения, для украшения, обычно статичные, неперемещаемые и не задействованные в игре или действии

- а) интерьерно-экстерьерные — пугало, восковая кукла, салонная кукла (авторская, уникальная, дорогая);
- б) витринные — манекены;
- в) сувенирные — знак страны производства, распространена в странах массового туризма, произошли от этнических кукол;
- г) коллекционные — уникальные куклы, выполненные для пополнения частной коллекции;
- д) музейные — сюда включаются любые виды кукол, независимо от целей их создания [Лотман 1992: 377–380].

Сувенирные куклы распространены во всем мире. Их охотно покупают туристы и современные коллекционеры. В личной коллекции А.Э. Жабревой насчитывается более 300 этнографических кукол со всего мира. Как пояснила автор коллекции, ее увлечение началось и *«развивалось стихийным образом: покупка сувенирных кукол во время зарубежных поездок, подарки подруг и знакомых, посещения блошиных рын-*

ков и антикварных магазинов — таковы источники «комплектования» моего собрания. Главным критерием отбора кукол изначально было наличие национального костюма какой-либо страны (поскольку кукол в исторических костюмах я делала сама). Вторым ограничением, по понятным причинам, был размер куклы... не за стариной кукол я гонюсь, а за их «национальностью»: хочу собрать все варианты национальных костюмов народов мира» [Жабрева 2015: 246]. Этнографические куклы из коллекции А. Жабревой не предназначены для игры. «Ими можно любоваться, вспоминая города и страны, откуда они приехали, рассматривать и изучать самобытные национальные костюмы и пытаться с их помощью постичь особенности той или иной традиционной культуры, в наше время все больше предающейся забвению. Куклы в этой коллекции не просто любовно собраны. Они потребовали много забот: надо было установить время их рождения, а иногда и уточнить место их изготовления. Некоторых кукол пришлось почистить, отреставрировать и «вылечить» [цит. по: Альбедиль 2018].

Прообразами современных сувенирных кукол в национальных костюмах считают в Европе этнические куклы Ж.Н. Штайнера, А. Монтанари, Л.К. Брю, которые для своего времени были не только красивыми, одетыми по моде или в национальные костюмы, но и новаторскими в техническом отношении: они могли открывать глаза, имели многочисленные усовершенствования в креплении и движении, могли выражать эмоции, пить и т. д. В России этнографические игрушки стали изготавливать в период правления Петра I, который пригласил из Голландии мастериц кукольных дел. Они научили русских монахинь собирать фарфоровые детали, открыли секреты папье-маше. Тело, ручки и ножки изготавливались вручную, а головки, представляющие наибольшую сложность в создании, выполнялись на частном фарфоровом заводе семьи Бенуа в Санкт-Петербурге. В конце XIX в. этнографические куклы изготавливались в Московском Румянцевском музее. На Международной выставке 1892 г. в Чикаго куклы в традиционных красных сарафанах и душегрейках произвели фурор и получили почетный диплом. К 1900 г. кукольные мастера в Сергиевом Посаде создали красивые куклы с фарфоровыми головками, одежда которых изображала одежду разных губерний России того времени. Всего было изготовлено более ста кукол. Эта традиция была прервана в первой половине XX века, но затем ее возобновили, и в Советском Союзе неоднократно создавались подобные серии. В 1970–1990-е гг. фабрика «Ленинградская игрушка» выпускала наборы сувенирных кукол в костюмах пятнадцати республик СССР.

В настоящее время этнографические куклы изготавливают чаще всего мастера или ремесленники. Кукол представляют на различных выставках, фестивалях, во время проведения мастер-классов по их изготовлению, продают в частные коллекции и выставляют в сувенирных

лавках. Кроме того, много лет фирма ДеАгостини выпускает партворки (журналы с приложениями) с фарфоровыми куклами в национальных костюмах в сериях «Куклы в народных костюмах» и «Куклы в костюмах народов мира». В журналах этих серий содержится ознакомительная информация об истории народа, его культуре и символике одежды. Вместе с тем, сувенирные игрушки представляют собой «пассивную категорию интерьерных кукол». Они призваны быть больше, чем просто украшением или напоминанием о стране приобретения. Сувенирная кукла как сувенир дает представление о стране, истории определенного народа, его культуре, традициях, мировоззрении. Поскольку сувенирные куклы приобретают чаще всего во время поездок, экскурсий, путешествий, то большое значение имеет небольшой размер сувенирной куклы и ее легкий вес.

Однако создать сувенирную куклу в этнографической одежде не так просто. Ведь важно передать все особенности народной одежды, учесть все мелкие детали в ней, имеющие свою символику. Для создания и украшения сувенирной куклы в национальной одежде необходима теоретическая подготовка и сбор сведений о костюме нужного региона, затем подбор необходимых материалов и выбор технологий. Мастер, создающий такую куклу, должен обладать портновскими, художественными, парикмахерскими навыками, уметь вышивать и разбираться в свойствах различных материалов.

Современные сувенирные куклы калмыцких мастеров разнообразны по видам и материалам, но имеют одно общее свойство: транслируют визуально антропологический тип, традиционную этническую одежду и ее разнообразие в зависимости от гендерной и возрастной стратификации общества, традиционные представления, выраженные в отдельных элементах и деталях костюма. Необходимо отметить, что у калмыков до сих пор сохраняется неоднозначное отношение к таким антропоморфным куклам. Истоки этого кроются в традиционных верованиях, мировоззрении и кочевом образе жизни в прошлом. Например, в широком распространении культа предков, сохранившегося до наших дней, и существовании онгонов, наличие которых до XIX в. подтверждается различными древними рудиментами в современной культурной традиции калмыков. По мнению исследователей, *«образ предка непосредственно связан с ритуальными изображениями или заместителями умерших, поэтому все, что выступало в этой роли, могло быть и было образом предка»* [Герасимова 1989: 147–148], в первую очередь, антропоморфные фигурки из различных материалов. Тут можно согласиться с мнением исследователей, что *«кукла, безусловно, является иконическим знаком человека»* [Мухина 1999: 20–21].

Эти представления отразились в изготовлении куклы-подвески «Өлгү», выполненной в виде женской головы с азиатским типом внеш-

ности и в национальном головном уборе, с телом в виде пяти цветных лент — красной, желтой, белой, зеленой, синей. Идея ее создания возникла в результате оформления сакральных цветных маркеров *өлгү* калмычки-невесты в межэтничном браке. Ее автор — мастерица Е.Л. Адыяева. В современной культуре калмыков *өлгү* — это набор определенных ритуальных предметов, используемых в свадебном и обрядовых комплексах для оформления вступления одного из членов сообщества под покровительство предков на сакральном уровне. В числе предметов обязательны лоскут белой ткани, белая рубашка и цветные ленты/нити, цвета которых коррелируют с основными константами окружающего мира [Шараева 2010: 158–186].

В данном случае мастер совместил в кукле-подвеске наличие охраняемых свойств, характерных для кукол-оберегов, в том числе других народов, и знания о создании в прошлом антропоморфных фигурок предков, но давно не практикуемых в калмыцкой религиозной и бытовой практике. Примечательно отметить, что сувенирная кукла-подвеска теперь продается как кукла, с помощью которой можно показать универсальное цветовое обозначение окружающего мира, но не как символ предка, не как кукла-оберег. На взаимосвязь таких представлений с изготовлением кукол и работой определенного мастера указывает также отказ от попыток создания собственно «онгонов» по типу тех, которые сохранились у других тюрко-монгольских народов, связанных с калмыками этногенетическим родством. Мастера, первоначально пожелавшие изготавливать куклы-онгоны, чтобы показать *«многогранность религиозных верований калмыков и их экзотичность»*, затем отказались от этой мысли, чтобы избежать «наказания» за то, что *«образ их предка будет храниться в чужой семье на чужой территории»* [ПМА: Б.Б. Гостаева].

Неоднозначное отношение калмыков к куклам также было вызвано и отсутствием практики их изготовления, что было обусловлено особенностями кочевой жизни и дефицитом тканей в быту у калмыков. Как отмечали исследователи *«у калмыков издревле были широко распространены разнообразные массовые игры — как средство развлечения и как спортивные состязания, призванные воспитывать в молодом поколении ловкость, смелость и выносливость... игры и игрушки помогали прививать молодежи с малых лет трудовые навыки... дети делали из глины фигурки лошадей, верблюдов, повозки, котлы для приготовления чая. Играя, дети подражали перегонке чигяна на араку, изготавливали шюрмяг, хурсун, «запрягали» овечьи астрагалы крупного размера в качестве волов в глиняные повозки, на них «возили сено, воду», имитировали перекочевку с одного места на другое, а также пастьбу скота и т. д.»* [Эрдниев 1970: 259]. В калмыцком языке, согласно калмыцко-русскому словарю, выпущенного в 1977 г., термин

«*наадһа*» обозначал только игрушку [КРС 1977: 364]. В современном калмыцком языке этот термин обозначает также и куклу, что указывает на позднее появление куклы в детской игровой сфере. Практика изготовления непосредственно кукол из ткани и подручных средств относится к 1-й пол. XX в., что связано с изменениями в бытовой и религиозной жизни калмыков.

Однако в последние годы сувенирная кукла все увереннее завоевывает свое место в разнообразной палитре сувенирной продукции мастеров и ремесленников Калмыкии. Начальным этапом изготовления калмыцких сувенирных кукол можно считать проведение празднования 400-летия вхождения калмыков в состав России в 2009 г. В тот период остро встал вопрос о необходимости изготовления для гостей, туристов и паломников товаров местных мастеров и ремесленников, отражавших «этническую специфику», в том числе и сувенирных кукол. Ввиду их отсутствия стали завозить сувенирные куклы из Монголии, которые, как тогда считалось «*отражают единую азиатскую культуру*».

Первые свои сувенирные куклы калмыцкие мастера изготавливали из соленого теста, гипса, папье-маше, ткани, дерева. Лицо расписывалось вручную, поэтому основной задачей мастеров было придать ему монголоидные черты: узкие глаза, маленький нос, широкие скулы и яркий румянец. Сложнее дело обстояло с нарядом куклы, так как она должна была отражать традиционную одежду калмыков, знания о которой в тот период были общими и малоинформативными вследствие значительных изменений в материальной культуре к середине XX в. и смене образа жизни. Поэтому мастерам пришлось тщательно изучить фонды Национального музея Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова, восстановить крой, форму, вышивку традиционных костюмов и головных уборов, найти компромисс в их цветовом решении. В настоящее время большинство сувенирных кукол мастера изготавливают в смешанной технике: голова, кисти рук, стопы ног — из бисквитного фарфора, тело — из ткани; либо голова — из фарфора, дерева, фетра, тело и остальные его части — из ткани. Несмотря на все старания мастеров, необходимы специальные программы для поддержания малого бизнеса в Калмыкии, в том числе занимающегося сувенирной сферой. Суммы грантов, которые выделяет республика, недостаточны. Необходимо также создание развитой инфраструктуры туризма в регионе, которая будет обеспечивать приток туристов и спрос сувенирной продукции.

С одной стороны, наметившееся увеличение туристического потока в Калмыкии и спрос на сувенирные куклы калмыцких мастеров, изготавливающих их с соблюдением особенностей антропологического типа, гендерного и возрастного деления в одежде, способствуют развитию их производства, но медленными темпами.

Шараева Т.И. Сувенирная кукла и ее место в системе этнокультурного туризма
в Республике Калмыкия

Сувенирные куклы в магазине предпринимателя А.В. Очировой

Танцующая пара из холодного фарфора. Выставка–продажа на праздничном мероприятии «День города» в г. Элиста (фото Т.И. Шараевой, 2019 г.).

С другой стороны, сдерживающим фактором массового производства сувенирных кукол является длительность процесса их изготовления, трудоемкость и высокая стоимость (рыночная стоимость составляет в среднем от 800 до 2 тыс. рублей). Это, соответственно, приводит к низкому уровню продаж, некупаемости затраченных материалов, времени, коммунальных услуг. По объяснениям мастеров, этническим предпринимателям, работающим в сфере туризма и сувенирной продукции, проще закупать оптом деревянные заготовки кукол в соседних регионах, в Республике Бурятия и Монголии, лица которых уже имеют восточные

черты и нанесены во время конвейерного изготовления. После получения заготовок предприниматели заказывают их оформление в традиционный костюм желающим подработать: от студентов до профессиональных мастеров. Главным критерием отбора является знание специфики традиционной одежды, навыки в швейном, вышивальном и оформительском искусстве. Несмотря на небольшую оплату, такая форма подработки распространена, поскольку предоставляется достаточное время для ее выполнения. Эту работу можно делать дома, в удобное время, она не требует подбора дорогостоящих материалов и несложна в исполнении. Такие сувенирные куклы стоят недорого и пользуются спросом.

Несмотря на трудности, калмыцкие мастера-кукольники продолжают свои творческие изыскания в производстве сувенирных кукол. Большим спросом пользуются сувенирные куклы Е.С. Лукиной, А.Э. Самбаева, Е.Л. Адьяевой, Д.Ю. Давыдовской, А. Гард и др. Мастера постоянно ищут новые формы сувенирных кукол. Так, например, пара «Неразлучники» в виде двух небольших текстильных кукол в национальной одежде имеет белые хадаки, колокольчик или красную кисть.

Широкое распространение получили куклы-невелички из фетра и войлока, полностью тканевые куклы.

Куклы-невелички из войлока работы Е.Л. Адьяевой (фото Т.И. Шараевой, 2018 г.).

Куклы-невелички из ткани и войлока

Тканевые куклы

Многие мастера стали принимать участие в выставках-продажах, проходящих в г. Элиста во время туристического сезона. Первоначально мастера-кукольники принимали участие в различных выставках декоративно-прикладных изделий, но в последнее время стали больше отдавать готовые куклы на реализацию.

Сувенирные куклы (фото Т.И. Шараевой, 2019 г.).

Ю. Давыдовская (Город мастеров)
на социальной ярмарке г. Элиста (фото Т.И. Шаравой, 2019 г.).

Некоторые калмыцкие мастера и вовсе вынуждены были сменить сферу деятельности. Например, Л.В. Мошулдаева, занимавшаяся изготовлением кукол, оставила это малоприбыльное занятие и теперь помогает другим мастерам и художникам, открыв частную галерею.

Л.В. Мошулдаева с выставкой-продажей сувениров из своей галереи.

Вместе с тем большой интерес стали вызывать мастер-классы, которые проводят мастера-кукольники. Аделина Гард одна из них. Ее куклы узнаваемы. Особенностью многих является шкатулка, которая находится под подолом одежды куклы. Лицо и руки своих кукол мастер изготавливает из бисквитного фарфора и расписывает вручную акрило-

выми красками. Задействовав социальные сети, она активно продвигает свой товар. Например, так:

«3 лучших изделия в моей мастерской

1) Кукла-шкатулка. Высота куклы ~ 30 см, глубина шкатулки ~ 6,5*7,5 см. Шикарная шкатулка и прекрасный элемент декора в вашем доме. Цена — 1 800 р.

2) Текстильная кукла. Размер ~ 35 см. Выполнена из качественных материалов. Отличная игрушка для маленькой принцессы. Цена — 650 р.

3) Верблюжонок из войлока. Размер сувенира ~9*9 см. Изготовлен из натурального войлока, в мешочке полынь. Прекрасный сувенир, напоминающий о поездке в наш город Элиста. Цена — 350 р.» [Социальная сеть].

Таким образом, изготовление сувенирной куклы в Республике Калмыкия имеет свои особенности, связанные с традиционными представлениями об антропоморфных куклах в прошлом. В целом, регион имеет неплохие перспективы в этнокультурной направленности туристической

деятельности, для развития въездного и внутреннего туризма. Сувенирная продукция может создавать в Калмыкии дополнительные рабочие места, но для этого нужны специальные программы для поддержания малого бизнеса и продвижения товаров.

Источники

Государственная программа Республики Калмыкия «Развитие культуры и туризма Республики Калмыкия на 2013–2020 годы» (с изменениями на 26 декабря 2017 года) [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/460132757> (дата обращения: 20.06.2019)].

Закон «О государственной поддержке туристской деятельности в Республике Калмыкия» (с изменениями на 17.07.2015) [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/802052096> (дата обращения: 20.06.2019)].

[КРС] Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 765 с.

Полевые материалы автора (ПМА). Информант Б.Б. Тостаева, 195 г. рождения, запись 2018 г. (г. Элиста).

Социальная сеть. Страница Аделины Гард [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://m.vk.com/adelinagard> (дата обращения: 21.10.2019)].

Литература

Альбедиль М. Кукольная этнография. О выставке «Наряды и народы: куклы в национальных костюмах из частного собрания А.Э. Жабревой. Санкт-Петербургский Государственный университет, Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького. Санкт-Петербург 21 февраля –27 апреля 2018 г.» [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.intelros.ru/readroom/teoriya-mody/28-2013/20306-kukolnaya-etnografiya.html> (дата обращения: 18.06.2019 г.)]

Бутузов А.Г. Этнокультурный туризм: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2013. 248 с.

Герасимова К.М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск: Наука, 1989. 320 с.

Жабрева А.Э. Этнографические куклы второй половины XX в.: приобретение, реставрация, атрибуция // CREDE EXPERTO: транспорт, общество, образование, язык. 2015. № 4. С. 245–261.

Кизилева К.И., Лях О.А. Особенности организации этнографического туризма // Проблемы, опыт и перспективы развития туризма, сервиса и социокультурной деятельности в России и за рубежом. Материалы III Международной научно-практической интернет-конференции (г. Чита, 21–23 декабря 2016 г.). Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. С. 215–225.

Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры // Избранные статьи. В 3 т. Т. I. Таллинн: Александра, 1992. С. 377–380.

Морозов И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма). М.: Индрик, 2011. 352 с.

Шараева Т.И. Сувенирная кукла и ее место в системе этнокультурного туризма в Республике Калмыкия

Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М.: Академия, 1999. 456 с.

Политова М.А. История кукол: традиции и современная жизнь // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2014. № 7 (49). С. 72–78.

Полянских Е.А. Формирование туристских кластеров как инструмент развития внутреннего туризма в регионе // Вестник Евразийской академии административных наук. 2013. № 1(22). С. 97–105.

Рапопорт Н.В. Народные художественные промыслы как фактор формирования туристического кластера // Научные записки молодых исследователей. 2015. № 2. С. 21–24.

Шиповская Л.П., Шелаева М.И. Кукла как неотъемлемая часть эстетической культуры, человеческих традиций и человеческого опыта // Сервис plus. 2012. № 4. С. 27–33.

Шараева Т.И. Современное бытование сакрального маркера өлгц у калмыков (по материалам полевых исследований 2008 — 2010 гг.) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 158–186.

Эрдниев У.Э. Калмыки (конец XIX — начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1970. 312 с.

МОЛИТВЕННЫЕ ФЛАЖКИ «КИ МӨРН» В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ КАЛМЫКОВ*

Лиджиева Алтана Марковна ¹

¹ младший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: kulminova@gmail.com

Аннотация: статья посвящена анализу роли, структуры и символики буддийских молитвенных флажков *ки мөрн*. Исследование проводилось с использованием структурно-функционального метода, метода включенного наблюдения, а также интервью (беседы) с информантами. Автор приходит к выводу о том, что в городском ландшафте молитвенные флажки *ки мөрн* выступают в роли символического элемента. Город представляет собой ментальную и символически сегментированную среду, и на сегодняшний день традиция вывешивания флажков *ки мөрн* сохранилась в культуре калмыков и практикуется в современных городских условиях.

Ключевые слова: город, буддизм, молитвенные флажки, обрядовые практики, предметы, символы, пространство.

Молитвенные флажки *ки мөрн* или *лунгта* (от тиб. *rlung rta* «ветер–конь») — это особые флажки пяти цветов с напечатанными на них текстами и различными символами. В тибетском буддизме существуют различные варианты молитвенных флажков, принципиально отличающиеся друг от друга по компоновке, тексту, расположению и способу размещения. Сразу уточним, что в сферу нашего внимания не входят молитвенные флаги *дарчен* (тиб. *dar chen*) и флаги победоносного знамени (*Гьялцен цемо* — от тиб. *rgyal mtshan rtse mo dpung rgyan*). Характерным отличием *лунгта* от других видов буддийских флажков является изображение в центре именно коня — восходящей энергии, символа, который приносит удачу всем живым существам. В буддийской иконографии лошадь изображается украшенной золотыми драгоценностями, колокольчиками, шелковыми балдахинами и кистями из ячьих хвостов. На спине он несет Драгоценное Сокровище. Так, Р. Бир отмечает, что «ветер–конь несет в своем седле исполняю-

---

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Лиджиева А.М. Молитвенные флажки «ки мөрн» в современной городской жизни калмыков

щую желанная драгоценность чакравартина, которая распространяет мир, благополучие и гармонию всюду, где появляется» [Бир 2013: 98]. В каждом из углов расположены четыре мифических животных: гаруда, дракон, тигр и снежный барс. С.В. Курасов, анализируя ряд принципиальных для буддийской духовной практики ритуальных предметов, отмечает, что мифические создания представляют элементы в соответствии с древней системой: Тигр — символ элемента Воздух; Снежный барс — символ элемента Земли; Гаруда — символ элемента Огня; дракон — символ элемента Воды [Курасов 2013: 109]. Выступая сверхъестественными созданиями четырех направлений, эти животные способны рассеять «четыре великих страха», связанных с рождением, болезнями, старением и смертью.

Молитвенные флажки бывают пяти основных цветов: белого, желтого, красного, синего и зеленого. Каждый цвет символизирует одну из стихий: землю (желтый), воду (зеленый), огонь (красный), воздух/ветер (белый) и небо/космос (синий). Для усиления действия *лунгта* на них печатают различные сутры, мантры, молитвы, например флажки с мантрами, Тары, Манджушри и др. Основное предназначение — это защита человека и благословение местности. По традиции молитвенные флажки пяти цветов развешивают на ветру в чистом месте, предварительно освятив их с помощью специального ритуала. Тибетская традиция вывешивания флажков насчитывает уже несколько тысячелетий и корнями уходит в религию бон (тиб. *bon*), которая зародилась в царстве Шанг-Шунг (тиб. *zhang zhung*) и распространилась на всей территории исторического Тибета. Буддизм, как отмечает Э.П. Бакаева, «распространяясь из Тибета в другие страны, образовал региональные (национальные) формы» [Бакаева 1994: 4–5]. Молитвенные флажки *лунгта* и практика их вывешивания были усвоены монгольскими народами (в том числе калмыками) при принятии буддизма. Эти флажки среди монголов получили название *ки мөрн*, что является калькой перевода с тибетского.

Калмыки подвязывают *ки мөрн* по традиции после наступления Зул (Нового года). В этот или последующие дни первого месяца люди приходят в хурул, приобретают определенное количество флажков и обращаются к ламе с просьбой освятить его. Основным мотивом этой практики выступают повседневные и особо важные события в жизни. Как правило, вешают *ки мөрн* при рождении ребенка, перед дальней поездкой, для приобретения благополучия, исполнения задуманного, а также когда «энергия» человека находится в плохом состоянии, наступает упадок духа, когда его преследуют болезни и неудачи. В современной жизни калмыков молитвенные флажки *ки мөрн* и связанная с ними практика вывешивания — это форма обряда устранения препятствий (калм. *цахан хаалһ сэжх*). Так, калмыки в начале года обращаются к ламе, чтобы узнать, будет ли наступающий год удачным для них или нет. Если же

лама скажет, что год неудачный, то для преодоления препятствий, после проведения обряда, он рекомендует вывесить *ки мөрн*.

По представлениям калмыков, у каждого человека свой *ки мөрн*, соответствующий году его рождения. У каждого свой цвет, текст мантр и украшение. Так, люди, родившиеся в год тигра, лошади или собаки, вешают *ки мөрн*, отпечатанный на желтой ткани с зеленой каймой и с красными язычками. В год мыши, дракона и обезьяны — на синей ткани с желтой каймой и белыми язычками. Если же, к примеру, глава семьи родился в год курицы, коровы или змеи — белый флажок с красной каймой и желтыми язычками и т. д. [Пагчог 2002: 48]. «...на каждый знак идут свои флажки, перед наступлением Зула обратиться в хурул, женщины знают, какой у вас год — такой то вот вам надо» [ПМА: Н. И.]*. В этом случае вешают индивидуально одиночный флажок.

Другим вариантом этой практики является коллективный способ вывешивания *ки мөрн*. Как показали наблюдения, локальные места, где совершается практика вывешивания *ки мөрн*, могут находиться не только в городе, но и в его ближайших окрестностях. Например, к таковым можно отнести памятник природы «Одинокий тополь», расположенный в Целинном районе Калмыкии. Недавно этому дереву присвоили статус памятника живой природы всероссийского значения [Национальный конкурс 2019]. «Одинокий тополь» считается священным местом для жителей Калмыкии. В дни больших молебнов и праздников верующие-калмыки, заранее уточнив благоприятность дней, вешают молитвенные *ки мөрн* в виде подношений, «знаковых» для данной местности. Как правило, *ки мөрн* подвешивают все члены семьи или один из них. В этом случае, вне зависимости от года рождения, вешают пять традиционных флажков белого, желтого, красного, синего, зеленого цвета.

Местной локальной особенностью этой практики является правило вписывания на флажки имен родных и близких. Калмыки вписывают имена в отведенном месте — по краю материи: «...вот когда он на ветру развивается, То без конца читается конкретно этому человеку молитва на удачу» [ПМА: А. А.]. Далее по традиции следует придти на место для вывешивания *ки мөрн* и водрузить их в соответствии со всеми правилами. Это не всегда могут быть вершины гор, перевалы, хурулы и ступы. В настоящее время городские жители вешают *ки мөрн* на крышах, на навесах над крыльцом, между деревьями, на балконах. Самое главное, чтобы было открытое пространство и постоянно был ветер: «Я выбрал место, где постоянно ветер присутствует, не в таком закоулке, а там где действительно колыхался» [ПМА: Ц. М.].

* В соответствии с общепринятыми в современной антропологии этическими принципами, в статье не указывают имена информантов. В статье в случаях прямого цитирования записанных интервью указываются только год и место сбора материала.

Лиджиева А.М. Молитвенные флажки «ки мөрн» в современной городской жизни калмыков

Согласно традиции, молитвенные флажки следует вешать только в благоприятные дни, когда нет «противостояния первоэлементов». Например, сочетание элементов вода — земля или огонь — ветер/воздух является благоприятным, а сочетание элементов вода — огонь или земля — ветер/воздух — неблагоприятным и т. д. По лунному календарю ламы-астрологи советуют вешать *ки мөрн* в пост (калм. *Мацг одр*) — день поста: *«Я советую людям вывешивать ки мөрн в мацг одр (8, 15, 30 лунные дни), так как эти дни не попадают в дни активности «Панден-Джау» (хозяин местности) этого хозяина местности. Всегда благоприятные дни, когда вывешивают ки мөрн»* [ПМА: Г. С.]. Современные калмыки соблюдают правила, следуют датам, которые узнают от лам или самостоятельно: *«я сперва поинтересовался в какой день лучше, поспрашивал у людей... принес домой, повесил»* [ПМА: Б. А.]. Стоит отметить, что данная строгость соблюдения правил информантом в той или иной мере определяет формы восприятия, жизненные стратегии. В этом смысле, казалось бы, простая последовательность действий, интерес к деталям, стремление сделать «все правильно», свидетельствует о том, что каждый верующий через практику подвизывания *ки мөрн* или любую другую видит возможность своего приближения к «освобождению от страданий», составляющему основу буддийского учения и формирующего внутренние установки.

В городской жизни молитвенные флажки *ки мөрн* выступают в роли символического элемента, маркирующего общегородское пространство. В г. Элиста молитвенные флажки *ки мөрн* встретились нам в нескольких местах, которые можно разделить на две группы объектов городского ландшафта: 1) территории, прилегающие к священным местам; 2) озелененные парковые территории. Данное разделение обусловлено, на наш взгляд, особенностями развития и становления Элисты. В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. облик города стал существенно меняться. Смена облика, конструирование «восточного стиля» характеризовалась активным строительством хурулов, возведением ступ, посещением города буддийских священников высокого ранга, в том числе Его Святейшества Далай ламы XIV. *«Статус президентской республики потребовал изменения имиджа. Новые вызовы времени требовали специфичных архитектурных решений. Для гостей столицы, для руководителей мультикультурного государства надо было продемонстрировать самобытность народа, которая непременно должна была быть отражена в образе города»* [Гучинова 2013: 46–47].

К первой группе объектов относятся территории, прилегающие к буддийским храмам, ступам и иным священным местам, обрядовые и ритуальные пространства, которые находятся в различных частях города и ближайших окрестностях. По результатам наблюдения чаще всего *ки мөрн* вывешивают именно на этих объектах. Основная мотивация, связанная с их посещением, является внутренняя (по Олпорту) [Хьелл, Зиг-

лер 1997: 22–23]. Согласно наблюдениям автора статьи, городской зоной, где в настоящее время чаще всего вешают *ки мөрн*, является центральный храм Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни» (*Бурхн Багшин алтн сүм*). Здесь молитвенные флажки развешаны вдоль всей ограды здания. Вход на территорию осуществляется с каждой из четырех сторон, но наибольшая плотность *ки мөрн* фиксируется на главных южных воротах.

Ки мөрн на главных воротах храма «Бурхн Багшин алтн сүм»

К числу объектов, связанных с практикой вывешивания молитвенных флажков, относится и «Ступа Просветления» Монлам Тамчед Друпа («Исполнитель всех молитв»), которая находится в восточной части города. Ступа была создана по инициативе буддийских деятелей из «Российской ассоциации буддистов Алмазного пути традиции Карма Кагью». Территорию вокруг Ступы Просветления опоясывают 8 канатов с молитвенными флажками. Одна из общих функций ступ — приведение в равновесие энергий местности.

Лиджиева А.М. Молитвенные флажки «ки мөрн» в современной городской жизни калмыков

Ко второй группе объектов относятся места кратковременного отдыха горожан. При этом посетителями, как и в первой группе объектов, являются не только местные жители, но и туристы, для которых посещение достопримечательностей входит в пешие маршруты, предложенные экскурсоводами. Согласно наблюдениям автора статьи, чаще всего из объектов второй группы практика повязывания молитвенных флажков *ки мөрн* осуществляется на центральной аллее парка «Дружба» (Аллея Героев), большей частью у скульптуры Белого Старца «*Цаган Аав*». Рассматривая особенности образа Белого старца в культуре калмыков, Э.П. Бакаева отмечает, что *«в каждой из сфер бытия он является владельцем семантически значимого пространства: среди просторов земли он — хозяин посевов, среди миров, подвластных Ожн теңгр и асурам — покровитель-хозяин мира, в мире людей он — покровитель их жилищ, в храме — хозяин пространства, где находятся священные тексты, в поселении-хотоне — хозяин земли, принадлежащей этому социальному объединению»* [Бакаева 1994: 81–82]. Обращает на себя внимание тот факт, что посетители данного места приходили как в одиночку, так и парами. Во время прогулки по парку, деревья и кустарники, которые перевязаны сотней разноцветных материй (флажки, ленточки) привлекают внимание туристов и местных жителей. В этой связи посещение мест, связанных с молитвенными флажками, обусловлено как потребностями людей так и их досуговым поведением (пошли гулять — заодно и повесили ленточку/флажок на удачу).

Ки мөрн на общественном здании в г. Элиста (улица М. Горького, д. 25).

Многие горожане украшают *ки мөрн* дверной проем в своем жилище. Считается, что молитвенные флажки автоматически благословляют каждого, «*защищают дом от злых духов и не выпускает из дома удачу*». Буддийские флажки можно увидеть на карнизах, над воротами «*иной раз на маршрутке едешь, иной раз проходишь, на многоэтажных домах... в частном секторе, у кого свои дома, между козырьками там натянуты*» [ПМА: Д. Ц.]. Каждый год старые молитвенные флажки заменяются новыми.

Таким образом, в визуальном восприятии пространства молитвенные флажки создают некое убежище, маркируют святость места, защищающее от человеческой суеты и беспокойства. Проведенная работа также позволяет сделать вывод о том, в современной городской жизни калмыков, молитвенные флажки *ки мөрн* являются культурно-символическим элементом, а связанная с ними практика воспринимается горожанами как часть калмыцкой традиции, отражая при этом характерную для калмыков этническую и религиозную принадлежность.

Источники

Национальный конкурс «Российское дерево года 2019». «Одинокий Тополь» из Калмыкии стал «Главным деревом страны – Российским деревом года 2019»! [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://rosdrevo.ru/russian-tree-of-the-year> (дата обращения: 01.10.2019)].

Полевые материалы автора (ПМА).

Литература

Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.

Бир Р. Тибетские буддийские символы. Справочник / пер. с англ. Л. Бубенковой. М.: Ориенталия, 2013. 336 с.

Гучинова Э.-Б.М. Элиста: национальные символы в пространстве города // Антропология города. Вып. 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 43–65.

Курасов С.В. Декоративно-прикладное искусство Тибета: символика и структура ритуальных объектов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. 2013. № 1 (77). Ч. 1: Серия «Гуманитарные и педагогические науки». С. 104–111.

Пагчог Еше. Буддизм: Шаг первый. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 96 с.

Хелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). СПб.: Питер Пресс, 1997. 608 с.

ВОЙЛОК В МУЗЕЯХ РОССИИ КАК ИСТОЧНИК В СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ МОНГОЛЯЗЫЧНЫХ НОМАДОВ*

Батырева Светлана Гарриевна¹

¹ доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: sargerel@mail.ru

Аннотация. Наследием культуры номадов являются традиционные ремесла, в том числе войлоковаление. Скотоводческое хозяйство, имея натуральный характер, обеспечивало повседневные потребности в пище, материалах для постройки жилища, пошива одежды и обуви, в транспорте и прочих жизненных нуждах калмыков. Исследование материального наследия включает системное описание и атрибуцию памятников прикладного творчества ойратов и калмыков из собраний Музея традиционной культуры им. Зая-пандиты КалмНЦ РАН, Национального Музея РК им. Н.Н. Пальмова, Российского этнографического музея. Коллекции музеев других регионов привлекались в качестве сравнительного материала, дополняющего источниковую базу исследования. Помимо памятников художественной культуры из музейных собраний России использовались архивные и полевые материалы автора, собранные за период с конца XX по начало XXI вв.

Ключевые слова: наследие, художественное ремесло, войлоковаление, музей, коллекция, традиция, орнамент.

В исследовании узорного войлока, представленного в российских музеях, важно обозначить место и роль войлоковаления в культуре монголоязычных номадов. Ремесло ойратов Западной Монголии и калмыков России имеет общие истоки художественных традиций валяния шерсти. Вместе с тем оно обусловлено историей народов, особенностями локального развития культуры, Историческая ретроспекция истоков традиций предполагает обращение к концептам «одно и многое», «универсальное и локальное», «общее и особенное» [Купцова 2009: 14].

---

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Рассмотрение декоративно-прикладного искусства монголоязычных народов предполагает обращение к художественным традициям, в том числе обработки шерсти — древнейшего материала животноводческого хозяйства номадов. Это дает возможность проследить историческое бытие ремесла. Декор войлока обусловлен особенностями материала и техники его обработки [Максяшин 2009: 60–62].

Состояние научной разработанности темы свидетельствует об отсутствии специальных обобщающих трудов о традиционных ремеслах монголоязычных номадов. Вместе с тем отдельные аспекты этнической культуры калмыков и ойратов в той или иной степени рассматривались в дореволюционный и советский периоды развития отечественного востоковедения. В настоящее время актуально теоретическое обобщение российских и зарубежных исследований традиционного наследия номадов.

Проблемы изучения прикладного творчества монгольских народов решаются в сфере музееведения. В процессе анализа экспонатов — памятников материальной культуры и художественных ремесел удалось выявить общие и локальные особенности материального историко-культурного наследия номадов России и Центральной Азии. Эстетическое начало народного творчества во многом сконцентрировано в орнаментальном декоре войлока, отражающего архетипы мышления номадов. Привлечение экспонатов узорного войлока, не бывших до этого предметом исследования, позволяет значительно расширить поле изучения материального наследия.

Войлочные коллекции в музеях России рассматриваются в качестве источника сравнительно-сопоставительного изучения орнаментального наследия монголоязычных номадов.

Древнее искусство кочевников, сохранившееся в памятниках палеолита, неолита, бронзового и железного веков на территории бывшего Советского Союза, представлено в собрании Государственного Эрмитажа. Предметы быта древних номадов, представленные в этой экспозиции, имеют большую культурную ценность. Обращение к ценнейшим экспонатам нетканной эпохи дает возможность соотнести традиции художественной обработки шерсти монгольских кочевников с их архаическими истоками [Жуковская 1988: 25; Тишков 2003: 14–31; Пространство 2008].

Войлочные ковры отличает «звериный» стиль, при этом изображение борьбы животных осуществлено с применением техники аппликации и простегивания [Новгородова 1989: 28–34, 38–39]. Произведения прикладного искусства, несущие в художественном своеобразии мировидение насельников Центральной Азии VII в., поражают техникой изготовления и украшения изделий, требующих знания свойств материала и способов декоративной обработки валяной шерсти [Древнее искусство 1974: 169–171; Древняя Сибирь 1976].

Не меньший интерес представляют войлочные ковры из раскопок Ноин-Улы (Монголия), найденные в захоронении гуннского периода в долине р. Орхон в 60-е годы XX в. Изделие, украшенное орнаментальной композицией, выполнено в технике лицевого шитья и аппликации (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.). Образец древнего искусства Центральной Азии воспроизводит в композиции многообразную картину мира [Батырева 2018]. Ю.И. Елихина, проанализировав материалы из раскопок Ноин-Улы, произведенных П.К. Козловым в 1923–1926 гг., дифференцирует их на следующие подгруппы функциональной значимости: детали войлочного покрытия и интерьера жилища, предметы одежды, конское снаряжение [Елихина 2018: 129–133].

Рассматривая войлочные композиции nomadов Ноин-Улы, исследователь Д. Гантулга дает глубокое прочтение орнаментального декора в призме традиционного учения монголов «арга билиг». Исходная в миропонимании древних ось мирового древа, означающая начало, мифопоэтически сопрягаема с центром мироздания, что находит развитие в спиральной композиции орнамента, «вращающегося» по ходу солнца и против солнца. Единство природных стихий отображено в полюсах мироздания, во взаимодействии которых образуется «начало начал» вселенского бытия. В узорных войлоках сохраняется мифопоэтическая суть искусства, чья цветовая, числовая и образная символика восходит к древней основе философии nomadов [Гантулга 2011: 375–376].

Российский этнографический музей в Санкт-Петербурге (далее — РЭМ) обладает богатейшими коллекциями изделий ремесленного производства народов России, в том числе и калмыков XIX — нач. XX вв. Музейный фонд был сформирован на протяжении десятилетий собирательскими усилиями многих исследователей. Особый интерес представляет специализированный фонд Войлочной кладовой и Мягкий фонд Отдела народов Сибири РЭМ, где хранится войлочное наследие кочевых народов.

Коллекция калмыцкого войлока в собрании РЭМ представлена кибиточным комплексом и циновками из Войлочной кладовой. Мягкий фонд составляют следующие изделия: попона и недоуздок на верблюда, циновки, круглые подушки-валики, ухватки для котла и прочее. Войлочные изделия калмыков содержатся в ряде коллекций. Например, в коллекции № 189, поступившей от П.Г. Щербова через Императорское Русское Географическое Общество и состоящей из экспонатов Всероссийской Нижегородской выставки 1896 г., переданных в качестве дара. Коллекция № 369 включает предметы одежды и быта калмыков Астраханской и Ставропольской губерний, изготовленные из разных материалов, более обширна в предметном составе, зримо представляя традиционный быт народа. Коллекция № 1080, приобретенная на средства Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III,

была собрана А. Миллером в Сальском округе Области Войска Донского в июле 1906 г. [СР РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 403. Л. 6об., 12, 13, 15].

Интересен также фондовый материал Музея этнологии и антропологии имени Петра Великого (Кунсткамера, Санкт-Петербург), хранящий предметы быта и комплекс деталей войлочного покрытия жилища западных монголов. Оно традиционно и характерно для бытия калмыков и ойратов, номадов.

Общеизвестно, войлок из-за трудностей хранения представляет собой достаточно редкий материал в музеях, отечественных и зарубежных. В силу исторических обстоятельств немногочисленны фонды Национального музея Республики Калмыкии имени Н.Н. Пальмова, Музея традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН, Музея джангарчи Ээлян Овлы (пос. Ики-Бухус Малодербетовского района), Музея Центра развития калмыцкой культуры «Булг» (п. Цаган-Аман Юстинского района). Экспонаты датируются большей частью периодом конца XIX — 1-й пол. XX вв. и являются важным материальным источником в научной базе исследования, основанного на систематизированном учете и описании культурного наследия, собираемого в процессе комплектования музеев [Батырева 2018б: 143–151].

В этих музейных фондах представлены следующие виды экспонатов: настенные и напольные войлочные изделия ширдг, верхняя одежда для холодного времени года, постельные принадлежности и предметы, используемые в хозяйстве (потники и попоны для лошадей и верблюдов), хозяйственные сумы, чехлы для хранения вещей, веревки и арканы, плетеные из шерсти и конского волоса, обувь.

Астраханский музей-заповедник обладает немногочисленной калмыцкой коллекцией предметов одежды и кочевого уклада. Среди экспонатов из войлока есть конская попона, большой войлок сакрального назначения *тэглин ширэ*, а также хорошо сохранившийся экспонат с характерным геометрическим декором — циновка *ширдг* удлиненной формы. Она несет композицию из строчевых фрагментов, расположенных по горизонтали изделия. В декоративном оформлении это прямоугольники, стеганные параллельной строчкой белой, серой и светло-коричневой шерстяной нитью, и слагаемые сходящимися к центру треугольниками. Нашитом дублетном слое коричневой шерсти (овечьей вперемежку с верблюжьей) в светлом обрамлении войлочной основы выделен круг, стеганный десятью радиальными рядами строчки. В декоре применяется полукружная кайма «зег», прихваченная изнутри мелкими стежками. Изделие начала XIX–XX вв. традиционно в приемах исполнения калмыцкого войлока. Типичен декор в трансляции образной символики круга, квадрата и треугольника — геометрических фигур, взаимообусловленных в цвете и числе элементов декора циновки *шикэ ширдг*. Стеганный код узорной стежки проецирует традиционное мировидение кочевников [Батырева 2006: 85–106].

В ходе исследования войлока калмыков и ойратов для сопоставления был привлечен войлочный материал из коллекции Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. В изучении экспонатов войлокования nomadов важно выявить генетические связи калмыцкого ремесла с культурой кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии, имеющих много общего. Например, в материальное наследие тюрков-тувинцев помимо прочего входит жилище с войлочным покрытием (калм. *өрк, тув. ореге*), обшитым по краям тканью, с веревками, плетеными из шерсти или конского волоса. Верх жилища покрывает войлок трапециевидной формы (калм. *деевр*, тув. *дээвиир*). Прямоугольной формы войлочная полость (калм. *үдна ишкэ*, тув. *кидис эжик*) опускается на деревянную дверь. Идентичны в изготовлении войлочные циновки (калм. *ширдг*, тув. *ширтек*), простеганные геометрическим узором. Тувинский войлок поделен мелкой стежкой на квадраты в параллельном линейном рисунке «под углом». Декор калмыцких ширдыков также состоит из квадратов или ромбов, слагаемых в композиции из малых треугольных форм. Вариации единой геометрической темы создавались мастерицами, реализующими в художественной стежке пространственное мышление предков. Архаичный слой культурного наследия nomadов Центральной Азии сохранился у калмыков в консервации войлочной традиции, в то время как у тувинцев он нашел продолжение в развитии геометрического рисунка, дополняемого растительным или зооморфным узором войлочных циновок *ширтек*. Параллелью можно рассматривать подобный стеганый декор изделий рубежа XX–XXI вв. у ойратов Западной Монголии, создаваемый цветными шерстяными нитями.

Сравнение с тувинским музейным материалом дало возможность выявить малоизученные общие закономерности формирования народного искусства монголов и тюрков. Общее и особенное в технике и художественных приемах обработки валяной шерсти в культуре монголов и тюрков наглядно свидетельствует об исторических взаимосвязях художественного творчества народов Евразии. Культурное взаимодействие происходило «в эпоху ранних кочевников, когда у скотоводческих племен, живших на обширных просторах евразийских степей от Восточной Европы до Центральной Азии, сложились сходные формы хозяйственного быта», способствовавшие распространению многих достижений, в том числе в искусстве, и в частности, в орнаментации мягких материалов (кожа, войлок, ткань) [Вайнштейн 1974: 5–7, 127–144].

Интересный в этом отношении материал представляет бурятский войлок из фондов Национального музея Республики Бурятия и Этнографического музея народов Забайкалья [Сампилов 1995]. Работа в фондах музеев позволила выявить 15 войлочных изделий, среди которых встречаются циновки, изготовленные из валяной шерсти овец, как правило, двухслойные и традиционной прямоугольной формы. Эти изделия, да-

тируемые 30–70-ми гг. XX в., прошиты сухожилиями, обрамлены витым шерстяным шнуром. Края оформлены плотной тканью. Стежка шерстяной нитью воспроизводит геометрический рисунок квадратов (ромбов), распадающихся на треугольные формы. Мотивы декора, свойственные калмыцкому и встречаемые в тувинском войлоке и бурятских изделиях, дополнены Т-образным или более сложной формы меандром, стеганым по краю, одетому тканью. Циновки, тонированные уникальным способом задымления, в большинстве случаев обрамляют параллельными линиями. Подобным образом могут быть орнаментированы и подушки с квадратным торцом, украшенным металлическими накладками и кораллом. Изделия сшиты из войлока, дублированного плотной хлопчатобумажной тканью. Особенность орнаментального декора бурятов представляют спиралеобразные формы с четырьмя ответвлениями, стеганные на войлоке натурального серого цвета. В центре спирали может быть помещен крест *хас*, а круглая форма трансформирована в квадрат, выстроченный шерстяной нитью того же цвета, что и основа войлока. Идея взаимообусловленности форм, четко просматриваемая в калмыцком войлоке, у бурят может выражаться «пазловым» размещением узора.

Выявленный материал в музеях Бурятии и Тувы позволяет проследить общие истоки этногенеза и культуры тюрко-монгольских nomadов. Народное художественное творчество ориентировано на родовой опыт (связь с природным, национальным и коллективным началом), что отражено в технике и орнаментике использованного материала.

Таким образом, узорный войлок музейных коллекций России является значимым историко-культурным источником в сравнительно-сопоставительном изучении материального наследия монголоязычных nomadов.

Источники

Собрание рукописей Российского этнографического музея (СР РЭМ).

Литература

Батырева С.Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX — начала XX вв. Элиста: АОр «НПП «Джангар». 2006. 160 с.

Батырева 2018а — *Батырева С.Г.* Войлок в музейном собрании Государственного Эрмитажа: к вопросу образного мышления nomadов Центральной Азии // Вестник Калмыцкого госуниверситета. 2018. № 3. С. 6–13.

Батырева 2018б — *Батырева С.Г.* Узорный войлок калмыков по материалам музейных коллекций Калмыкии // Бюллетень КалмНЦ РАН. История. 2018. № 1. С. 143–151.

Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.

Гантулга Д. Цветовая, числовая и образная символика монголов в контексте учения арга билиг // Мир науки, культуры и образования. 2011. № 4 (29). С. 375–376.

Батырева С.Г. Войлок в музеях России как источник в сравнительно-сопоставительном изучении материального наследия монголоязычных народов

Древнее искусство. Памятники палеолита, неолита, бронзового и железного веков на территории Советского Союза. Собрание Государственного Эрмитажа. Л.: Аврора. 1974. 194 с.

Древняя Сибирь. Путеводитель по выставке «Культура и искусство древнего населения Сибири. VII в. до н. э. — XIII в. н. э.». Л.: Аврора, 1976. 131 с.

Елихина Ю.И. Сокровища курганов Ноин-Улы (Северная Монголия). Находки экспедиции П.К. Козлова 1923–1926 гг., хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Саарбрюккен: Lap Lambert Academic Publishing, 2018. 317 с.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука; Гл. ред. восточной литературы, 1988. 196 с.

Купцова И.А. Методологические основания сравнительного анализа культуры // Вопросы культурологии. 2009. № 8. С. 13–17.

Максяшин А.И. Декоративно-прикладное искусство и народное художественное творчество: правильно ли мы их понимаем? // Вопросы культурологии. 2009. № 8. С. 60–62.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1989. 383 с.

Пространство в традиционной культуре монгольских народов / Б.З. Нанзатов, Д.А. Николаева, М.М. Содномпилова, О.А. Шагланова. М.: Восточная литература, 2008. 341 с.

Сампилов Ц. Этнографические зарисовки. Новосибирск: Наука. 1995. 18 с.

Тишков В.А. Культурный смысл пространства // V конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г. Тезисы докладов. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 14–31.

Археология и история юга России

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА
ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ЕРГЕНИНСКИЙ
В КАЛМЫКИИ (по материалам полевого отчета
В.П. Шилова, М.А. Очир-Горяевой
и по коллекции КалмНЦ РАН)***

Манджиева Влада Владимировна¹,

Шарманджиева Цагана Владимировна²

¹ младший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: vlada.mandzhieva@mail.ru

² младший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: tsaganashm@gmail.com

Аннотация: В статье представлены результаты анализа археозоологического материала из курганной группы Ергенинский (Республика Калмыкия), в котором было исследовано 14 курганов с костным материалом из погребений бронзового века. В ходе работы было осуществлено детальное описание костных останков животных. Костный материал изучен в ходе камеральной работы и последующей паспортизации. При описании костных остатков использовались анатомические атласы, определители и рабочие коллекции позвоночных животных. Результаты исследования показывают, что определенные нами кости данной курганной группы принадлежат в основном крупному и мелкому рогатому скоту. Также по данным отчета в курганной группе были зафиксированы останки птиц и кабана, а также кости змеи.

Ключевые слова: археологические памятники, животные останки, курганная группа Ергенинский, археология, остеологический материал, Республика Калмыкия.

Данная статья посвящена анализу археозоологического материала в эпоху бронзы, полученного во время раскопок курганной группы Ергенинский — одной из крупнейших курганных групп и погребального

---

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

памятника эпохи бронзы на территории Республики Калмыкии. Анализ археозоологического материала погребальных памятников имеет особое значение для реконструкции погребальных обрядов, которые являются важным звеном в культуре населения степной полосы бронзового века. Костный материал — это один из возможных ключей в сложной и не до конца выясненной семантике древних погребальных обрядов с использованием животных.

Археологические спасательные раскопки на территории Советского района Калмыцкой АССР (ныне Кетченеровский район Республики Калмыкия) начались в 1981 г. и продолжались до 2007 г. Они осуществлялись с северо-восточной стороны п. Ергенинский, на южном склоне гребня Ергенинской возвышенности, с восточной стороны трассы Элиста–Волгоград. В 1981–1986 гг. спасательные раскопки проводились Волго-Донской археологической экспедицией под руководством В.П. Шилова. В 2006–2008 гг. проводилось дополнительное обследование курганной группы (руководитель — М.А. Очир-Горяева) [Очир-Горяева 2008: 93]. По результатам этих раскопок была написана работа по жертвенным комплексам бронзового века, основанная на материалах курганной группы Ергенинский, в которой рассматривались материалы из семи курганных групп, расположенных на Ергенинской возвышенности, и приведены сведения о погребально-поминальной обрядности бронзового века [Кекеев 2019]. Однако специальных исследований археозоологического материала названного погребального памятника, хранящегося ныне в КалмНЦ РАН, не было. Данная работа призвана частично восполнить этот пробел.

На начальном этапе мы проанализировали археозоологический материал в фондохранилище КалмНЦ РАН и при помощи полевых отчетов раскопок курганной группы Ергенинский под руководством В.П. Шилова и М.А. Очир-Горяевой [НА ИА РАН. Р-1. № 10968; № 9516; № 11785; № 11793] вычленили останки позвоночных животных, относящихся к данной курганной группе. Затем был определен видовой состав и проведено описание анатомического комплекса костей. При описании костных остатков использовалась специальная литература, анатомические атласы, определители и рабочие коллекции позвоночных животных [Зеленевский, Васильев, Логинова 2005; Хрусталева, Михайлов, Шнейберг 2004; Вракин, Сидорова, Попов 2001]. Прежде всего оценивалась степень естественной сохранности костных остатков, что позволило исключить случаи попадания костей современных животных. При анализе археозоологического комплекса принимались во внимание следующие характеристики: естественная сохранность кости или фрагмента; таксономическая идентификация костей животных (она определялась до видового уровня); их анатомический спектр; количество костей; морфологические характеристики; частота встречаемости костей.

Манджиева В.В., Шарманджиева Ц.В. Сравнительный анализ археозоологического материала из курганной группы Ергенинский в Калмыкии

По данным полевых отчетов костный материал животных в курганной группе Ергенинский отмечен в 24 погребениях, 6 тризнах, также есть три случая находок отдельных костных останков в насыпях курганов. В коллекциях фондохранилища КалмНЦ РАН сохранились археозоологические материалы лишь из 16 указанных погребений

Ниже представлено описание костного материала в соответствии с полевыми отчетами.

Кости животных из курганной группы Ергенинский (раскопки 1981 г.). В 1981 г. совместная археологическая экспедиция Института археологии АН СССР и Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и этнографии при Совете Министров Калмыцкой АССР начала исследование большого курганного могильника у совхоза Ергенинский, в котором было раскопано 5 курганов, относящиеся к катакомбной и предкавказской культурам. Всего на сегодняшний день известно 10 погребений, в которых присутствовали останки животных [НА ИА РАН. Р-1. № 10968]. Обнаруженные кости овцы и крупного рогатого скота являются остатками напущенной пищи, помещавшейся в погребения. Чаще всего фиксировались кости овцы — они обнаружены в семи погребениях. Кости крупного рогатого скота были обнаружены в трех погребениях. Не определен только один вид животного в погребении 4 кургана 5, поскольку кости имели плохую сохранность (табл. 1).

Костный материал из коллекции КалмНЦ РАН соответствует пяти погребениям кургана 5 (погребения 1–5). При этом кости крупного рогатого скота относятся только к погребению 5 кургана 5. Из-за плохой сохранности не определен вид одного животного в погребении 1 кургана 5.

В погребениях встречаются следующие анатомические наборы мелкого рогатого скота: кости запястья, голени, метаподий, ребер, бедренные и большеберцовые кости овец. Кости задних конечностей овцы были обнаружены в трех погребениях данной курганной группы: в погребении 2, 3 и 5 кургана 5. Кости крупного рогатого скота представлены костями бедра, голени и метаподий, то есть полной задней конечностью (см. табл. 2).

Таким образом, в погребальном памятнике Ергенинский по данным 1981 г. преобладают кости мелкого рогатого скота. Традиционно в погребении оказывается задняя конечность в сочленении. В захоронениях и голова крупного рогатого скота с конечностью.

Кости животных из курганной группы Ергенинский (раскопки 1982 г.). В 1982 г. Волго-Донская экспедиция продолжала раскопки Ергенинского могильника. Был исследован курган 6 с целью получения стратиграфических наблюдений для памятников предкавказской культуры, в результате чего удалось выявить три погребения и три тризны. Анализ костного материала коллекций и его описание в полевом отчете показы-

вает, что и в этом случае основными ритуальными животными являлся крупный и мелкий рогатый скот. В данном случае количество костей крупного рогатого скота было больше [НА ИА РАН. Р-1. № 9516].

Судя по отчету В.П. Шилова, в кургане 6 были обнаружены тризны, в которых находился богатый археозоологический материал, главным образом, кости крупного рогатого скота (черепа, нижние челюсти, передние и задние конечности в анатомическом порядке). Также кости крупного рогатого скота были встречены в насыпи и в самом погребении 3 кургана 6, рядом с погребенным лежал рог и череп. В двух погребениях (погребение 3 и 5 кургана 6) были встречены метаподии и лопатка овцы. В тризне были найдены кости животных, которые не поддаются установлению видовой принадлежности из-за плохой сохранности.

Археозоологический материал 1982 г. из погребений кургана 6 в фондохранилище КалмНЦ РАН сохранился не полностью. В коллекциях КалмНЦ РАН хранятся кости животных из одной тризны и одного погребения (погребение 3 курган 6). В погребении 3 кургана 6 был также найден позвоночный столб змеи, но, скорее всего, его нахождение здесь связано с естественными причинами и не связано с ритуальной стороной захоронений. Тризна характеризуется большим количеством костей овцы, представленных россыпью в плохой сохранности.

Кости животных из курганной группы Ергенинский (раскопки 1984 г.). В 1984 г. Волго-Донская археологическая экспедиция продолжила исследования курганного могильника Ергенинский и исследовала три погребения: погребение 1 кургана 9, погребение 2 и 4 кургана 10. В фондохранилище КалмНЦ РАН данный археозоологический материал отсутствует. Согласно полевому отчету в этих погребениях кости овцы были найдены в погребениях 1, 2, 3 кургана 10 (кости черепа, лопаток и конечности с копытами), кости крупного рогатого скота — только в погребении 1 кургана 9 (два черепа с нижними челюстями, а также передние и задние конечности) [НА ИА РАН. Р-1. № 11785].

Кости животных из курганной группы Ергенинский (раскопки 1985 г.). В 1985 г. Волго-Донская археологическая экспедиция продолжила раскопки Ергенинского курганного могильника, было исследовано 2 кургана (№ 11 и 12.).

Согласно полевому отчету, в насыпи кургана 11 была обнаружена тризна № 1. Верхний горизонт ее состоял из черепа быка, лежащего на ногах, отрубленных в коленях. Несколько ниже под черепом обнаружено еще шесть черепов крупного рогатого скота, лежащих рядом на отрубленных в коленях ногах. Кроме того, в насыпи в западной стене первой восточной траншеи была обнаружена тризна № 2. На дне, на камышовой подстилке, были открыты пять черепов крупного рогатого скота, положенных на ноги, отрубленные в коленях, которые мордами и копытами были обращены на юг. Тризна №3 была найдена в насыпи в западной

Манджиева В.В., Шарманджиева Ц.В. Сравнительный анализ археозоологического материала из курганной группы Ергенинский в Калмыкии

стенке первой восточной траншеи. Здесь также был обнаружен череп быка, положенный на отрубленные в коленях ноги, ориентированные мордой и копытами на юг.

В насыпи кургана 12 обнаружены мелкие кости двух особей крупного рогатого скота. В фондохранилище КалмНЦ РАН данный археозоологический материал отсутствует [НА ИА РАН. Р-1. № 11793].

Кости животных из курганной группы Ергенинский (2006–2008 гг.). В 2006–2008 гг. были произведены спасательные археологические раскопки двух курганов у п. Ергенинский Кетченеровского района Республики Калмыкия. Курганы 13 и 14 находились на уровне построенной водонапорной башни на склоне возвышенности западнее трассы Элиста-Волгоград. В полевом отчете были указаны три погребения катакомбной культуры и насыпи, которые содержали напутственную мясную пищу и в которых, соответственно, сохранились кости животных: мелкого и крупного рогатого скота, птицы и грызунов. В основном встречаются кости мелкого рогатого скота (в основном это задние конечности в сочленении, альчики и позвоночный столб). Они были обнаружены в погребениях 2 и 5 кургана 13.

В погребальном памятнике были встречены также кости кабана (фрагмент челюсти) — в погребении 3 кургана 13; кости грызунов и кости птицы — в погребении 5 кургана 13. Трубчатая кость птицы была обработана с обеих сторон — внутренней и внешней. Автор отчета считает, что кость была заготовкой для флейты. Стенки изделия очень тонкие. Кости грызунов представлены россыпью мелких костей, которые сильно перемешаны с костями погребенной.

В насыпи кургане 13 было зафиксировано 6 костных находок. У западной стенки насыпи на глубине 180 см найдены пястные кости теленка и истлевшие фрагменты трубчатых костей. Южнее западной стенки на глубине 200 см найдена трубчатая кость животного, верхняя часть лопатки и ребро животного. В центральной части насыпи на глубине 150 см найден фрагмент обожженной кости. В коллекции фондохранилища из всех указанных находок сохранилась только трубчатая кость голени овцы (см. табл. 1).

В погребальном памятнике кости мелкого рогатого скота были встречены лишь в погребении 1 кургана 14, в погребении 2 и 9 кургана 13: тазовые кости, фрагменты крестца, фрагменты костей голени. Кости крупного рогатого скота были встречены лишь в погребении 3 кургана 13 и в беспаспортном погребении кургана 13: проксимальная фаланга, лодыжковая кость голени. При этом не все кости были указаны в описании полевого отчета, но их удалось найти и определить в коллекциях КалмНЦ РАН. Среди костных останков также есть кости животных, не поддающиеся точной атрибуции, что связано с плохой сохранностью костей животных из погребения 2 кургана 13.

По данным полевых отчетов, костные останки из погребений Ергенинского могильника в основном принадлежали домашним животным — крупному и мелкому рогатому скоту. В погребениях также были найдены кости змеи, кабана, птицы и грызунов. В остеологических комплексах по частоте встречаемости костей преобладает мелкий рогатый скот (38,3 %) и крупный рогатый скот (40,4 %). Доля животных, вид которых определить не удалось, составляет 12,8 % (табл. 3).

Анализ коллекции костей из фондохранилища КалмНЦ РАН показал, что доля костей мелкого рогатого скота составляет 60,71 %, крупного рогатого скота — 21,42 %, змеи — 3,57 %, неопределенных животных — 14,3% (табл. 4).

Традиционно в археологии кости животных в погребениях считаются остатками ритуальной пищи, а кости в насыпях — остатками тризны (кости в насыпях часто в отчетах обозначаются как тризна). Проведенное исследование показало, что в погребениях действительно фиксируются мясные части туш домашних животных, отчлененные по ритуальной схеме. Также в насыпях фиксируются разрозненные фрагменты от мясных частей туш животных со следами искусственного воздействия, что можно интерпретировать как остатки тризны. В погребениях найдены кости всех отделов скелета мелкого рогатого скота. Среди отделов во всех выборках преобладают останки «мясных частей» проксимальных отделов конечностей. Это свидетельствует о том, что части туши мелкого рогатого скота являлись типичной напутственной пищей. Среди отделов крупного рогатого скота во всех выборках преобладают останки черепа с нижней челюстью и кости конечностей. Такие же кости фиксировались в большом количестве в тризнах. Это указывает на то, что крупный рогатый скот в бронзовом веке часто использовался для проведения погребальн-поминального обряда.

Полученные данные важны для понимания истоков формирования и развития изучаемой стороны погребального обряда.

Источники

Научный архив Института археологии РАН (НА ИА РАН).

Литература

Вракин В.Ф., Сидорова М.В., Панов В.П. Практикум по анатомии с основами гистологии и эмбриологии сельскохозяйственных животных. М.: Колосс, 2001. 272 с.

Зеленевский Н.В., Васильев А.П., Логинова Л.К. Анатомия и физиология животных. М.: Академия, 2005. 464 с.

Кекеев Э.А. Жертвенные комплексы в курганах бронзового века (по материалам могильников Ергенинской возвышенности. *Oriental Studies*. 2019. № 44 (4). С. 580–600.

Манджиева В.В., Шарманджиева Ц.В. Сравнительный анализ археологического материала из курганной группы Ергенинский в Калмыкии

Очир-Горяева М.А. Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929-1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.

Хрусталева И.В., Михайлов Н.В., Шнейберг Я.И. Анатомия домашних животных. М.: Колосс, 2004. 704 с.

Таблица 1. Археозоологический материал курганной группы «Ергенинский» по полевому отчету (жен. — женский, муж. — мужской, взр. — взрослый, КРС — крупный рогатый скот, б/н — без паспорта)

Курган	Потребение	Пол, возраст погребенного	Поza погребенного	Археозоологический материал			Культурно-хронологическая принадлежность
				Вид	Описание	Положение	
1981 г.							
1	1 (кагкамба)	—	—	овца	альчик (9 шт.).	скопление альчиков обнаружено у входа в подбой, 8 альчиков рядом, 1 находится рядом с сосудом	катакомбная культура
1	1 (засыпь)	—	—	овца	лопатка (1 шт.)	в засыпи ямы на дне	катакомбная культура
3	6	ребенок (12-13 лет)	скорченно на левом боку, головой на СВ	овца	фрагмент кости	рядом с сосудом	катакомбная культура
4	3	жен.	скорченно на левом боку, головой на ЮЗ	КРС	фрагмент челюсти (1 шт.), плечевая кость (1 шт.)	рядом с курильницей	катакомбная культура
5	1	ребенок (разрушено)	скорченно на правом боку, головой на ЮВ	овца	альчик, длинная трубчатая кость	в северо-западной части ямы	катакомбная культура

Манджиева В.В., Шарманджиева Ц.В. Сравнительный анализ археозоологического материала из курганной группы Ергенинский в Калмыкии

5	2	ребенок	скорченно на левом боку, головой на СВ	овца	трубчатые кости	в юго-восточном углу катакомбы	предкавказская культура
5	3	ребенок	скорченно на левом боку, головой на Ю	овца	череп, кости конечностей	в юго-восточном углу ямы	предкавказская культура
5	4	взр.	скорченно на левом боку, головой на ЮВ	—	фрагменты костей (2 шт.)	напротив плечевых костей погребенного	предкавказская культура
5	5	—	—	КРС	череп, кости конечностей	череп лежал поперек ямы, мордой на юг, в южной стене обнаружены фрагменты длинных костей	катакомбная культура
5	5	—	—	овца	длинные трубчатые кости	в юго-западной стороне ямы	катакомбная культура
5	6	муж.	скорченно на левом боку, головой на В	овца	трубчатые кости	в засыпи входной ямы	катакомбная культура
5	8	жен.	скорченно на левом боку, головой на юг, лицом на В	овца	лопатка (2 шт.)	в середине входной ямы, у западной стенки	катакомбная культура
5	9	взр.	скорченно, на левом боку, головой на ЮВ	КРС	длинные трубчатые кости	в засыпи ямы	катакомбная культура
1982 г.							
6	тризна 1	—	—	—	россыпь костей	у северной стенки тризны	предкавказская культура

6	тризна 1	—	—	КРС	череп, кости конечности в анатомическом порядке	у южной стенки тризны	предкавказская культура
6	тризна 1	—	—	КРС	кости конечности (3 шт.)	у западной стенки тризны	предкавказская культура
6	тризна 1	—	—	КРС	зубы (2 шт.)	южные стенки тризны	предкавказская культура
6	тризна 2	—	—	КРС	череп, кости конечности	располагались в линию С-Ю	предкавказская культура
6	тризна 2	—	—	КРС	череп	в центре северного края тризны	предкавказская культура
6	тризна 3	—	—	КРС	череп, кости конечности (в плохой сохранности)	у южной стенки тризны	предкавказская культура
6	2	взр.	на левом боку,ничком, сильно скорчено, головой на ЮЗ	овца	лопатки (2 шт.)	с западной стороны сосуда	предкавказская культура
6	3 (насыпь)	—	—	овца	лопатка (1 шт.), лучевая кость (1 шт.)	на 1,5 м выше уровня края могилы	предкавказская культура
6	3 (насыпь)	—	—	КРС	череп	—	предкавказская культура
6	3 (насыпь)	—	—	змея	позвонки в анатомическом порядке	на 0,5 м выше края могилы	предкавказская культура

Манджиева В.В., Шарманджиева Ц.В. Сравнительный анализ археологического материала из курганной группы Ергенинский в Калмыкии

6	3	муж.	на левом боку, сильно скорченно, головой на ЮЗ	овца	лопатка (1 шт.)	в юго-западном углу могилы	предкавказская культура
6	3	муж.	на левом боку, сильно скорченно, головой на ЮЗ	КРС	рог (1 шт.)	в северо-западной части могилы, около сосуда	предкавказская культура
6	5	взр.	на левом боку, грудью вниз, сильно скорченно, головой на ЮЗ	овца	метаподия с заостренным концом	на дне могилы, в юго-восточном углублении	предкавказская культура
1984 г.							
9	1	муж.	на левом боку, скорченно, головой на ЮЗ	КРС	череп (2 шт.) кости передних и задних конечностей	в южной части входной ямы	предкавказская культура
10	2	взр.	на левом боку, сильно скорченно, головой на Ю	овца	лопатки	в восточной части входной ямы	предкавказская культура
10	4	—	—	овца	кости конечностей	у восточной стенки ямы	предкавказская культура
1985							
11	тризна 1	—	—	КРС	череп (7 шт.), кости конечностей	в насыпи, в западной стенке первой восточной траншеи, почти в центре кургана	катакомбная культура

11	тризна 2	—	—	КРС	череп (5 шт.), кости конечностей	в насыпи, в западной стенке первой восточной траншеи, на расстоянии 5-6 м к югу от центрального пикета	катакомбная культура
11	тризна 3	—	—	КРС	череп (1 шт.), кости конечностей	в западной стенке первой восточной траншеи, в 2 м к югу от центрального пикета	катакомбная культура
12	насыпь	—	—	КРС	неопределимые мелкие фрагмен- ты костей	в насыпи, в юго- восточном секторе	катакомбная культура
2006 г.							
13	5	ребенок (до 1 г.)	головой на юг	грызун	россыпь костей	кости грызунов сильно перемешаны с костями погребенного	катакомбная культура
13	5	ребенок (до 1 г.)	головой на Ю	птица	трубчатая кость (1 шт.)	с восточной стороны могилы, около кувшинов по линии север-юг	катакомбная культура
13	5	ребенок (до 1 г.)	головой на Ю	овца	трубчатые кости овцы (2 шт.)	с восточной стороны могилы, около кувшинов по линии север-юг	катакомбная культура

Манджиева В.В., Шарманджиева Ц.В. Сравнительный анализ археозоологического материала из курганной группы Ергенинский в Калмыкии

13	5	ребенок (до 1 г.)	головой на Ю	овца	альчики (20 шт.)	вдоль трубчатых костей овцы по линии север-юг	катакомбная культура
13	3	—	—	кабан	фрагмент челюсти	в засыпи ямы, около глена	катакомбная культура
14	насыпь	—	—	овца	позвоночный столб	в восточной половине насыпи кургана	—
13	насыпь	—	—	—	фрагмент трубчатой кости	—	—
13	насыпь	—	—	КРС	пястная кость	—	—
2007 г.							
13	2	жен., младенец	скорченно на левом боку, головой на ЮВ, у головы расположен скелет ребенка	овца	задних конечностей	на блюде	катакомбная культура
13	7 (насыпь)	—	—	КРС	пястные кости, ислевшие фрагменты трубчатых костей	в центре насыпи на глубине 1,8 м.	—
13	8 (насыпь)	—	—	—	трубчатая кость	в западной части насыпи на глубине 2 м.	—
13	15 (насыпь)	—	—	—	фрагмент обожженных костей	в центре насыпи на глубине 1,5 м.	—
13	16 (насыпь)	—	—	—	целость, фрагмент лопатки, ребро	в западной части насыпи на глубине 2,22 м.	—

Таблица № 2 Археозоологический материал курганной группы «Ергенинский» из фондохранилища КалМНЦ РАН
(жен. — женский, муж. — мужской, взр. — взрослый, КРС — крупный рогатый скот, б/п — без паспорта)

Курган	Порядок	Пол, возраст погребенного	Попа погребенного	Археозоологический материал		Культурно-хронологическая принадлежность
				Вид	Описание	
1981 г.						
5	1	ребенок (разрушено)	скорченно на правом боку, головой на ЮВ	—	россыпь костей плохой сохранности	катакомбная культура
5	1	ребенок (разрушено)	скорченно на правом боку, головой на ЮВ	овца	кости запястья плохой сохранности	катакомбная культура
5	2	ребенок	скорченно на левом боку, головой на СВ	овца	трубчатая кость без эпифизов (1 шт.)	предкавказская культура
5	3	ребенок	скорченно на левом боку, головой на Ю	овца	кости голени (2 шт.), россыпь костей	предкавказская культура
5	3	ребенок	скорченно на левом боку, головой на Ю	овца	фрагменты большеберцовых костей (4 шт.), россыпь костей	предкавказская культура
5	5	—	—	овца	фрагменты метаподий (4 шт.)	предкавказская культура
5	5	—	—	КРС	метаподий (2 шт.), рог (1 шт.), фрагмент челюсти, фрагмент метаподий (2 шт.), проксимальная фаланга (6 шт.), средняя фаланга (2 шт.), фрагменты зубов, фрагмент крестца, россыпь костей	предкавказская культура

Манджиева В.В., Шарманджиева Ц.В. Сравнительный анализ археозоологического материала из курганной группы Ергенинский в Калмыкии

5	5	—	—	КРС	фрагменты метаподий (4 шт.), фрагменты рогов, фрагменты зубов, проксимальная фаланга (3 шт.), средняя фаланга (3 шт.), россыпь костей плохой сохранности	предкавказская культура
5	5	—	—	овца	фрагменты большой берцовой кости (4 шт.)	предкавказская культура
5	5	—	—	КРС	плохой сохранности	предкавказская культура
б/п	б/п	—	—	овца	метаподии (2 шт.)	—
б/п	б/п	—	—	овца (ягненок)	фрагменты ребер плохой сохранности фрагменты лопаток, большая берцовая кость, плечевая кость, бедренная кость, позвонки, мелкие кости запыляясь	—
1982 г.						
6	тризна 2	—	—	—	россыпь костей плохой сохранности	предкавказская культура
6	тризна 2	—	—	овца	россыпь костей плохой сохранности	предкавказская культура
6	тризна 2	—	—	овца	россыпь костей плохой сохранности	предкавказская культура
6	тризна 2	—	—	овца	россыпь костей плохой сохранности	предкавказская культура
6	3	муж.	на левом боку, сильно скорченно, головой на ЮЗ	змея	позвоночный столб	предкавказская культура

2006 г.					
			овца	фрагмент голени позвоночный столб	катакомбная культура
13	1 (насыпь)	—	—		
14	1	муж. (55-65 лет)	—		
2007 г.					
13	2	жен. младенец	овца	фрагмент бедренной кости (1 шт.), кость правой голени (1 шт.), фрагмент таза (2 шт.), альчик (1 шт.), фрагмент пяточной кости (1 шт.).	катакомбная культура
13	2	жен. младенец	—	фрагмент бедренной кости (1 шт.)	катакомбная культура
13	3	жен. 17-20 лет	КРС	позвонок (атлант) — 1 шт.	катакомбная культура
13	9	жен. 20-25 лет	овца	фрагмент кости голени (1 шт.), фрагменты крестца, фрагменты тазовых костей (3 шт.)	катакомбная культура
13	10	—	—	фрагмент кости (1 шт.)	катакомбная культура
13	б/п	—	КРС	кости плечевой сохранности: проксимальная фаланга (3 шт.), лодыжковая кость голени	катакомбная культура

Манджиева В.В., Шарманджиева Ц.В. Сравнительный анализ археологического материала из курганной группы Ергенинский в Калмыкии

Таблица № 3. Частота встречаемости костных останков из курганной группы «Ергенинский» (Полевой отчет)

Вид	кол-во	%
крупный рогатый скот	19	40,4
мелкий рогатый скот	18	38,3
змея	1	2,2
грызун	1	2,2
птица	1	2,2
кабан	1	2,2
неопределен	6	12,8
Всего	47	100

Таблица № 4. Частота встречаемости костных останков из курганной группы «Ергенинский» (Фондохранилище КалмНЦ РАН)

Вид	кол-во	%
крупный рогатый скот	6	21,42
мелкий рогатый скот	17	60,71
змея	1	3,57
грызун		0
птица		0
кабан		0
неопределен	4	14,3
Всего	28	100

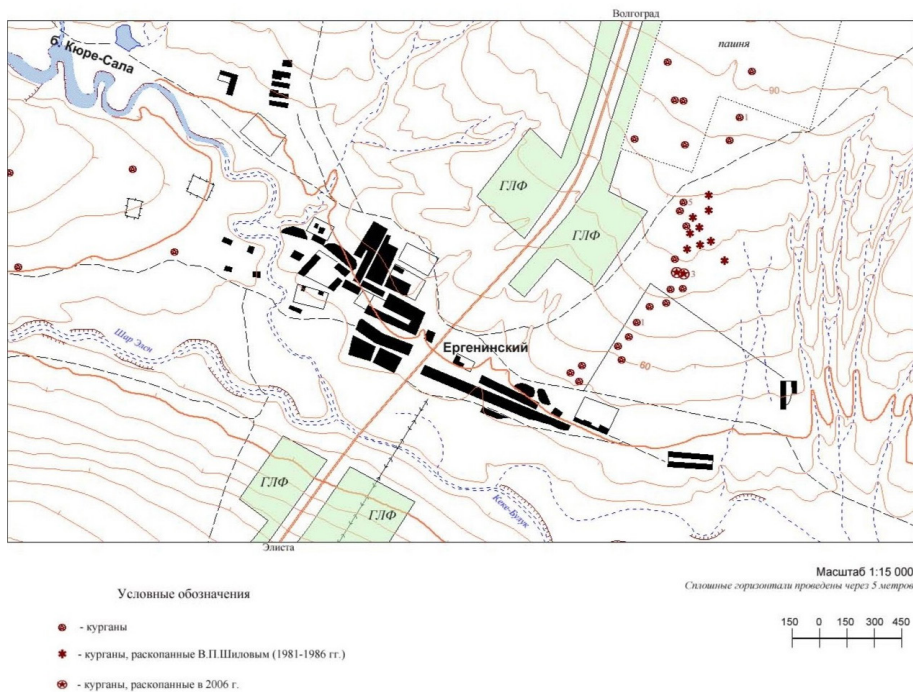

Рис. 1. Географическое положение курганной группы Ергенинский

ПЕРЕГОВОРЫ О ПЕРЕХОДЕ КУБАНСКИХ НОГАЙЦЕВ В РОССИЙСКОЕ ПОДДАНСТВО (рубеж XVII–XVIII вв.)*

Сень Д.В.¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: dsen1974@mail.ru

Аннотация: в статье исследуются актуальные вопросы политической истории Крымского ханства конца XVII в. — начала XVIII в., относящиеся к новым явлениям в жизни ногайской Кубани. Речь идет о событиях, связанных с предполагавшимся переходом кубанских ногайцев в российское подданство после падения Азова в 1696 г., повлекшего за собой самые существенные изменения обстановки не только в Северо-Восточном Приазовье, но и в Крыму, а также на Кубани. Устанавливается роль и место именно Азовской воеводской администрации в налаживании соответствующих контактов с ногайцами Кубани. Исследуются различные случаи, способствовавшие формированию новых массовых настроений среди кубанских ногайцев (включая их возросшие страхи относительно своего будущего), а также формы, содержание и особенности их коммуникации с властями Азова и Войска Донского по вопросу возможной смены подданства, впрочем, так и оставшейся нереализованной.

Ключевые слова: Азовские походы, Войско Донское, Крымское ханство, Кубанская орда, ногайцы, пограничье, Османская империя, Россия.

Падение османского Азова летом 1696 г. отразилось не только на состоянии русско-турецких отношений, о чем чаще пишут в специальной литературе. Новой российской администрации Азова также пришлось вступить в контакты с представителями крымских ханов на Кубани, а также с местными ногайскими элитами, в том числе — устные и письменные, изобиловавшие проблемными ситуациями [Сень 2019]. В исторической науке, кроме того, недостаточно исследован вопрос о *взаимосвязи* между мероприятиями новых российских властей в Азове по призыванию ногайцев в царское подданство и *защитой* Россией новых территориальных приобретений, а также *массовыми негативными*

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

настроениями, возникшими на Кубани среди ногайского населения после 2-го Азовского похода. В более общем смысле речь идет о выявлении самых неоднозначных реакций со стороны подданных Гиреев и Османов (в последнем случае — на примере населения Кафинского эялета) на завоевание российскими войсками Азова — после чего их привычная жизнь (торговля, набеги и работорговля, в том числе проведение «окупных» операций, кочевание, связи с метропольными территориями, их поездки на другие территории и пр.) претерпела изменения, в том числе в худшую сторону.

Недовольство в Крыму султанской властью и опасения крымцев и ногайцев за свое ближайшее будущее резко усилились в связи с утратой турками-османами Азова, когда Россия основательно приблизилась к границам ханства. Завоевав устье Дона, *«Россия расколола территорию ханства и изолировала Кубанскую орду и Западную Черкессию от его остальных причерноморских владений»* [Артамонов 1985: 71]. Успешная борьба России с Османской империей и завоевание Азова позволили ей к концу XVII в. существенно укрепиться в Северо-Восточном Причерноморье, прервав сообщение по суше между Крымом и восточными кочевниками. Усилившись в регионе, Россия поставила под свой контроль *«коммуникации, обеспечивавшие опасные для россиян прямые контакты Порты и Крыма с калмыками, тюркским населением Поволжья и Степного Предкавказья»* [Приймак 2011: 55]. По меткому выражению В.А. Артамонова *«в начале XVIII в. ногайцы буквально метались в поисках нового протектора»* [Артамонов 2001: 271]. Например, кубанские ногайцы стали говорить, что *«мы де не знаем, куды прислонитца неведомо — к Белому царю или к турецкому»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 20. Л. 10].

Вероятно, расширение территориальной экспансии России и ее военно-политической мощи не осталось незамеченной и мусульманскими народами, вследствие чего, к слову, и на Юге тоже расширились география и количество случаев признания русского царя именно «белым» — в категориях сакральности и включенности этого обозначения в традиционные для Востоке системы мироустройства*. Выскажем мнение, что такое положение вещей могло развиваться на фоне переоценки местными восточными народами аналогичных характеристик турецкого султана, неспособного, как оказалось, к защите собственных владений на Юге — части священной территории *«дар аль-ислам»*. Нам потребуется отдельное изучение данного вопроса, а пока можно в целом согласиться со

* Подробнее этот вопрос рассмотрен в работе В.В. Трепавлова [Трепавлов 2017: 19–69]. См. также его суждение о трактовке интересующего нас понятия в мусульманских странах в связи с распространением там мнения, неприятного для турок-османов, о возможности завоевания исламского мира именно «белым царем» [Трепавлов 2017: 124].

Сень Д.В. Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.)

словами В.А. Артамонова о том, что «авторитет «белого царя» после Азовских походов 1695–1696 гг. вырос и внимание кочевых народов стало чаще обращаться в его сторону» [Артамонов 2019: 318].

Прошения ногайцев о подданстве (точнее, *разных* ногайских орд в составе Крымского ханства) или их реакции на аналогичные предложения от царских властей необходимо связать с изменившимся (а именно — с *ухудшившимся*) международным положением Крымского ханства, вызванным в т.ч. итогами русско-турецкой войны 1686–1700 гг. Правда, не приходится говорить о совпадении условий, вызвавших к жизни однотипное, по форме выражения, новое явление: неоднократные обращения *разных* групп ногайцев, подданных Гиреев, за подданством к России, позиция которой по данному вопросу не оставалась неизменной на протяжении второй половины 1690-х гг. — начала XVIII в.

Обращения к России за подданством со стороны некоторых кубанских мурз (напр., Есенея-мурзы, Кубека-мурзы, Урака-мурзы) были удовлетворены, и какое-то время они даже проживали на Дону с частью своих улусных ногайцев. При этом, Есенея-мурза ходатайствовал о подданстве для себя, для своей родни и части улусных людей в более благоприятных для того политических условиях — *в начале марта* 1700 г. [Воеводе С.И. Салтыкову 1887: 191–192]. Кубек-мурза и Урак-мурза, по всей видимости, были приняты на Дону уже после заключения между Россией и Османской империей 3 июля 1700 г. Константинопольского мирного договора. Так, Урак-мурза еще летом 1701 г. проживал в Черкасске и, недовольный решением крымского хана переправить снаряженных ногайцев с Кубани в Крым, намеревался вместе с мурзой Арсланбеком со своими улусами «*отъехать к Черкасскому*» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 1–3].

Но все же позиция России стала более категоричной (в отрицательном смысле) для подобных и иных просителей от ногайских групп в составе Крымского ханства *именно после подписания этого ключевого для тогдашних русско-турецких отношений документа*. Например, в 1701 г. украинский гетман И.С. Мазепа после получения указаний из Москвы отказался содействовать в предоставлении российского подданства ногайцам Буджакской орды, восставшей в 1699 г. против хана Девлет-Гирея II [Станіславський 2008: 158–161]. Оценивая же ситуацию с ногайцами за 1696–1700 гг., можно заметить, что в одних конкретных случаях ногайцы Крымского ханства (Буджакская орда) больше действовали под влиянием конфликта с ханской властью, в других (Кубанская орда) — в связи с угрозой своему будущему из-за «прихода» России к местам их проживания и боязни быть ею завоеванными, из-за сомнений в том, окажет ли им помощь турецкий султан...

Анализируя документальные источники, мы видим, что падение османского Азова переживалось кубанскими ногайцами болезненно

и даже панически [Сень 2016: 87–92]: в том же 1696 г. многие из них откочевали с семьями в Крым и в Черкессию, где даже остались зимовать [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 4, 8; Д. 15. Л. 13, 18]. Откочевка ногайцев за Кубань в «горские черкесы» носила массовый характер, ее не сумели предотвратить даже действия крымцев. Недаром из Крыма прибыл один из сыновей крымского хана Хаджи-Селим-Гирея, *«а с ним де силы сот з девят и стоят они с стороны горских черкес для того, чтоб они нагайцы не бежали в горские черкесы»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 20. Л. 10]. По словам бежавшего с Кубани крестьянина Т. Иванова, ногайцы рассуждали: *«А когда де Азов взят, так де не устоят и Нагаю»* (т. е. Кубанской орде. — Д. С.), и если российские войска опять придут к Азову, то всем им придется бежать в горы. *«И ныне де те татары юрты свои все пожгли, а сами с женами из детми живут, переходя по розным местам для того, что они от приходу руского войска к себе велими опасны...»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 15]. Впрочем, уже в 1697 г. ногайцы *«...ныне все съехались по-прежнему и стали пашню пахать»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 18]. 8 мая 1697 г. другой выходец с Кубани сообщил в Азовской приказной избе о том, что ногайцы *«живут на Кубане по-прежнему. И говорят все кубанские тотара меж собою, что-де ныне Озов взяли руские люди, а в другой-де год они ево возмут»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 18].

Ногайцы и турки-османы, впрочем, неоднократно отзывались скептически о возможности отвоевания Азова у России. Выразительная сцена произошла в начале 1697 г. в османской Тамани: приезжий торговый ногаец заявил местному турку-осману, что *«в Азове силы много, и московская де сила ныне в готове и будет в Азов вскорее»*, если же *«турския люди вскорее не будут, а московская сила к ним придет, и они де, нагайцы, им здадутца»*. Турок стал в ответ бранить ногайца за подобные настроения: *«...русские люди и не бывали, а ты де здаешься»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 16. Л. 16]. По словам пленного ногайца Укуштука (1697 г.) кубанские ногайцы были настроены следующим образом: в случае выхода русской армии к Черному морю и строительства на Кубани османской крепости они уйдут к калмыцкому хану [Тепкеев 2018: 148]. Создается устойчивое впечатление, что с падением Азова ногайцы, казалось, утратили одно из важных и зримых организующих начал своей жизни, традиционно связанных с Османской империей. Однако, вскоре после возвращения ногайцев из Закубанья на привычные места проживания обнаружилось, что российская сторона сохранила некоторые элементы прежней местной пограничной жизни, выгодныеномадам. Азов быстро вернул себе позицию важного регионального центра проведения «окупных» (выкупных) операций с рабами и их «розмена», о чем на Кубани было хорошо известно даже невольникам. Невольников привозили в Азов от ногайцев, например, с кубанскими «торговыми

Сень Д.В. Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.)

людьми», развивавшими торговые связи через Азов, а также доставляли в крепость другими способами [Сень 2018]. Идеализировать отношения сторон, конечно, не стоит. Подобные контакты были выгодны как ногайцам, так и азовской администрации, взявшей под контроль окупные и разменные операции с невольниками, отеснив, к тому же, от подобных занятий Войско Донское, традиционно участвовавшее в указанном сегменте местной пограничной жизни.

Возвращаясь к истории с призыванием ногайцев под «царскую руку» вскоре после падения Азова, отметим, что соответствующая инициатива исходила от российской стороны и направлялась, скорее всего, царем Петром I. Защита Азова представлялась царю на данном стратегическом направлении одной из наиболее важных задач, достижение которой, среди прочего, предполагало сбор и анализ информации о планах Османской империи и Крыма по возможному отвоеванию крепости. При этом, вероятно несколько иная интерпретация дипломатической активности российских властей на так называемом «кубанском направлении», о чем будет сказано ниже. В любом случае, России необходимо было учитывать настроения кубанских ногайцев в числе других факторов, влиявших на местную пограничную обстановку. В частности, речь идет об обострении крымско-калмыцких отношений, когда в 1696 г. после бегства части ногайских улусов из-под власти Аюки была мобилизована, по приказу калги-султана, вся Кубанская орда, готовая к нападению на калмыков, и, вместе с тем, осведомленная о возможном нападении на Кубань самого Аюки [Тепкеев 2018: 145]. Многоопытный калмыцкий правитель полагал, что при определенных условиях Кубань и Кабарда могли бы стать под «государеву руку», о чем он даже написал в Москву [Тепкеев 2018: 146].

Обратим внимание на то, что едва ли не первая попытка со стороны российских властей установить контакты с кубанскими ногайцами по вопросу их перехода в российское подданство была предпринята спустя совсем непродолжительное время после падения Азова. 19 июля 1696 г. капитулировал османский гарнизон Азова, а уже 22 августа того же года боярин и воевода А.С. Шеин получил отписку от Войска Донского, весьма вовремя попавшую в руки воеводы Большого полка. При этом фрагментированное начало документа [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 17. Л. 3] позволяет высказать предварительное мнение о том, что вопрос о российском подданстве ногайцев, в свою очередь, был поднят даже не А.С. Шеиным (Петром I?)! Донцы сообщали, что к ним в Войско приехали с Кубани ногайцы для «окупного дела», которые также привезли с собой «*письмо от мурз и от ученых людей* (надо думать, от абызов? — Д.С.)» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 17. Л. 3]. Таким образом, если интерпретировать значение этого случая, то российской стороной был найден хороший повод для «прощупывания» соответствующих настроений сре-

ди ногайцев. Именно поэтому А.С. Шеин повелевал П.Г. Львову «для призыву под великодержавную руку его великого государя... ногайских и черкесских мурз со всеми их улусными людьми» отправить на Дон «кого пригож» и говорить тем ногайцам, чтобы те мурзы были бы в «вечном подданстве под высокодержавною рукою великого государя... и обнадеживать их его, великого государя, милостию и жалованьем» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 17. Л. 4].

Пока не представляется возможным говорить о том, что отмеченная нами оперативность и российских властей и направленность их действий оказались *напрямую* связаны с планами защиты крепости от нападения крымцев и турок-османов в том же 1696 г. На тот момент (лето–осень 1696 г.) подобные сведения только стали поступать российской стороне [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 20. Л. 2, 6, 10 и др.]; но, что более существенно — ногайцы не представляли тогда собой существенной угрозы Азову, массово и едва ли не в панике покинув Кубань, о чем писалось выше. Уже в первой половине сентября 1696 г. российские власти располагали информацией об откочевке ногайцев за Кубань. Более того, уже находясь за Кубанью у «горских черкесов», ногайцы «*меж собою... переговаривали, как де из Царяграда силы не будет, и они де и достальные побегут в горы для того, что де те татары от приходу к себе московских сил боятца, толко чают цареградских сил*» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 3]. Скорее всего, перед нами явление несколько иного порядка и объяснения, а именно, элемент активизировавшейся южной политики России в условиях продолжавшейся войны с Османской империей и, к тому же, дипломатического давления на Крымское ханство. Упоминание же в документе о «черкесских мурзах» требует дополнительного изучения. И, конечно, соответствующая инициатива о возможности российского подданства исходила не от ногайцев.

Выполняя повеление А.С. Шеина, окольный и воевода П.Г. Львов, действовавший через Войско Донское и совместно с его верхушкой, оперативно обратился к ногайцам и, очевидно, к черкесам, со своим посланием. Вероятно, речь идет о документе, недатированный фрагментированный отпуск которого сохранился в Государственном архиве Воронежской области (ГАВО) [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 4. Д. 1. Л. 1]. К слову, документы об анализируемой ниже истории сохранились также в РГАДА (Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 7), поэтому в дальнейшем можно обратиться к сравнительному изучению нескольких документальных комплексов. Послание П.Г. Львова «с *товарыщи*» адресовалось «*ногайских орд мурзам Янмамбетю и Батырше наврузовым*», иным мурзам «и всей Закубанской орде». Воевода писал своим адресатам, что по указу великого государя к ним на Кубань из Войска Донского отправлен М. Можар с царским же «*призывательным указом*». Его смысл сводился к тому, чтобы «*вы* (адресаты воеводского послания. — Д. С.) *под его великого*

**Сень Д.В. Переговоры о переходе кубанских ногайцев
в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.)**

государя высокодержавною рукою были в... подданстве против того, как мурзы, и черкесы и улусные [люди?] под его великого государя... рукою близ Казани и Астрахани... и в сибирских странах живут» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 4. Д. 1. Л. 1].

Сентябрьская отписка 1696 г. Войска Донского на имя П.Г. Львова позволяет уточнить детали этого хорошо спланированного мероприятия, в том числе, как выясняется, направлявшегося боярином и воеводой Большого полка А.С. Шеиным. Так, в отписке прямо указывалось, что Войско Донское действовало не только по царскому указу, но и по приказу А.С. Шеина [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 17. Л. 5]. Далее в документе речь шла об отправке за Кубань *«к нагайским мурзам и ко всем закубанским ордам»* М. Можара и Ф. Болдыря с *«товарыщи»*. Особенный интерес представляют детали готовившейся поездки. Во-первых, в Войске был составлен «лист» на имя ногайских мурз, после чего казаки, определенные для поездки к ногайцам, отвезли его в Азов для сличения воеводой П.Г. Львовым с другим документом [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 17. Л. 5]. Точнее, это понадобилось для того, чтобы необходимые слова из его собственного письма — тем же самым адресатам — походили на текст «войскового листа». После необходимых процедур оба письма были переданы группе М. Можара–Ф. Болдыря, очевидно, и выехавшей вскоре из Азова к месту своего назначения.

Следующая войсковая отписка по данному вопросу была подана азовскому воеводе П.Г. Львову 14 октября 1696 г. В ней вновь сообщалось об отправке по указу великого государя казака М. Можара *«с товарыщи»* с предложением ногайцам перейти в подданстве *«под высокодержавную... руку»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 2 а]. Более важной является другая информация, почерпнутая нами из документа: в результате поездки, как оказалось, ногайские мурзы не дали никакой «отповеди» ни войсковым властям, ни, следовательно, азовскому воеводе П.Г. Львову. Тогда М. Можар и Ф. Болдырь были отправлены с Дона на Кубань повторно с письмами от Войска, *«чтоб о том подлинно отповедь уведомить от тамошних закубанских мурз и арды (sic! — Д. С.)»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 2а].

Уже 15 октября 1696 г. воевода написал свое ответное послание Войску Донскому. В частности, он сообщал о приезде М. Можара с Кубани в Азов, и о том, что «закубанские мурзы» направили от себя четверых татар вместе с Ф. Болдырем в Черкасск. Примечательно, что в анализировавшейся выше войсковой отписке, полученной в Азове 14 октября 1696 г., воеводе не сообщалось о приезде с Кубани Ф. Болдыря с ногайцами. Воевода упрекал войскового атамана Ф. Минаева в том, что *«с чем те татары в Черкаской к тебе приехали, и какое дело явилось против наших писем, о том в Азов ты октября по 15-е число не писывал и ведомости никакой не присылывал»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1.

Д. 9. Л. 3]. По получении же царского указа атаману Ф. Минаеву повелевалось сообщить в Азов обо всех разговорах, которые татары повели с ним в Черкасске.

В октябре того же года М. Можар был допрошен в Азовской приказной палате. Казак сообщил, что они приехали «за Кубань в Татарскую орду к первому мурзе к Мамемет Темиреву сыну, говоря, «что присланы от азовского воеводы князя Петра Григорьевича Львова и от Войска Донского атамана Фрола Минаева с призывательными с писмами, чтоб они были в подданстве под высокодержавною рукою великого государя нашего и его царского величества» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 5]. Обратим внимание на использованную в этом и в других подобных документах формулировку — «за Кубань», что могло и соответствовать действительности — ведь во второй половине 1696 г. (уже летом?) ногайцы действительно массово оставили свои жилища на Кубани. Захватив с собой казаков, Мамемет-мурза направился к «большому мурзе» Де[н]мамбету «для того, чтоб переговорить с иными мурзами и улусными людьми, которые под его мурзиною рукою». Эти мурзы направили в Черкасск вместе с Ф. Болдырем четверых своих татар для удостоверения подлинности писем и полномочий посланцев от Войска Донского [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 5]. Филипп Болдырь направился с ногайцами в Черкасск, а М. Можар с провожатыми — к авторитетному среди кубанских ногайцев Кубек-аге: «И он-де Кубек говорил ему Матвею, для чего-де к нему писма нет» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 5].

Из другой войсковой отписки от 31 октября 1696 г., адресованной воеводе П.Г. Львову, узнаем, что в группу М. Можара и Ф. Болдыря входило еще три человека, и что войсковых «посылок» к ногайцам было несколько, полагаем, две. Войско Донское уверяло воеводу П.Г. Львова, что «подлинное их закубанской орды [по]мышление было о подданстве... под высокодержавную руку государя нашего» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 6]. По всей видимости, «шатания» какой-то части Кубанской орды в сторону России носили весьма серьезный характер: ногайцы даже сообщили о том, что «...к лету пришлому (т. е. на следующий, 1697 год. — Д. С.) разным временем приход будет со всею силою ему самому турецкому султану на Озов. А подлинно-де достава[ть] Черкасской и в злехитром намерении своем говорят... егда-де Черкасской возмем, тогда и Азов подавно наш» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 6]. Другое дело, что ногайские мурзы еще «сроку упросили (для принятия решения по вопросу подданства. — Д.С.) до пришлого лета, кому де бог поможет на лето, того де и мы вся орда, потому что дело будет болюе на лета (sic! — Д.С.)» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 6]. Обращает на себя внимание и тот факт, что наврузовский Мамбет-мурза направил от себя нарочного — Доюнкелду-агу, не сообщившего Войску подробностей о данном ему поручении и намеревавшегося с казачьей зимовой стани-

Сень Д.В. Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.)

цей отправиться в Москву [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 6–7]. Войско Донское просило П.Г. Львова указать, каким образом поступить с этим кубанским посланцем. Ответ воеводы на Дон был составлен 2 ноября 1696 г. и носил определенно уклончивый характер. П.Г. Львов рекомендовал Войску Донскому *«учинить вам по своему»* вопрос о вероятной отправке Доюнкелды-аги в Москву [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 8].

Судя по всему, интенсивность соответствующих переговоров о возможном подданстве ногайцев сошла на нет в том же 1696 г. Следующий, 1697 год, принес обострение обстановки в Северо-Восточном Приазовье и получение Россией уже из разных источников данных о готовящемся походе османских и крымских войск под Азов [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 4, 6, 7, 10]. Никуда не исчезла и настороженность местного ногайского населения к российскому (по сути, к военному) соседству рядом с собой. В ходе 3-го Азовского похода ногайцы приняли активное участие в составе войск калги Девлет-Гирея, сражаясь с Большим полком боярина А.С. Шеина 20 июля 1697 г. под Азовом: будучи разгромлены, они бежали за р. Кагальник. Еще в 1700 г. актуальной была ситуация, при которой *«кубанцы»* (т. е. ногайцы) *«от приходу великого государя ратных людей и от казаков зело боятца, и конские и скотьи табуны все перегнали за Кубань и держат в крепях и говорят, что великий де государь в Азове и знатно, что изволит с своими, великого государя, ратными людьми, итит их, кубанцов, разорит»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 237. Л. 12].

Частный для России «ногайский вопрос» быстро отошел на второй план ее внешней политики на Юге после завершения войны с Османской империей и заключения с ней Константинопольского мирного договора 3 июля 1700 г. Но, что примечательно, после этого не прекратились разговоры и даже прошения разных ногайских групп о российском подданстве, уже нередко служившие им дополнительным аргументом в ходе выяснения отношений с правящими Гиреями. К примеру, поддержав низложенного в конце 1702 г. крымского хана Девлет-Гирея II, восставшего против Порты, кубанские ногайцы не собирались подчиняться новому хану Хаджи-Селим-Гирею I. Они якобы заявляли, что, если прежний хан *«по-прежнему на ханство не будет, и они де хотят поклонитца под высокодержавную великого государя руку»* [РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1703 г. Д. 11. Л. 672об.].

В 1701 г. один из султанов-Гиреев (Каплан-Гирей/Бахты-Гирей?) разгромил множество *«черных людей татар»*, намеревавшихся со своими мурзами уйти с Кубани и *«кочевать около Азова и Черкаского»*. Эти ногайцы *«переехали на Кертму реку, и салтан де кубанской с татары за ними в погоню гнал сам, и с мурзами с Сартланом, да с Агашом, да черной человек Кубек-ага, а было с ними воинских людей тысяча пятьсот человек, да трицат человек казаков ахреянов. И на Кер-*

тме де реке угнав их, учинили бой, и мурзы де с ними билис, и от мурз черные люди многие изменили, и побежали к салтану, и салтан мурз разорил совсем... А у мурз жен и детей побрал он, салтан, к себе на Кубань, а мурзы розбежалис врознь» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 80]*. Тот же Кубек-мурза, вернувшийся с Дона на Кубань, в 1703 г. снова обратился с прошением о подданстве, приехав в Азов, «чтоб принять ево по-прежнему под высокодержавную великого государя руку, и з братом Ураком-мурзою, и со всеми улусными людми. И он, Кубек, не принят, и от Азова отослан» [РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 25. Ч. 1. Л. 835–835об.]**.

Проанализированный нами главный случай, положенный в основание статьи, свидетельствует о том, что население Кубанской орды ранее других подобных образований в составе Крымского ханства попало в орбиту соответствующего внимания Российского государства. Этот эмпирический материал органично вписывается в историю решения Россией тактических и стратегических вопросов расширения своего влияния на Юге после завоевания Азова, в том числе путем выработки различных «невоенных» форм ослабления традиционного для данного региона крымско-османского влияния. Вместе с тем, подобные действия России находили несомненный отклик в среде подданных Гиреев, анализ которых поможет уяснить многие существенные особенности новой, после 1681 г., внешней политики Крымского ханства — возникшей вследствие невыгодных и даже опасных для него русско-турецких договоренностей и устанавливаемого Москвой и Стамбулом нового пограничного порядка.

Источники

Воеводе С.И. Салтыкову о принятии в Черкаском на жительство Есенея-мурзы с семейством и с улусными Татарами // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний: Воронежские акты. Т. 1. Воронеж: Воронеж. губ. стат. ком., 1887. С. 191–192.

Государственный архив Воронежской области (ГАВО).

Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

Артамонов В.А. О русско-крымских отношениях конца XVII — начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М.: Институт истории СССР, 1985. С. 71–88.

Артамонов В.А. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // Славяне и их соседи. М.: Наука, 2001. Вып. 10. С. 269–286.

* Этот фрагмент документа любезно предоставлен к.и.н. П.А. Аваковым.

** Фрагмент документа любезно предоставлен к.и.н. П.А. Аваковым.

Сень Д.В. Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.)

Артамонов В.А. Турецко-русская война 1710–1713 гг. М.: Кучково поле, 2019. 448 с.

Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII — первая треть XIX в.). Армавир: Полипринт, 2011. 359 с.

Сень Д.В. Азовские походы и их последствия в истории Крымского ханства. Рубеж XVII–XVIII вв. (на примере ногайской Кубани) // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему: Материалы второй Международной научно-практической конференции (г. Черкесск, 12–13 октября 2016 г.). Черкесск: б/и, 2016. С. 87–92.

Сень Д.В. «Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII в. — начало XVIII в.) // Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 1. С. 36–46.

Сень Д.В. Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII — начало XVIII вв.) // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: Материалы Международной научной конференции. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 134–143.

Станіславський В.В. До історії взаємин Війська Запорозького з Буджацькою Ордою в 1699–1700 рр. // Надчорномор'я: студії з історії та археології (з IX ст. до н.е. по XIX ст. н.е.). Київ: Інститут історії України НАН України, 2008. С. 157–162.

Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.

Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2017. 360 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ КАЛМЫЦКОГО ПОСОЛЬСТВА В ТИБЕТ 1737 Г.*

Тепкеев Владимир Толтаевич¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: tvt75@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается организация калмыцкого посольства в Тибет в 1737 г. Несмотря на то, что эта посольская миссия так и не достигла своей цели, вынужденная остановиться на российско-китайской границе, но ее история важна для понимания религиозно-политической жизни Калмыцкого ханства в XVIII в. На основе новых и известных архивных материалов автор фактологически восполняет пробелы в освещении этого события. В частности, публикуется реестр участников и численность данного посольства. Этот документ позволяет понять, по какому принципу формировались подобные духовные миссии.

Автор приходит к выводу, что формирование калмыцкого посольства в Тибет в 1737 г. проходило в благоприятной политической обстановке, которая сложилась на тот период в русско-калмыцких отношениях. Это позволило хану Дондук-Омбо укрепить собственную власть в Калмыцком ханстве.

Ключевые слова: калмыки, Калмыцкое ханство, Дондук-Омбо, калмыцкое посольство, Тибет.

История организации и формирования калмыцких посольств в Тибет в XVIII в. — тема малоисследованная, которая требует особого внимания при рассмотрении общественно-политической жизни Калмыцкого ханства. Некоторые исследователи в рамках своих работ лишь частично затрагивали эту тематику, среди которых можно выделить работы Е.Л. Беспрозванного, А.А. Курапова, А.Г. Митирова и Н.Н. Пальмова [Беспрозванных 2008; Курапов 2007; Митиров 2002; Пальмов 1926]. Поэтому цель данной статьи — подробное рассмотрение процесса организации калмыцкого посольства в Тибет в 1737 г., чтобы понять принципы формирования состава и численности подобных миссий.

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ гос. регистрации АААА-А19-119011490038-5)

Признание российским правительством власти Дондук-Омбо в Калмыцком ханстве в 1735 г., но без наличия соответствующей грамоты от Далай-ламы VII не обеспечивало наместнику поддержки большинства владельцев. Очевидно, что калмыцкая знать признавала наличие «ярлыка» на ханскую власть только от духовного лидера, а не от российской императрицы Анны Иоанновны. Поэтому основная задача в организации посольства была сформулирована ханским посланцем Джамбо-Джамцо: «...калмыцкие владельцы по совести своей Дондук-Омбо за действительного хана за тем, что ему того от Далай-ламы было не подтверждено, признать не могли» [цит. по Курапов 2007: 168, 169]. Поэтому Дондук-Омбо сразу же после церемонии стал готовиться к отправке своей посольской миссии в Тибет.

Второй задачей организации посольства было формирование Дондук-Омбо условий для создания собственной династии в Калмыцком ханстве. Об этом правительству стало известно только в марте 1741 г., когда в письме в Коллегию иностранных дел он сообщал, что одной его из личных просьб к Далай-ламе VII был выбор наследником одного из трех сыновей, рожденных от младшей супруги Джан. Российское правительство, по мнению Дондук-Омбо, должно было лишь подтвердить решение высшего духовного лица [Курапов 2007: 169]. Столь принципиальное стремление решить данный вопрос был обусловлен довольно слабым здоровьем хана, который болел многие годы и умер в 1741 г.

По мнению А.А. Курапова, третьей задачей посольства было определение тибетскими иерархами нового духовного главы калмыцкого народа. Смерть в 1736 г. в Петербурге Шакур-ламы, находившегося в оппозиции Дондук-Омбо, поставил вопрос об избрании нового первосвященника, выбор которого, как считало калмыцкое духовенство, был прерогативой Далай-ламы VII [Курапов 2007: 169–170].

Кроме того, задачей посольства было укрепление религиозных кадров из представителей калмыцкого общества, прошедших обучение в тибетских школах. Для этого в состав посольства были включены 10 калмыцких мальчиков, которые должны были получить в Тибете религиозное образование [Курапов 2007: 170]. По всей видимости, на обратном пути посольство должно было привезти тех калмыцких священников, кто уже ранее был туда отправлен и прошел курс обучения.

Еще одним поводом для организации посольства в Тибет была необходимость поминовения умерших представителей духовной и светской знати Калмыцкого ханства. В этот период калмыцкое общество вышло из весьма длительного периода политических междоусобиц и военных катаклизмов, в ходе которых по разным причинам скончалась целая плеяда калмыцких нойонов и лам: Досанг, Лубжи, Шакур-лама, Чидан и другие.

В начале 1737 г. Дондук-Омбо обратился с просьбой к российскому правительству о разрешении отправить посольство к Далай-ламе VII. Правда, в официальном обращении наместник не указал истинную цель миссии, ограничившись мотивами исключительно религиозного характера. Правительство со своей стороны не могло отказать Дондук-Омбо, так как все еще продолжалась русско-турецкая война, в которой калмыцкая конница удачно провела первую военную кампанию 1736 г. и готовилась к новой.

3 марта 1737 г. было дано разрешение об отправке в Тибет калмыцкого посольства численностью 40 человек. Спустя какое-то время состав миссии был увеличен до 70 человек. При этом правительство предоставило калмыцким посланникам различные привилегии и льготы. Прежде всего, им дано было право беспошлинного провоза через границу неограниченного количества товаров и вещей. Как сообщал в Коллегию иностранных дел (далее — КИД) 23 января 1737 г. войсковой атаман Данила Ефремов, Дондук-Омбо на закупку товаров и вещей для провоза в Тибет потратил все 10 тыс. рублей, выданных ему за военную кампанию 1736 г. На всю дорогу до российско-китайской границы и обратно посланцам назначались казенные подводы и пропитание, а также особые провожатые, благодаря которым с калмыков снимались всякие дорожные хлопоты и заботы [Пальмов 1926: 241–242].

Непосредственное участие в обсуждении маршрута движения калмыцкого посольства в Тибет принял вице-канцлер А.И. Остерман. По этому вопросу он имел свое собственное мнение, которое изложил в разговоре с одним из посланцев Дондук-Омбо — Хабуджи. Остерман предлагал ехать в Тибет не через Китай, а через Хиву и Бухару. Он считал, что этот путь от калмыцкой степи был *«способнее и весьма ближе»* [цит. по Пальмов 1926: 242]. Однако на самом деле этот маршрут был более опасным, так как степь между Яиком и Хивой контролировались казаками и случаи ограбления торговых караванов были весьма частыми. Давно прошли те времена, когда волжские калмыки могли позволить себе ездить напрямую в Тибет через ойратские кочевья в Западной Сибири и Джунгарию.

Одним из условий предоставления вышеперечисленных привилегий стало требование Остермана о включении в состав посольства российского пристава, который должен был присоединился к нему в Селенгинске и быть с ним вплоть до прибытия к Далай-ламе [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 89. Л. 42–42об.]. Однако китайские власти запретили въезд в свою страну российским представителям.

В состав посольства правительство распорядилось включить и представителей умершего в 1736 г. в Петербурге Шакур-ламы — бывшего политического оппонента Дондук-Омбо. Они должны были отвезти в Тибет урну с прахом [Пальмов 1926: 242].

Заключительные переговоры по отправке калмыцкого посольства в Тибет вел в Петербурге посланец Дондук-Омбо — Генден. Этот вопрос был официально решен на аудиенции у императрицы Анны Иоанновны. В правительственной грамоте к хану от 17 июля 1737 г. прямо указывалось, что разрешение было дано его *«за верные службы»*. В своем письме к Дондук-Омбо вице-канцлер Остерман подчеркнул, что императрица и впредь готова содержать его *«в своей неотменной милости, якоже и ныне, по прошению вашему, с каким милостивым призрением посланцов ваших к Далай ламе отправить повелела»* [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 94. Л. 452–452об.].

Указ об организации калмыцкого посольства в Тибет был отправлен и региональным властям. Об этом были поставлены в известность астраханские вице-губернатор Соймонов и обер-комендант Юнгер, а царьцынский комендант Кольцов указом от 25 августа 1737 г. был назначен ответственным за снаряжение посольства [Пальмов 1926: 243].

24 ноября Дондук-Омбо прислал Кольцову главу своего посольства Джамбо-Джамцо с письмом, в котором просил как можно скорее отправить посольство в дорогу и предоставил реестр своих и других посланцев. В фондах Национального архива Республики Калмыкия удалось обнаружить перевод с данного реестра.

Состав и численность калмыцкого посольства:

Посланцы Дондук-Омбо — Джамбо-Джамцо и Абуджи с 23 сопровождающими лицами.

Представители владельца Четера и его сына — 3 человека.

Представитель владельца Бая — Абуши, а также посланцы для поминаения покойного владельца Лубжи — 4 человека.

Посланцы для поминаения покойного владельца Бокшурги и представитель его сына Нингбо — 4 человека.

Посланцы старшего ханского сына Галдан-Нормы — 5 человек.

Представитель владельца Бату — 1 человек.

Представители духовенства для поминаения хана и Гунджаба — 2 человека.

Посланцы для поминаения покойного Шакур-ламы — 4 человека.

Посланцы для поминаения эмчи Цорджи — 4 человека;

Представители эмчи Габун Шарапа — 3 человека;

Посланцы для поминаения Досанга — 2 человека;

Посланцы для поминаения рабджамба Цорджи Солом с товарищем — 2 человека;

Посланцы для поминаения Эки Ноюк Абгая — 2 человека;

Посланцы для обучения в школах Тибета — 10 мальчиков [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 1626–1627].

Всего — 70 человек.

Данный список интересен тем, что он хорошо иллюстрирует принцип, по которому формировался состав калмыцких посольств в Тибет. Каждый его член представлял интересы своего владельца или духовного лица и выполнял определенную функцию и задачу. Остановимся лишь на нескольких исторических персонажах, фигурировавших в списке.

Выбор главой посольства кандидатуры Джамбо-Джамцо был вполне очевиден. Именно он представлял интересы Дондук-Омбо на русско-калмыцких переговорах в 1735–1737 гг., заложившие основу ханской власти нового правителя. Так, Джамбо-Джамцо участвовал в переговорах Дондук-Омбо с полковником П.Ф. Кольцовым в 1737 г., в ходе которых обсуждались условия участия калмыцкой конницы в военной кампании на Северном Кавказе [Курапов 2007: 167].

Неслучайно наличие в реестре представителей покойного Шакур-ламы, который на протяжении около двадцати лет (с 1718 г.) являлся главным ламой калмыцкого народа, пользовался большим авторитетом и принимал самое активное участие в общественно-политической жизни ханства. Нужно отметить, что Шакур-лама получил образование в Лхасе, а в Калмыкии много лет проводил пророссийскую политику, твердо придерживаясь этой линии в самые сложные периоды калмыцкой истории. Дондук-Омбо считал Шакур-ламу одним из самых главных своих противников и, придя к власти, потребовал от правительства удалить религиозного иерарха из калмыцких улусов. В октябре 1735 г. по правительственному указу бывший хан Церен-Дондук и Шакур-лама были отправлены в Москву, а затем в Петербург. Не прожив и года, Шакур-лама умер в мае 1736 г. Погребальный обряд кремации тела производили с соблюдением многочисленных обязательных обрядов в трех верстах от столицы, рядом с Охтой. В 1737 г. на имя хана Дондук-Омбо пришел правительственный указ о включении в состав посольства несколько духовных лиц, оставшихся после смерти Шакур-ламы, чтобы они смогли с пеплом от его праха отправиться в Тибет [Митиров 2002: 221–223].

Упоминание в списке посольства представителей эмчи Габан-Шараба, автора известного исторического сочинения «Сказание о дербен-ойратах», завершено им как раз в 1737 г., также не удивительно. Он занимал видное место в калмыцком обществе, был знатоком основ тибетской медицины и личным лекарем хана Дондук-Омбо, долгое время поддерживавшим его серьезно пошатнувшееся здоровье. Габан-Шараб, как доверенное лицо хана и как умный, образованный и авторитетный человек, принимал активное участие в политической жизни калмыцкого общества, пользуясь исключительным доверием у Дондук-Омбо при решении и согласовании вопросов дипломатического характера [Митиров 2002: 205–206].

Как видим, для поминовения владельца Досанга, умершего еще в 1731 г., были отправлены два представителя. Старший сын покойного, Чидан, в том же году ходатайствовал перед правительством об отправке праха отца в Тибет, но из-за начавшейся междоусобицы, в ходе которой он погиб в 1734 г. от рук Галдан-Нормо, этот замысел так и не был осуществлен [Бакунин 1995: 88].

В «приставы» к калмыкам из астраханского гарнизона был назначен прапорщик Самарского полка Савелий Неронов с толмачом и солдатом. Они должны были сопровождать калмыцкое посольство до Тобольска по пути через Саратов, Симбирск и Казань. Неронов был обеспечен денежной дорожной казной в размере 934 руб. 42 коп., взятых из царицынских таможенных сборов за счет КИД, и инструкцией относительно того, какие меры принимать в дороге по отношению к калмыкам, чтобы они чувствовали себя довольными [Пальмов 1926: 244].

28 ноября калмыки выехали из Царицына на Дмитриевск (Камышин) на 73 подводках, подготовленных царицынским бургомистром Герасимом Рязановым. 29 ноября полковник Кольцов рапортовал в КИД, а также известил Дондук-Омбо об отправке посольства, а 12 декабря переслал к канцлеру А.И. Остерману личный подарок (нож) от Джамбо-Джамцо [Пальмов 1926: 244].

Однако в конечном итоге калмыцкое посольство, прибыв в 1739 г. на российско-китайскую границу в районе Селенгинска, так и не достигло своей цели, поскольку было задержано. Цинские власти отказались пропускать через свою территорию калмыков, поскольку в его составе находились 10 калмыцких мальчиков для обучения в тибетских школах, четверо русских представителей и отсутствие официальной грамоты от Сената. В ходе дальнейших российско-китайских переговоров в 1741 г. пекинское правительство окончательно ответило отказом на пропуск через свою территорию посольства, сославшись на мирный трактат 1728 г. между Россией и Китаем, в котором российским подданным официально запрещалось посещать Тибет. Тем самым китайская сторона официально стала считать калмыков российскими подданными: *«которые из тех калмыков наперед сего были пропускаемы, и то чинено для того, что оные тогда российскими подданными не назывались»* [цит. по Пальмов 1926: 246–247].

На самом деле отказ в пропуске калмыцкого посольства стал ответом на отклонение российским сенатом просьбы китайских властей о дозволении волжским калмыкам принять участие в военных операциях цинской армии против Джунгарского ханства [Беспрозованных 2008: 143; Пальмов 1926: 247]. Смерть Дондук-Омбо в 1741 г. освободило российское правительство от принятых обязательств и необходимости далее продолжать переговоры с цинской стороной о разрешении калмыкам въехать на территорию Китая.

В заключении отметим, что формирование калмыцкого посольства в Тибет в 1737 г. проходило в благоприятной политической обстановке, сложившейся на тот период в русско-калмыцких отношениях. Активное и успешное участие калмыков в русско-турецкой войне создало все условия для отправки в Тибет довольно многочисленного представительства, и Дондук-Омбо попытался воспользоваться этим, чтобы укрепить собственную власть в Калмыцком ханстве.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Беспрозванных Е.Л. Калмыцко-китайские отношения в XVIII веке. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 372 с.

Курапов А.А. Буддизм и власть в Калмыцком ханстве XVII–XVIII вв. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 248 с.

Митиров А.Г. Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.

Пальмов Н.Н. Этюды по истории волжских калмыков. Ч. I: XVII и XVIII века. Астрахань: Калм. обл. исполн. ком-т, 1926. 264 с.

ПАРТИЙНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В КАЛМЫКИИ В 20-30-е ГОДЫ XX ВЕКА*

*Сартикова Евгения Викторовна*¹

¹ доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается подготовка партийных и советских кадров в Калмыкии в 20–30-е годы XX века. Одной из важных форм подготовки партийных и советских работников было обучение их в советско-партийной школе и на различных курсах. В Калмыкии был использован и метод выдвижения рабочих и крестьян на ответственную работу. Это была объективная необходимость, обусловленная недостатком в кадрах. Большинство выдвиженцев, не имея достаточного опыта и специальной подготовки, испытывали значительные трудности и допускали немало ошибок в практической работе. Кроме того, большую помощь в подготовке кадров оказали рабочие факультеты, созданные сначала в Москве и Ленинграде, а затем и по всей стране. Подготовка партийных и советских работников осуществлялась и в высших учебных заведениях (коммунистических вузах), где для Калмыкии выделялась определенная квота. Партийные организации проводили целенаправленную политику по подготовке руководящих кадров, в результате была создана широкая сеть партийного просвещения, которая дала возможность в кратчайший срок подготовить кадры для партийных и советских органов Калмыкии.

Ключевые слова: Калмыкия, Калмыцкая областная партийная организация, руководящие кадры, партийно-советская школа, курсы, национальные кадры.

В условиях нынешней модернизации всей системы управления в России особенно актуальным становится изучение исторического опыта формирования новых кадров, накопленного партией и государством за годы Советской власти. Историческое обобщение достижений и трудностей в подготовке руководящих кадров в национальных регионах России позволит, критически осмыслив имеющийся опыт, использовать положительное из «хорошо забытого старого», которое будет способствовать

---

*Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ гос. регистрации АААА-А19-119011490038-5).

воспроизводству кадрового состава с учетом современных задач, стоящих перед нашим обществом.

В трудных условиях социалистических преобразований, протекавших в Калмыкии в 20–30-е годы XX века, партия придавала огромное значение преодолению культурной отсталости народа. В решениях X и XII съездов РКП(б) была намечена конкретная программа возрождения культуры и экономики отсталых национальных окраин, указаны пути ликвидации неравенства всех народов страны. Прежде всего, большое внимание было уделено подготовке кадров коренной национальности. В резолюции X съезда РКП(б) в 1921 г. говорилось, что *«уничтожить только национальный гнет в стране недостаточно. Задача заключается в том, чтобы помочь им догнать центральную часть России, развить сеть просветительных учреждений на родном языке для ускоренной подготовки местных квалифицированных кадров, советских и партийных работников во всех областях управления...»* [Коммунистическая партия... 1970: 252]. Поэтому одной из важнейших задач Калмыцкой партийной организации стала подготовка национальных кадров, в том числе руководящих работников партийных и советских органов Калмыкии. XI съезд РКП(б) указывал на необходимость *«поднять не только теоретический уровень членов партии, но и помочь им стать квалифицированными хозяйственными работниками»* [XI съезд РКП(б) 1961: 543].

Целью данной статьи является рассмотрение системы подготовки партийных и советских кадров в Калмыкии в 20–30-е гг. XX века. Постановка проблемы в такой формулировке нашла свое отражение в публикациях 1960–1970-х гг.: в брошюре Н.Х. Бадмаева «Партийное строительство в Калмыцкой автономной области (1921–1929 гг.)» [Бадмаев 1969] показаны основные формы подготовки партийных кадров Калмыцкой области; в статьях И.Э. Сангаевой [Сангаева 1969; Сангаева 1971] рассматривается повышение идейно-политического уровня коммунистов на начальном этапе партийного строительства; в статье Д.А. Грабового «Политико-массовая работа» [Грабовой 1969] сделана попытка показать массово-политическую работу Калмыцкой партийной организации за период 1957–1967 гг.; в статье Т.Н. Киевской исследуются некоторые вопросы марксистско-ленинского воспитания коммунистов в Калмыцкой областной партийной организации в восстановительный период (1921–1925 гг.) [Киевская 1975]. Становление сети партийного просвещения также получило освещение в крупном коллективном труде обобщающего характера — «Очерках истории Калмыцкой организации КПСС» [Очерки истории... 1980]. В советской историографии подготовка партийных и советских кадров освещается, в основном, с положи-

тельной стороны. Вместе с тем в Калмыкии в проведении этой работы имелись не только достижения, но и ошибки, трудности и нерешенные проблемы. Сегодня с позиций нового политического мышления необходимо дать объективное освещение формированию кадрового состава партийно-государственного аппарата в 20–30-е гг. XX века. Однако ценность этих исследований заключается в том, что авторы обобщили опыт подготовки партийных кадров на разных этапах партиестроительства в Калмыкии.

В современной литературе можно выделить монографию К.Н. Максимова [Максимов 2002], в которой отмечается заметная роль партийных организаций в формировании национальных кадров и интеллигенции на основе новой, социалистической идеологии; в политике коренизации, рассматривается как составная и неразрывная часть общей политики по национальному вопросу; работы Ю.О. Оглаева [Оглаев 2005], И.М. Корниловой [Корнилова 2007], а также статью Е.В. Сартиковой [Сартикова 2005], в которых анализируется подготовка национальных кадров для Калмыкии.

Основными источниками статьи послужили документы Национального архива Республики Калмыкия.

В первые годы существования Калмыцкой автономной области из-за малочисленности коммунистов-калмыков в партийной организации преобладали русские. Всех членов РКП(б) насчитывалось 447 человек, из которых 167 калмыков [Калмыцкая область... 1927: 17]. В течение 1925 г. национальный состав резко меняется в сторону увеличения количества калмыков. В составе руководящих партийных органов в области и в улусах калмыки составляли уже значительное большинство. Так, в составе бюро обкома из 7 членов 4 являлись калмыками, а в составе улусных комитетов калмыки составляли 66 % [Очерки истории... 1980: 83].

Недостаток подготовленных партийных работников служил камнем преткновения в успешной работе партии. Одной из важных форм подготовки партийных и советских работников было обучение их в советско-партийной школе и на различных курсах. Система партийного просвещения в стране была довольно сложной. До 1938 г. ее условно можно разделить на восемь ступеней: кружки политграмоты пониженного типа; кружки политграмоты нормального типа; кружки по истории партии для начинающих; кружки, изучающие историю партии по учебникам; кружки повышенного типа, изучающие историю партии по учебникам; кружки повышенного типа, изучающие историю партии по первоисточникам; кружки по изучению основ ленинизма; кружки по изучению отдельных произведений классиков марксизма-ленинизма; вечерние партшколы для коммунистов [Красовицкая 2014: 212-213].

Подготовка кадров партийного и советского аппарата в Калмыкии осуществлялась советско-партийной школой (совпартшколой) в г. Астрахани, которая открылась в 1921 г. В течение 1922–1929 гг. совпартшколу закончили более 400 человек, из них 30 % продолжили свое образование в других учебных заведениях, 24 % были направлены на партийную работу, 18 % — на советскую, 9 % — на политико-просветительную работу и т. д. [Кудайбергенова 1980: 73]. Посланцы из Калмыкии учились также в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). Окончив этот университет в 1921 г., прибыли на работу в родной край Б. Джиринжеев, Б. Болдырев, Л. Михайловский и другие [Лебедева 1978: 108].

Следующая таблица свидетельствует о подготовке партийных кадров в совпартшколе в 1920-е гг. [НАРК. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 226. Л. 80; Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 565. Л. 84; Д. 389. Л. 220; Д. 2542. Л. 4; Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 108. Л. 66; Д. 138. Л. 20]:

Таблица 1

**Количество «калмыцких» выпускников
Астраханской совпартшколы в 1920-е гг.**

Учебное заведение	1921–1922	1923–1924	1925–1926	1927–1928	1929–1930
Совпарт-школа	33	90	101	114	140

Совпартшкола сразу же приобрела особое значение, так как она готовила не только работников партийного и советского аппарата. В силу отсутствия в Калмыцкой области рабочего факультета (рабфака), через нее осуществлялась подготовка поступающих в высшую школу. Совпартшкола стала также культурно-педагогическим центром, вокруг которого концентрировалась работа по марксистско-ленинскому воспитанию коммунистов. С самого начала организации совпартшколы и различных краткосрочных курсов применялся строго классовый принцип их комплектования. Поскольку большинство слушателей не имели зачастую и начального образования, особенностью учебных планов было сочетание партийно-политической и общеобразовательной подготовки.

В Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НАРК) в фонде 43 хранится 2 описи по калмыцкой совпартшколе. Это отчет о составе учащихся с 1922/23 г. и личные дела. Основной состав представляли рабочие — 9 чел., крестьяне — 45 чел., служащие — 6 чел. [НАРК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1. Л. 1], командировавшиеся в основном в партийный ко-

митет, РКСМ, советские учреждения. Распределение окончивших калмыцкую совпартшколу проходило следующим образом [НАРК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1. Л. 2]:

Таблица 2.

**Распределение «калмыцких» выпускников
Астраханской совпартшколы в 1922/1923 г.**

Распределение окончивших совпартшколу						Из окончивших направлено на работу	
Состав	В парткомы	В жен. отделы	В РКСМ	В профсоюзы	В советские учреждения	В город	В деревню
рабочие	—	—	1	—	—	—	8
крестьяне	—	3	7	—	5	—	30
интеллигенция	—	—	—	—	—	—	—
служащие	—	—	2	—	—	—	4

Из таблицы видно, что окончивших калмыцкую совпартшколу рабочих, крестьян и служащих в основном отправляли на работу в деревню. Школа находилась в необорудованном помещении, а количество учеников увеличилось в 1924 г. только на 15 чел. [НАРК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1. Л. 3]. В фонде 43 в описи 2 по личным делам, в деле 121 хранится личная карточка преподавателя родного языка Лиджи Нормаевича Нармаева. С 1 сентября 1926 г. он работал в совпартшколе, преподавал родной язык, параллельно работал переводчиком газеты «Красная степь» [НАРК. Ф. 43. Оп. 2. Д. 121. Л. 1].

В 1928 г. через низовую сеть партийного просвещения в деревне было пропущено 488 чел., а в городе только — 29 (всего 517 чел. или 33,5 %) [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 245. Л. 39]. Количество охваченных партучебой было таково: 177 членов ВКП(б), 174 кандидата в члены партии, 134 члена союза молодежи, 32 беспартийных, 74 женщины [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 245. Л. 40]. Текущие вопросы партийной политики, такие как решения XV партийного съезда, а также вопросы местной политической жизни прорабатывались в школах в программном порядке.

В 1927/1928 учебном году в областной совпартшколе училось 136 чел., из них 10,2 % членов партии, 89,8 % комсомольцев, 15,5 % женщин [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 245. Л. 41].

В 1927/1928 учебном году совпартшкола была реорганизована. Вместо 2 ступеней предполагалась единая школа с 3-годовичным сроком обучения. В ноябре 1933 г. совпартшкола была реорганизована в сельскохозяйственную школу по подготовке партийных советских кадров. В августе 1936 г. данная школа была реорганизована в школу пропагандистов, она занималась подготовкой и переподготовкой партийных и советско-хозяйственных кадров [Бадмаев 1969: 45].

В 1936 г. сеть партийного просвещения (кружки и школы) работала с большими перебоями. Комплектование этих школ и кружков проводилось механически — в состав кружков зачисляли независимо от уровня подготовки. Слушатели к занятиям не готовились, успеваемость была низкая. Сеть заочного партийного обучения организована не была. Состав пропагандистов подобран не был. Так, вместо 16 штатных пропагандистов, полагающихся по смете, числилось только 5 человек. Из 8 заведующих партийными кабинетами (парткабинетами) работали 4 человека [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 249. Л. 49]. Парткабинеты только числились на бумаге, а работы в них практически никакой не велось. Не было помещений, не было литературы. Такое плохое состояние партийной пропаганды объяснялось слабым вниманием к этому вопросу со стороны руководителей улусных партийных организаций.

В течение января — февраля 1936 г. вся сеть партийного просвещения была пересмотрена. Заново проведено комплектование школ и кружков. В четырех улусах организовали пункты заочного партийного обучения. Для улусного партийного актива организовали кружки по изучению истории ВКП(б) повышенного типа. Для учебы областного партийного актива выделили три освобожденных дня в месяц и в эти дни занимались изучением важнейших вопросов партийной политики. Подобрали всех заведующих партийными кабинетами, 13 штатных пропагандистов, проверили состав пропагандистов в улусах, из них 75 чел. утвердили на бюро обкома.

Всего в 1936 г. по данному направлению на бюро Калмыцкого обкома было обсуждено 24 вопроса: отчеты зав. парткабинетами, пропагандистов кружков по истории партии о работе семинаров, о состоянии партпросвещения в Центральном улусе и многие другие. Проведены 2 республиканских совещания по вопросам партийной пропаганды. Кроме того, в улусах провели совещания по вопросам состояния партпросвещения. Инструкторы отдела партийной пропаганды и агитации проверили работу 13 кружков по истории ВКП(б) и 7 кандидатских школ.

Общая характеристика работы партийных школ и кружков за время с января по октябрь 1936 г. следующая: школы, как правило, занимались регулярно, без срывов и по принятой программе. Значительно улучшилась подготовка к занятиям как со стороны пропагандистов, так и со стороны слушателей. Большинство слушателей закончили изучение программы в кружках по истории ВКП(б). Перестали работать 12 кружков. Хуже дело обстояло в кандидатских школах, в которых учились неграмотные и малограмотные коммунисты, прошедшие месячные курсы по ликвидации неграмотности. В результате состав кандидатских школ оказался малограмотным, многие слушатели не умели читать, а если и читали, то с трудом. Успеваемость в этих школах была очень низкая.

По линии заочного партийного обучения работало 3 кружка по ленинизму, 5 кружков по истории ВКП(б), 1 кружок по политэкономии и курсы колхозного актива. Всей сетью заочного обучения было охвачено 313 чел., из которых выпущено — 217 чел., отсеб составил 66 чел. Кружок по политэкономии с составом в 30 чел. программу не закончил и был переведен на 1936/37 учебный год. В связи с окончанием учебного года по линии заочного партийного обучения и окончанием программы по многим кружкам и школам, а также в связи с выделением неграмотных и малограмотных коммунистов в общеобразовательные школы, была проведена большая работа по комплектованию новых школ и кружков. К концу 1936 г. сеть партийного просвещения в республике выглядела следующим образом [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 249. Л. 50]:

Таблица 3

Сеть партийного просвещения в Калмыкии к концу 1936 г.

Название улуса	Кружки по истории ВКП(б)				Кандидатские школы				Кружки по текущей политике				В общеобраз. школах			Заочное парт. обуч.	
	количество	членов ВКП(б)	кандидатов	соучастствующие	количество	членов ВКП(б)	кандидатов	соучастствующие	количество	членов ВКП(б)	кандидатов	соучастствующие	чл. ВКП	кандидатов	соучастствующие	членов ВКП(б)	кандидатов
Центральный	8	29	20	6	1	2	1	—	—	—	—	—	63	54	28	66	—
Приволжский	7	61	12	—	—	—	—	—	3	29	18	—	51	44	—	—	—
Долбанский	7	27	25	4	6	14	3	43	—	—	—	—	28	48	57	51	—
Сарпинский	7	52	6	—	16	54	30	—	—	—	—	—	60	85	76	—	—

Черноземельский	3	32	–	–	4	21	–	–	–	–	–	–	24	25	29	–	–
Западный	10	64	31	6	4	2	12	13	–	–	–	–	23	50	27	–	–
Лаганский	16	93	–	–	32	43	–	–	–	–	–	–	54	90	57	61	–
Элиста	8	67	27	2	–	–	–	–	1	23	1	–	35	19	11	55	6

Таким образом, из 2 191 членов и кандидатов в члены партии в сети партийного просвещения учились 1 027 человек и в общеобразовательных школах 753 человека, а всего — 1 780 человек. Сюда не вошли 48 человек, занимавшиеся на курсах партторгов, и 91 пропагандист. В итоге партийным просвещением было охвачено 88 % всей партторганизации. Не охвачены учебной оказались, главным образом, коммунисты, работавшие на «Черных землях».

По сравнению с началом 1936 г. в сети партийного просвещения произошло резкое сокращение учреждений. Так, кружков по истории ВКП(б) было 74, стало 64; кандидатских школ было 126, стало 53. Это сокращение объяснялось тем, что среди обучающихся оказалось много неграмотных и малограмотных коммунистов, которых перевели в общеобразовательные школы. Кандидатские школы прошли обучение по 3–4 темам по учебнику В. Карпинского и переключились на изучение материалов VIII съезда Советов. С неграмотными и малограмотными коммунистами проводились два — три раза в месяц беседы по вопросам текущей политики.

Качество занятий в школах и кружках улучшалось, так как подбирали лучший состав пропагандистов, которые постоянно готовились к занятиям. Работа с пропагандистами была поставлена следующим образом. Создано 9 пропагандистских семинаров (пропсеминары), на которых обучалось 112 человек. Пропагандистские семинары работали три раза в месяц. Основная их задача — это подготовить пропагандистов к очередному занятию. Занятия строились по следующей схеме: с утра каждый пропагандист самостоятельно читал рекомендуемую литературу, преимущественно работы Ленина и Сталина, а вечером проводилась конференция.

В связи с сокращением сети партийного просвещения количество пропагандистских семинаров тоже сократилось до 7 единиц с общим охватом 81 пропагандист. Пропсеминары ставили перед собой также задачу поднять общий теоретический уровень пропагандистов. Каждый пропсеминар имел программу занятий, которые проводились 2 раза в месяц.

Состав пропагандистов выглядел следующим образом [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 249. Л. 51]:

Таблица 4.

**Пропагандисты, обучающиеся в учреждениях
партийного просвещения Калмыцкой АССР в 1936 г.**

Наименование	Количество	Партстаж			Политпод-гот.			Выполняемая работа					Стаж проп. работы	
		до 1924 г.	1924–1930 гг.	с 1930 г.	коммун. вузы	совпартшкола	курсы	секр. УК	инструктор УК	штаг. проп.	зав. парткаб.	секр. парткома	свыше 3 лет	1–2 года
по истории ВКП(б)	60	10	17	33	13	17	24	3	5	5	3	18	13	47
канд. школы	52	6	13	33	1	18	23	–	1	7	–	19	12	40
заоч. обуч.	13	7	3	3	7	–	6	3	–	–	1	1	8	5
проп. семинар	7	3	3	1	5	–	2	2	–	1	4	–	5	22

Все пропагандисты утверждались на бюро улусных комитетов партии. В целях подготовки и переподготовки пропагандистов проводили шестимесячные курсы на 25 чел. с отрывом от производства, на базе совпартшколы создали годовичные курсы пропагандистов на 80 чел., из них 30 комсомольцев и 50 коммунистов [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 249. Л. 52]. Состав слушателей этих курсов утверждался на бюро Обкома партии. Кроме этого, 11 чел. прошли через двухмесячные и трехмесячные курсы инструкторов улусных комитетов партии и секретарей парткомов, проведенных в г. Элисте.

В работе парткабинетов произошли некоторые изменения: во всех улусах под парткабинеты были выделены помещения, имевшие 3–5 комнат, при них создавались библиотеки с количеством книг от 2 500–5 000 экз. Значительно улучшилось и содержание работы парткабинетов: регулярно проводились лекции для партийного актива, налаживалась помощь пропагандистам (подбор литературы, консультации), организовывалась помощь отстающим слушателям кружков и школ. Каждый кабинет ежедневно посещали 30–50 чел.

Для улучшения подготовки партийных и советских кадров Калмыцкий обком ВКП(б) в 1936 г. обращался в ЦК ВКП(б) с просьбой об оказании помощи в осуществлении следующих мероприятий:

– открыть в Калмыцкой республике в 1937 г. филиал отделения института массового заочного обучения (ИМЗО) партактива при ЦК ВКП(б). На этот момент в республике функционировали опорные пункты заочного обучения только в четырех улусах. С 1937 г. предполагалось развернуть заочное обучение во всех семи улусах и в г. Элисте. Необходимость этого мероприятия объяснялась следующими соображениями: во-первых, в условиях большой территориальной разбросанности форма заочного партийного обучения являлась наиболее подходящей и, во-вторых, Сталинградское отделение ИМЗО не имело возможности руководить заочным обучением в республике.

– построить в г. Элиста Дом партийного просвещения. В Элисте не было здания, где могли бы проводиться курсы по подготовке партийных кадров. На постройку Дома партийного просвещения обком запросил примерно 200–220 тыс. рублей. [НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 249. Л. 53].

Во время проверки партийных документов в 1935 г. было выявлено 93 азбучно-неграмотных коммуниста. За ликвидацию неграмотности и малограмотности среди коммунистов Калмыцкая парторганизация бралась несколько раз, но результаты каждый раз оказывались незначительными. Так, например, в 1935–1936 гг. были проведены в 6 улусах месячные и полуторамесячные курсы для 195 коммунистов с их освобождением от работы, но и эти курсы больших результатов не дали. В связи с выделением неграмотных и малограмотных коммунистов в особые школы, сеть партийного просвещения претерпела несколько реорганизаций.

После решения ЦК ВКП(б) о состоянии занятий в кружках истории партии в Днепропетровской парторганизации, в котором требовалось освободить неграмотных и малограмотных коммунистов от занятий в сети партийного просвещения и поставить перед ними основную задачу — ликвидировать неграмотность и малограмотность, в 1936 г. были созданы специальные общеобразовательные школы, охватившие неграмотных и малограмотных коммунистов, беспартийный актив. В качестве преподавателей работали учителя начальных школ, срок обучения определялся 7–8 месяцев с количеством занятий 3–4 раза в неделю [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 68]. В 1937 г. в таких школах обучалось 741 коммунист, 254 сочувствующих и 196 комсомольцев.

В результате реорганизации сеть партийного просвещения в 1937 г. выглядела следующим образом: 74 кружка по изучению истории партии, из них 6 кружков — повышенного типа, 126 кандидатских школ, 8 круж-

ков по изучению текущей политики. В системе заочного партобучения функционировали три группы по ленинизму, 7 групп по истории партии, 1 группа по политэкономии, 6 групп колхозного актива. Всего формами партобучения было охвачено — 2 049 чел. или 90 %. Количественный состав представлен в таблице [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 71]:

Таблица 5

**Количество обучающихся в учреждениях партийного просвещения
Калмыцкой АССР в 1937 г.**

Наименование улуса	Количественный состав							
	членов ВКП(б)	кандидатов	всего	сочувствующих	Охват учебой			
					членов ВКП(б)		кандидатов	
					кол-во	%	кол-во	%
Элиста	243	73	316	37	222	90	61	83
Центральный	143	103	246	54	131	91	99	96
Западный	129	116	245	110	94	70	107	93
Сарпинский	188	149	337	125	165	87	73	82
Приволжский	159	73	232	48	150	94	73	100
Долбанский	125	103	228	108	105	84	87	84
Лаганский	240	201	441	123	136	56	179	86
Черноземельский	68	40	108	51	62	91	37	92
Итого	1295	858	2149	656	1065	82,2	772	89,8

Другим слабым местом в подготовке партийных кадров являлась большая нехватка хорошо подготовленных пропагандистов, которые играли решающую роль в работе партийных школ и кружков. Решением бюро обкома партии в 1936 г. были открыты шестимесячные курсы пропагандистов на 25 чел., по окончании которых 2 человека отправили на работу штатными пропагандистами, 1 — инструктором, 11 — руководителями кружков истории партии, 5 — руководителями кандидатских школ [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 72].

В августе 1936 г. на базе Калмыцкой совпартшколы создали годовые курсы пропагандистов на 50 чел. из партийной сети и 30 — из комсомольской сети. Кроме этих форм подготовки пропагандистов часть из них прошла переподготовку на курсах, проводимых при обкоме. Каж-

дый пропагандист утверждался на бюро Обкома партии или улусного комитета партии. Состав пропагандистов представлен в нижеследующей таблице [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 73]:

Таблица 6.

**Количество обучающихся на курсах пропагандистов
Калмыцкой АССР в 1936 г.**

Виды школ и круж	Всего пропаг	Партстаж			Политподготовка				Стаж про-паган			Калмыков	Русских
		до 1920 г.	с 1920 по 1931 г.	с 1931 г.	коммунист. вуз	совпартшкола	курсы	не имеющие подготовки	меньше 1 года	от 1 до 3 лет	свыше 3 лет		
кандидатские школы	52	1	36	13	4	5	12	31	18	33	1		
кружки по истории партии	62	9	36	14	10	6	13	33	14	45	3		
кружки по истории ВКП(б) по первоисточникам	10	5	4	—	8	—	—	2	1	4	5		
Итого:	124	15	76	27	22	11	25	66	38	82	9	59	68

Эти данные показывают, что состав пропагандистов в своем большинстве был слабым, так как 53 % пропагандистов не имели никакой политической подготовки, а 30 % пропагандистов имели стаж пропагандистской работы меньше года.

Несмотря на разосланные всем улусным комитетам указания ЦК ВКП(б) о том, чтобы школы и кружки партийной сети работали 5 раз в месяц, занятия в них проводились только 3 раза (кроме г. Элисты). К тому же нередко пропагандисты кружков по изучению истории ВКП(б) самовольно вместо изучения истории партии занимались разными текущими вопросами.

Кроме того, многие кружки и школы работали с большими перебоями. Так, например, в Яшалтинском улусе кружок при парторганизации улусного исполкома и кружок при Яшалтинской первичной парторганизации даже не приступили к занятиям. В кружках Яшалтинского улуса было проведено всего по 1–6 занятий, а в совхозе № 106 три раза подряд занятия кружков срывались из-за того, что не являлся пропаган-

дист Варгин. В Приютненском улусе не работали кружки в совхозах № 4 и «Улан-Малч». В колхозе «Красная Звезда» за 2 месяца провели в кружках всего 3 занятия. Систематически срывались занятия кружка в 1-м Ульдючиновском сельском совете. Срывы занятий, прекращение работы отдельных кружков наблюдалось и в других улусах [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 91. Л. 82].

В результате этого кружки и школы сети партийного просвещения работали очень медленными темпами. За 1937 и 1938 гг. учебу окончили всего 34 чел. в кружках по истории ВКП(б), 52 чел. в школах политграмоты, 106 чел. — заочные формы учебы [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 91. Л. 83].

С 1938 г. на заседаниях бюро обкома партии заслушивались отчеты улусных комитетов партии о работе сети партучебы в улусах. В решениях бюро Обкома партии отмечалось низкое качество работы в кружках. Многие коммунисты не готовились к занятиям, а первичные парторганизации не принимали мер к повышению ответственности у них за свою учебу. Нередко на одно занятие школы и кружка проходили одни слушатели, на другое — другие. Пропагандисты не соблюдали индивидуального подхода к слушателям, формализм и халатность были характерными чертами работы многих пропагандистов. Все это вело к слабому усвоению изучаемого материала в школах и кружках [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 91. Л. 87]. В кружках и школах было записано 70 % всего состава коммунистов, 169 беспартийных, 340 комсомольцев. Они работали очень медленными темпами. В 1938 г. закончили учебу всего 34 чел. из 2 000 [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 342. Л. 10].

Большое значение в поднятии теоретического уровня коммунистов сыграл выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» и решение ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды». Была поставлена задача изменить структуру партаппарата всех уровней, изжить бесконтрольность системы партийного просвещения: *«Обилие кружков... привело к тому, что партийные организации выпустили из своих рук руководство пропагандой. Кружки превратились в автономные и бесконтрольные организации»* [Красовицкая 2014: 213–214].

Калмыцкая областная партийная организация провела работу по перестройке партийной пропаганды. Был создан мощный аппарат партийной пропаганды и агитации. При обкоме ВКП(б) организовали областной семинар пропагандистов, который регулярно посещали все зав. отделами агитации и пропаганды улускомов, зав. парткабинетами, штатные и внештатные пропагандисты (всего 65 чел.) [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 342. Л. 11]. Была значительно сокращена сеть кружков. После перестройки партийной пропаганды в республике осталось 73 кружка, которые были

организованы в соответствии с требованием ЦК ВКП(б). Однако имели место случаи, когда эти требования полностью не соблюдались: например, в Западном улусе в кружок были записаны неграмотные коммунисты, в Черноземельском улусе в один кружок было записано до 50 чел. Такие же факты имелись и в других улусах.

Наряду с кружками по изучению истории партии, в отдельных улусах работали кружки по изучению устава партии и решений XVIII съезда ВКП(б). Такие кружки работали в Кетченеровском и других улусах. Для малограмотных и неграмотных коммунистов были организованы общеобразовательные школы, которые функционировали в каждом улусе и г. Элисте. При ряде улускомов работали общеобразовательные школы для партактива.

В 1940 г. обком ВКП(б) заслушал отчеты Черноземельского и Приютненского улускомов партии об учебе неграмотных и малограмотных коммунистов. Не раз вопрос об общеобразовательной учебе обсуждался на совещании секретарей улускомов. В решениях бюро обкома партии отмечалась неудовлетворительная работа партучебы. Многие коммунисты начинали учебу, но затем бросали ее. Секретари первичных парторганизаций, улускомы ВКП(б) и их отделы пропаганды и агитации слабо занимались проверкой, а отдел пропаганды и агитации обкома ВКП(б) не оказывал своевременно необходимой помощи, поэтому немало коммунистов, в том числе из актива, которые взялись самостоятельно изучать «Краткий курс», ограничились его беглым чтением или изучением первых глав.

В Калмыкии в первые годы советского строительства был активно использован метод выдвижения рабочих и крестьян на ответственную работу. Это была объективная необходимость, обусловленная недостатком в кадрах, и той ролью, которую были призваны сыграть рабочие и крестьяне [Кудайбергенова 1980: 72].

В 1927 г. открылись 4-месячные курсы улусных партработников. Первый выпуск этих курсов составил 39 чел., из них 95 % были «коренной национальности». За период с 1924 по 1928 год краткосрочные курсы прошли 129 председателей сельских советов и руководителей секций [Материалы к отчету... 1934: 10].

Кроме курсовой подготовки часть выдвиженцев направлялась в различные вузы страны. В 1923 г. обкомом РКП(б) были командированы 10 человек (из них 9 членов партии и один кандидат в члены РКП (б) в разные города страны для получения высшего образования: 1 чел. — в МГУ, 2 — в Москву, 1 — в университет им. Свердлова, 1 — в Ленинградский сельскохозяйственный институт, 1 — на рабфак института путей сообщения и 3 человека — в Астраханский мединститут [НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 52а. Л. 20]. Большинство выдвиженцев, не имея до-

статочного опыта и специальной подготовки, испытывали значительные трудности и допускали немало ошибок в практической работе. Эти трудности им приходилось преодолевать путем получения среднего и высшего образования без отрыва от производства.

Большую помощь в подготовке трудящихся Калмыкии оказали рабочие факультеты, созданные сначала в Москве и Ленинграде, а затем и по всей стране. XIII съезд коммунистической партии (май 1924 г.) в резолюции «Об агитационной работе» указал на необходимость усилить работу по подготовке национальных кадров из рабочих и крестьян, как партийных, так и советских, для чего требовалось шире вовлекать их в коммунистические вузы (комвузы), вузы, совпартшколы и на рабфаки [Коммунистическая партия... 1970: 107]. В них и вузах разных городов в 1925/1926 учебном году обучалось до 100 человек. Коренной перелом намечился в 1930/1931 учебном году, когда во внеобластные учебные заведения было принято 686 чел., из них 130 — в вузы, 66 — в комвузы, 173 — в техникумы, 257 — на рабфаки [НАРК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 101. Л. 130]. Так, уже в мае 1927 г. в высших и средних специальных заведениях г. Саратова обучались 62 студента из Калмыкии (55 калмыков и 7 русских). Среди них было 6 членов ВКП(б), 2 кандидата в члены ВКП(б) и 54 члена ВЛКСМ. По социальному составу — 9 рабочих, 1 батрак, 52 крестьянина. 37 студентов учились в институтах и техникумах, 30 — на рабфаках [НАРК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 101. Л. 128, 429]. Все это позволило обучить за пределами области в вузах 307 чел. [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1496. Л. 63]. Принятая система рабфаков не теряла своей актуальности и позже, она продолжала выступать как фактор подготовки национальных кадров.

В 1929 г. в вузы, рабфаки и другие учебные заведения по линии областного отдела образования Калмыкии было направлено 120 чел. Их социальный состав был таков: 23 батрака, 62 бедняка, 2 середняка, 11 рабочих, 7 служащих. По национальному составу: 84 калмыка, 20 русских, 16 других национальностей [Оглаев 2005: 24].

Параллельно с калмыцким отделением Саратовского государственного университета им. Н. Чернышевского в Саратовском педагогическом институте им. А. Луначарского велась подготовка партийных кадров. Сначала это было отделение пединститута, которое затем развернули в самостоятельный Саратовский коммунистический университет им. В.И. Ленина. Этот коммунистический вуз выделял ежегодную и довольно значительную квоту для поступающих из Калмыкии [НАРК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 209. Л. 46]. Это была интеллигенция, которую готовили для работы, главным образом, в партийных и советских органах Калмыкии. В частности, на 1932/1933 учебный год Калмыкии было вы-

делено сразу 45 мест. В связи с малограмотностью и отсутствием общественно-политического стажа работы, предлагалось отобрать кандидатов, отвечающих требованиям условий приема, а именно:

а) рабочих, батраков, членов и кандидатов ВКП(б) с двухгодичным производственным стажем и одногодичным стажем общественно-политической работы;

б) крестьян — членов ВКП(б) с 3-летним производственным стажем и 2-летним стажем общественно-политической работы;

в) служащих — членов ВКП(б) с 2-летним партийным стажем и 3-летним стажем общественно-политической работы [НАРК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 209. Л. 54].

Объем подготовки должен был быть не ниже совпартшколы или, в крайнем случае, вполне грамотный в объеме сельской школы, а также политически хорошо разбиравшиеся в вопросах политики [НАРК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 209. Л. 55]. Возраст поступавших определялся в 22–34 года, срок обучения устанавливался в 4 года.

Несмотря на это, в годы первой пятилетки, основную массу специалистов с высшим образованием Калмыкия получала из других вузов страны. Небольшие группы, а то и единицы, прибывающие из многих вузов, они в совокупности значительно превосходили общую численность выпускников калмыцкого отделения Саратовского государственного университета, Ставропольского педагогического института и Саратовского коммунистического вуза им. В.И. Ленина [НАРК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 240. Л. 85].

В целом в годы первой пятилетки кадры высшей квалификации все еще оставались малочисленными. Так, в 1931 г. уровень грамотности среди калмыков в области составлял лишь 29,5 %, а общая грамотность населения Калмыкии — 38 %. В Калмыцкой области в это время работали 1 совпартшкола (202 учащихся), 3 профтехшколы (265 учащихся), которые и поставляли абитуриентов высшей школе [Пюрвеев 1931: 16].

В подготовке квалифицированных кадров, в том числе и вузовских, постоянную помощь Калмыкии оказывали в эти годы и центральные органы власти, как правило, через органы власти Сталинградского края, а иногда и вовсе напрямую. В постановлении от 25 августа 1935 г., принятом по докладу председателя облисполкома Калмыцкой автономной области В.А. Хомутникова, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в области культурного строительства предложил Сталинградскому крайисполкому *«оказать Калмыцкой республике всемерную помощь в деле переподготовки, подготовки и выдвижения кадров в политической и хозяйственной работе из коренных национальностей»* [Оглаев 2005: 46].

Привлечение лучших представителей местного населения в учебные заведения страны сыграло важную роль в решении проблемы кадров. Первые шаги по пути ликвидации неграмотности, организация различных курсов и рабочих факультетов дало возможность в кратчайший срок подготовить кадры в первое десятилетие Советской власти для советских и партийных органов в Калмыкии. Но, тем не менее, острый недостаток кадров коренной национальности чувствовался в областном аппарате управления. Это видно из приводимой таблицы [Максимов 2002: 286] (на 1925 г.).

Таблица 7

**Количество сотрудников аппарата управления
Калмыцкой областью в 1925 г.**

Наименование учреждения	Количество служащих	
	калмыков	русских и др.
ЦИК Калмыцкой автономной области	3	23
Президиум областного совета профсоюзов	4	3
Прокуратура	3	25
Областной союз потребительских обществ	17	62
Областной суд	14	43
Областной отдел народного образования	2	6
Облплан	6	9
Облфинотдел	7	74
Отдел труда	3	2
Областной отдел социального обеспечения	1	3
Областное земельное управление	10	70
Областное статистическое бюро	–	11
Облотдел РКИ	3	10
Административный отдел	13	28
Облвоенкомат	1	20
Итого:	87 (18,3 %)	349 (81,7 %)

Все эти изменения происходили за счет сокращения общей численности работников государственных областных учреждений, количественный же рост за 3 года был незначителен — всего 8 человек. Одновременно началась переподготовка работников низовых советских органов

по 300-часовой программе, которая большей частью была рассчитана на получение политического образования. Более заметные успехи коренизации были в низовых советских органах. Об этом свидетельствуют данные о составе избранных председателей сельских Советов за 1928–1931 гг. [Максимов 2002: 126]:

Таблица 8

**Процент председателей сельсоветов Калмыцкой области
в 1928–1931 гг. по различным категориям**

	1928 г. (в %)	1931 г. (в %)
Рабочие	12,4	14,3
Колхозники	–	74,6
Члены ВКП(б) и члены ВЛКСМ	61,8	83,8
Бедняки	49,2	70,4
Средняки	–	4,1
Учителя и служащие	19,5	11,2
Калмыки	83,5	80,6
Русские	14,5	15,3
Женщины	–	5,1

Из этой таблицы виден качественный рост председателей, являвшихся членами партии и выходцами из бедняков. Также видно преобладание работников калмыцкой национальности.

На улусные съезды советов, состоявшиеся с 10 по 18 февраля 1936 г., прибыло 657 делегатов (96 %). В числе улусных делегатов высшее образование имели всего 14 человек (2,1 %), среднее — 81 (12,3 %), низшее — 454 (69,1 %), неграмотные составляли 108 человек (16,4 %) [Максимов 2002: 328].

20 февраля 1936 г. начал свою работу I республиканский съезд Советов. В работе съезда Советов участвовали 194 делегата, с высшим образованием — 15 (7,7 %), со средним — 27 (13,9 %), с низшим — 141 (72,6 %), неграмотные — 11 (5,6 %). К этому времени заметно изменился образовательный уровень членов ЦИК Калмыцкой АССР: 15 членов (14,9 %) имели высшее образование, 16 (15,8 %) — среднее, 67 (66,3 %) — низшее, число неграмотных уменьшилось до 3 человек (3 %).

Как отмечает К.Н. Максимов, несмотря на огромные успехи в культуре и образовании национальных районов, все же образовательный уровень населения республики этому не соответствовал. В составе делегатов чрезвычайного съезда советов еще высок был уровень малограмотных (67,1 %) и неграмотных (6,3 %), с высшим образованием было

всего 17 человек (8,1 %), со средним — 38 (18,3 %) [Максимов 2002: 333].

В 1938 г. проходили выборы в Верховный Совет республики. Среди избранных депутатов был 41 калмык (63 %) и 22 русских (33,8 %). Несколько поднялся образовательный уровень депутатов представительного и законодательного органа республики: высшее образование имели 6 человек (9,7 %), среднее — 11 (16,9 %). Основная масса депутатов была все же недостаточно грамотна: низшее образование имели 48 человек (73,8 %) [Максимов 2002: 347].

В декабре 1939 г. в местные советы Калмыцкой АССР были избраны сроком на два года 2 168 депутатов. Образовательный уровень депутатов местных советов республики по-прежнему был очень низок, хотя по этому показателю они не отличались от местных советов других регионов. 82 % депутатов имели низшее образование, в сельских советах — 92,1 %, в поселковых — 75,6 %, в улусных — 71,1 % [Максимов 2002: 350].

2 ноября 1935 г. постановлением сессии ЦИК Калмыцкой АССР председателем правительства республики был назначен А.П. Пюрбеев, заместителем председателя — А.Н. Быркин. В состав Совнаркома Калмыцкой АССР вошли: нарком земледелия С.У. Убушиев, нарком просвещения Б.Л. Лиджиев, нарком здравоохранения У.Д. Душан, нарком юстиции и прокурор республики П.Я. Хонхошев, нарком социального обеспечения И.И. Шараров, нарком финансов Б.М. Лялин, нарком местной промышленности Э.-А.К. Кекеев, начальник управления внутренних дел П.И. Тимофеев и уполномоченный Наркомата заготовок СССР при Калмыцкой АССР Т.Л. Москалев [НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1834. Л. 63]. Таким образом, у «руля» были в основном представители коренной национальности. Безусловно, это говорило о выдвижении ее на ведущие позиции и привлечении населения к развитию республики.

Задача выдвижения кадров являлась одной из важнейшей задачей в работе партийной организации. В отчете о работе Калмыцкого обкома ВКП(б) с июня 1937 г. по июнь 1938 г. XV областной партийной конференции отмечалось, что *«нужно решительно преодолеть силу традиции подбора кадров «своих», по семейно-обывательскому принципу»*. Конференция поручила обкому партии и всем парторганизациям вести решительную борьбу с фактом подбора и выдвижения работников по семейно-обывательскому признаку, предлагала руководствоваться в этом вопросе большевистским подходом к правильному подбору работников и расстановке их на работе. Конференция также поручила обкому обеспечить выдвижение на руководящую улусную и республиканскую работу молодых, проверенных национальных кадров. На партийную работу с июня 1937

г. по июнь 1938 г. было выдвинуто немало работников. Данные о выдвинутых на руководящую партработу в обком ВКП(б) и улускомы ВКП(б) представлены в следующей таблице [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 6. Л. 48].

Таблица 9

Количество сотрудников, выдвинутых на руководящую работу в обкоме и улускомах Калмыцкой АССР в 1937–1938 гг.

Наименование должностей:	Число выдвинутых:
Зав. отделами обкома	2
Инструкторы	2
Секретари улускомов	28
Инструкторы улусокомов	11
Зам. директоров МТС по политчасти	8
Итого:	51

Как видно из таблицы, на руководящую партработу было выдвинуто 51 чел. В числе выдвинутых оказались 13 бывших парторгов и секретарей парткомов, 10 чел., пришедших низовой советской работы, 1 председатель колхоза, 2 управляющих фермами, 2 пропагандиста, 2 бывших комсомольских работника, 1 преподаватель. Вот, например, некоторые данные, характеризующие выдвинутых:

Дорджиев М.Б., 1907 г. рождения, член партии с 1932 г., рабочий, имел 5-летний производственный стаж. Он был выдвинут секретарем Лаганского улускома ВКП(б). С 1934 г. работал в таких должностях, как председатель ФЗМК, цехмастер комбината, секретарь комитета ВЛКСМ первичной организации, заведующий улусной типографии. В характеристике подчеркивалось, что М.Б. Дорджиев за время своей работы в улускоме ВКП(б) зарекомендовал себя как способный работник и имел авторитет в парторганизации улуса.

Корнеев С.Э., 1907 г. рождения, член ВКП(б) с 1932 г. По происхождению из крестьян-бедняков. Был батраком 4 года. Выдвинут секретарем Западного улускома ВКП(б). С 1931 г. работал председателем колхоза. Окончил совпартшколу. В момент выдвижения работал несколько месяцев редактором улусной газеты. В характеристике подчеркивалось, что Корнеев с работой секретаря улускома ВКП(б) справляется, имеет авторитет в организации. Эти приведенные данные на выдвинутых партработников были типичными, поэтому характеризовали большинство выдвинутых.

О состоянии работы по выдвижению в 1938 г. свидетельствует следующая таблица [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 6. Л. 51]:

Таблица 10.

**Количество сотрудников, выдвинутых на руководящую работу
в Калмыцкой АССР в 1938 г.**

№	Наименование должности	Число выдвинутых	Из них:			
			коммунистов	комсомольцев	беспартийных	женщин
На республиканскую работу						
1	Нарком	8	8	–	–	–
2	Зам. наркома	2	1	1	–	–
3	Руководитель республ. учреждений	19	17	2	–	–
	Итого:	29	26	3	–	–
Руководящие улусные работники						
1	Председатель УИКа	12	12	–	–	–
2	Зам. председателя УИКа	6	2	3	1	–
3	Зав. отделом УИКа	44	23	17	4	3
	Итого:	62	37	20	5	3
Хозяйственные работники						
1	Директор совхоза	4	4	–	–	–
2	Зам. директора совхоза	5	5	–	–	–
3	Директор МТС	15	14	1	–	–
4	Зам. директора МТС	13	7	5	–	–
	Итого:	37	30	6	1	–
Работники суда и прокуратуры						
1	Улусные	5	1	3	1	–
	Итого:	5	1	3	1	–
	Всего:	133	94	32	7	3

На руководящую республиканскую ответственную работу было выдвинуто 17 чел. из состава улусных работников, 5 — из среднего звена республиканской работы, 2 — из председателей колхозов, 2 — из врачей, 2 — из преподавателей школы, 2 — из специалистов.

На руководящую улусную работу было выдвинуто 18 чел. из партргов и секретарей партргов, 22 — из председателей и зам. председателей колхозов, 10 — из председателей сельсоветов, 6 — из управляющих ферм совхозов, 2 — из бригадиров колхозов, 8 — из рядовых колхозни-

ков и рабочих, работающих на производстве совхозов [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 6. Л. 52]. В руководство партийной, советской, хозяйственной работы как в республиканском, так и улусном масштабе пришли новые силы. В годы третьей пятилетки также проводилась работа по выдвижению передовиков производства на руководящую работу. *«В 1939 г. было выдвинуто 1 680 человек»* [Очерки истории 1980: 209].

В 1940 г. на руководящей государственной работе в республике находилось 567 калмыков. Особенно характерно отметить, что в числе членов правительства наркомов и председателей улусных исполкомов 80 % было калмыков [Архипов 1940: 79].

Таким образом, партийные организации Калмыкии проводили целенаправленную политику по подготовке руководящих кадров, в результате была создана широкая сеть партийного просвещения, которая дала возможность в кратчайший срок подготовить кадры для партийных и советских органов Калмыкии. В 1920–1930-е годы шло активное привлечение на руководящие должности и увеличение числа политических служащих, их воспитание в духе так называемого социализма.

Одной из важных форм подготовки партийных и советских работников было обучение их в советско-партийной школе и на различных курсах. В Калмыкии был использован и метод выдвижения рабочих и крестьян на ответственную работу. Это была необходимость, обусловленная недостатком в кадрах. Кроме того, большую помощь в подготовке кадров оказали рабочие факультеты, созданные сначала в Москве и Ленинграде, а затем и по всей стране. Подготовка партийных и советских работников осуществлялась и в высших учебных заведениях (коммунистических вузах), где для Калмыкии выделялась определенная квота.

Вместе с тем в Калмыкии в проведении этой работы имелись не только достижения, но и ошибки, трудности и нерешенные проблемы. Формирование партийных кадров тормозилось малочисленностью коммунистов и их низким общеобразовательным уровнем. Выдвижение проходило в виде кампаний, не было организованного отбора на учебу в вузы и техникумы, слабо выдвигались на руководящую работу женщины. Большинство выдвиженцев, не имея достаточного опыта и специальной подготовки, испытывали значительные трудности и допускали немало ошибок в практической работе. Подготовка партийных и советских кадров затруднялась кочевым бытом народа, отсутствием определенных пунктов оседлости, полным бездорожьем. Однако, несмотря на эти сложности, в Калмыкии в 1920–1930-е гг. сложилась сеть партийного просвещения, структура которой с каждым годом расширялась. Под руководством ЦК ВКП(б) Калмыцкая партийная организация проводила

огромную работу по подготовке новых кадров в органы государственной власти и управления.

Источники

XI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1961. XXII+873 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). 8-е изд., испр. и доп. Т. 2: 1917–1924. М.: Политиздат, 1970. 543 с.

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК)

Литература

Архипов А.И. Рост кадров в Советской Калмыкии // 20 лет автономии Советской Калмыкии. Элиста, 1940. С. 78–82.

Бадмаев Н.Х. Партийное строительство в Калмыцкой автономной области (1921–1929 гг.). Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. 51 с.

Грабовой Д.А. Политико-массовая работа // Вестник КНИИЯЛИ. № 4 (Серия историко-партийная). 1969. С. 72–93.

Калмыцкая область за 10 лет Октябрьской революции. Астрахань, 1927. 125 с.

Киевская Т.Н. Некоторые вопросы марксистско-ленинского воспитания коммунистов в Калмыцкой областной партийной организации в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Ученые записки. № 12. Серия историческая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1975. С. 112–125.

Красовицкая Т.Ю. База, структура и технологии нового курса: 1929–1930 гг. // История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов; науч. ред. Н. В. Елисеева. М.: РОССПЭН, 2014. С. 212–213.

Кудайбергенова Н.И. Основные пути и особенности процесса формирования социалистической интеллигенции в Калмыкии // Проблемы социалистического строительства в Калмыкии. Элиста: Калм. ун-т, 1980. С. 73–78.

Лебедева Л.Д. Интернационализм и кадровая политика КПСС // Калмыцкая АССР в условиях развитого социализма. Элиста: б/и, 1978. С. 108–109.

Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 524 с.

Материалы к отчету Калмыцкого областного исполнительного комитета к 15-летию автономной области Советской Калмыкии. 1920–1935 гг. Элиста: Калмгосиздат, 1935. 112 с.

Оглаев Ю.О. Первые шаги высшего образования в Калмыкии (1920–1943 гг.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2005. 179 с.

Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 451 с.

Пюреев Д. Состояние и задачи народного образования в Калмыкии // Просвещение национальностей. 1931. № 6. С. 16–18.

Сангаева И.Э. Начальный этап партийного строительства в Калмыкии (1918–1920 гг.) // Вестник КНИИЯЛИ. № 4 (Серия историко-партийная). 1969. С. 5–21.

Сангаева И.Э. Образование областной партийной организации (1918–1921 гг.) // Вестник КНИИЯЛИ. № 5 (Серия историко-партийная). Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. С. 25–53.

Сартикова Е.В. Реформа школы в Калмыкии после восстановления национальной автономии (1958–1964 гг.) // Калмыкия — субъект Российской Федерации: история и современность. Мат-лы рос. науч. конф. 6–7 окт. 2005 г. Элиста: КалмГУ, 2005. С. 389–396.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920–1930-х гг.*

Кринко Е.Ф.¹

¹доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: krinkoef@gmail.com

Аннотация: Завершение Гражданской войны поставило перед советским руководством вопросы об административном обустройстве народов Северного Кавказа. Выбор различных вариантов национально-государственных и административно-территориальных преобразований зависел от различных факторов. Статья посвящена двум первым советским десятилетиям, ставших периодом активных поисков новых государственных и административных форм обустройства населявших его народов.

Ключевые слова: национально-государственное строительство, административно-территориальные преобразования, Адыгейская АО, Горская АССР, Дагестанская АССР, Кабардино-Балкарская АССР, Карачаево-Черкесская АО, Осетинская АССР, Чечено-Ингушская АССР, Северо-Кавказский край.

История национально-государственных и административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг. принадлежит к числу широко разрабатывавшихся еще в советской историографии проблем. Она нашла свое отражение как в обобщающих [Коркмасова 1970; История 1979 и др.], так и в специальных исследованиях [Мулукаев 1958; Автономия народов 1973; Кониев 1973; Ансоков 1974, Эбзеева 1976; Абулова 1984 и др.]. Однако советскими историками в духе господствовавших в тот период развития науки представлений нередко апологетизировалась роль большевистской партии в решении национального вопроса на Северном Кавказе, умалчивались конфликты между различными автономиями и другие противоречия в реализации советской национальной политики. С новых позиций рассматривают данную про-

---

*Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

блему современные российские [Бугай, Мекулов 1994; Северный Кавказ 1994; Хлынина 1997; Шнайдер 2007; Даудов, Месхидзе 2009; Хлынина, Кринко, Урушадзе 2012; Карпов 2017 и др.] и зарубежные [Кадио 2010; Мартин 2011 и др.] исследователи Тем не менее, в ее изучении все еще остается немало дискуссионных вопросов, поиск ответов на которые тесно связаны с введением в научный оборот новых документов [ЦК РКП(б) 2005; Вайнахи 2011] и появлением новых подходов [см. подробнее: Хлынина 2003 и др.]. Актуализируют обращение к историческому опыту 1920–1930-х гг. и современные поиски более эффективных способов и механизмов управления регионом, порождающие новые проекты административных преобразований, а также новый виток территориальных споров на Северном Кавказе.

Первыми формами реализации национального самоопределения народов Северного Кавказа после Гражданской войны стали национальные автономии. 13 ноября Чрезвычайный съезд народов Дагестана провозгласил декларацию о советской автономии Дагестана, а 20 ноября на съезде народов Терской области была провозглашена Горская Автономная Социалистическая Советская Республика (далее — АССР). 20 января 1921 г. ВЦИК утвердил создание Горской АССР и Дагестанской АССР. Отличительной особенностью первых северокавказских автономий являлось то, что они создавались не по этническому, а по административно-территориальному принципу, имели многонациональный состав населения. Дагестанская АССР включала Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумукский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский, Самурский и Темирханшуринский округа бывшей Дагестанской области, а также Хасавртровский округ Терской области, населенный преимущественно кумыками, аварцами и чеченцами-ауховцами. Горская АССР включала шесть административных округов, выделенных по национальному принципу: Чеченский, Назрановский, Владикавказский, Кабардинский, Балкарский и Карачаевский. Города Владикавказ (центр автономии) и Грозный с нефтяными промыслами выделялись в самостоятельные административные единицы. Большая часть земель терских казаков была разделена между Ингушским, Чеченским, Кабардинским и Осетинским округами. Остальные (Карабулакская, Троицкая, Ассинская, Нестеровская, Самашкинская, Вознесенская, Терская, Петропавловская, Горячеводская и Ильинская станицы) составили Сунженский (казачий) округ. В марте 1921 г. из Владикавказского округа выделился Дигорский округ, но уже в апреле следующего года он был упразднен.

На оставшейся части Терской области была создана Терская губерния с центром в городе Георгиевске. Оценивая первый этап административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе после Гражданской войны, А. Цуциев отмечает: *«Во внутренней композиции Горской республики отчетливо сохранены границы округов бывшей*

Кринко Е.Ф. Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг.

Терской области». В качестве единственной существенной новации он указывает на то, что были «упразднены Кубанское и Терское казачьи войска, а их области теряют свое специфическое военно-сословное административно-территориальное лицо» [Цуциев 2006: 62, 65].

Однако судьба Горской АССР оказалась недолговечной. Практически сразу после создания горской автономии начался ее распад. Первой выделилась Кабарда в связи с территориальными претензиями к ней со стороны руководства Горской АССР и других округов. Современные кабардинские историки считают, что «участие кабардинцев в коллективной форме государственности обернулось для них национальной катастрофой», с чем не могли не считаться руководители округа [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 50]. Уже 1 сентября 1921 г. по решению ВЦИК, не принявшего во внимание негативную позицию руководства Горской АССР по данному вопросу, была создана Кабардинская АО. 16 января 1922 г. она объединилась с Балкарским округом в Кабардино-Балкарскую АО с центром в Нальчике.

При этом границы новой автономии вследствие обострившихся территориальных противоречий не удалось установить даже специальной комиссии ВЦИК [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 418. Л. 11]. Для урегулирования приграничного кабардино-карачаевского конфликта по поводу горных пастбищ потребовалось вмешательство вооруженных сил. По итогам объединенного совещания командующего Северо-Кавказским военным округом К.Е. Ворошилова с представителями Кабарды и Карачая была утверждена временная разграничительная линия между ними, от Эльбруса на север по плато Бийчесын, реке Березовской, точке слияния рек Мушта и Хасаута к восточному притоку реки Кич-Малки. Но пограничные споры продолжались и в следующие годы [Джазаева 2011: 33–41].

В результате выделения Кабарды, а затем и Балкарии Карачаевский округ оказался отрезан от остальной части Горской АССР. Поэтому его руководство подняло вопрос о более удобном варианте административно-территориального обустройства, каковым было признано объединение карачаевцев с черкесами, абазинами и ногойцами в одну автономию. Еще 12 января ВЦИК издал декрет об образовании Карачаево-Черкесской АО с центром в станице Баталпашинской (в настоящее время — город Черкесск). 27 июля Президиум ВЦИК принял постановление о создании Черкесской (Адыгейской) АО, вошедшей в Кубано-Черноморскую область на правах самостоятельной административно-хозяйственной единицы. 24 августа, «во избежание недоразумений и путаницы», она была переименована в Адыгейскую (Черкесскую) АО. Центром ее временно был определен не входивший в нее г. Краснодар, являвшийся центром Кубано-Черноморской области [Чирг, Денисова, Хлынина 2002: 123–124].

Таким образом, большая часть адыгов, за исключением шапсугов, оказались разделены на три автономии (Кабардино-Балкарская АО, Карачаево-Черкесская АО и Адыгейская (Черкесская) АО), в двух из которых они были объединены с этнически близкими между собой, но также оказавшимися разделенными представителями тюркских этносов — балкарцами и карачаевцами. За пределами данных автономий остались причерноморские шапсуги в силу отдаленности территории их проживания. И все же следует согласиться с А. Цуциевым, который утверждает: *«Границы национально-государственных и административных образований, равно как и их статус, не является результатом политического произвола большевиков, но скорее эффектом противоречивого использования и комбинирования нескольких критериев: идеологических, этнических, хозяйственно-экономических»*. Он не считает обоснованным *«утверждение, что в процессе советского национально-государственного строительства и создания национально-территориальных единиц не учитывались особенно-сти этнического расселения. Просто учет этого критерия никогда не был и не мог быть абсолютно самостоятельным»* [Цуциев 2006: 62].

Тем временем, продолжался распад Горской АССР. Несмотря на протесты ее руководства, 30 ноября 1922 г. было принято постановление Президиума ВЦИК о выделении Чеченской АО. Инициатива, как и в случае с Кабардой, исходила из Чечни, а советское руководство лишь законодательно оформило ее. Областные учреждения новой автономии размещались в Грозном, который при этом не включался в ее состав и оставался самостоятельной административной единицей. Предполагалось, что точные границы Чеченской АО установит Административная комиссия ВЦИК [Вайнахи 2011: 462]. 4 января 1923 г. Президиум ВЦИК постановил включить в состав Чеченской АО, помимо Чеченского округа Горской АССР, станицы Петропавловскую, Горячеводскую, Ильинскую и хутор Сарахтинский Сунженского округа [Вайнахи 2011: 464].

В этой ситуации руководство Ингушетии также обсуждало возможности ее выделения в самостоятельную административную единицу или присоединения к Чечне. В частности, указанные вопросы поднимались на пленуме Назрановского парткома 8 декабря 1922 г. Однако присоединение Ингушетии к Чечне получило отрицательную оценку, поскольку должно было привести *«к перенесению центра Ингушетии в Грозный, а областного — в Ростов»*. В постановлении пленума говорилось: *«Грозный далеко, Владикавказ — близок и мы с ним связаны базаром»*. Далее отмечалось: *«Присоединение грозит углублением национальной розни между ингушами и осетинами с одной стороны, и ингушами и казачками, с другой»* [Бугай, Мекулов 1994: 107].

Выделение Чечни в самостоятельную автономию вызвало беспокойство населения Сунженского округа, который, по словам делегата

Кринко Е.Ф. Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг.

X Всероссийского съезда Советов М. Кирисенко, «*был разбросан по небольшим частям среди окружения чеченским, ингушским и осетинским населением*». В письме в НКВД РСФСР от 25 декабря 1922 г. М. Кирисенко предлагал выбрать один из трех вариантов для населения округа: 1) объединить казачьи станицы вокруг Грозного как экономического центра, обеспечивающего «*для казачьего населения политические перспективы и рынок сбыта своего сельскохозяйственного производства*»; 2) сгруппировать разбросанные казачьи станицы «*при массе чересполосиц в одну компактную единицу посредством проведения в жизнь обмена с Чечней станицами, а именно: Петропавловскую волость переселить в ныне населенные чеченцами, ранее бывшие казачьи станицы, расположенные по течению реки Сунжи до г. Грозного (станции Ермоловская, Закан-Юрт, Самашкинская и Михайловская), а на место Петропавловской волости вселить чеченцев, населяющих эти станицы*»; 3) в крайнем случае, полностью выселить казачье население «*из пределов бывшей Терской области в одну из центральных губерний советской России*» [Вайнахи 2011: 468–469]. Однако ни одно из этих предложений так и не было принято.

Одновременно с предоставлением автономий отдельным народам Северного Кавказа советское руководство искало возможности для консолидации их усилий в вопросах социально-экономического развития. Такие возможности связывались с предложенным Госпланом еще в 1921 г. созданием Юго-Восточного района с Экономическим советом, призванным заняться организацией всей хозяйственной жизни. Однако руководство национальных автономий увидело в создании Юго-Восточного района лишь «*умаление их прав*». 12 июля 1923 г. председатель СНК и председатель ЦИК Дагестанской АССР Д. Коркмасов и Н. Самурский, председатель СНК Горской АССР С. Мамсуров и председатель Чеченского областного ревкома Т. Эльдерханов сообщили в Президиум ВЦИК о том, что они «*против включения автономий в Юго-Восточный район*» [Бугай, Мекулов 1994: 118]. Очевидное несовпадение векторов экономического и политического развития региона снижало эффективность предпринимавшихся мер и вынуждало к поиску новых административных форм.

13 февраля 1924 г. из Донской и Кубано-Черноморской областей, Ставропольской и Терской губерний, а также Горской АССР, Адыгейской (Черкесской) АО, Кабардино-Балкарской АО, Карачаево-Черкесской АО, Чеченской АО и города Грозного была создана новая административная единица — Юго-Восточная область с центром в Ростове-на-Дону. В состав Дагестанской АССР, оставшейся за пределами нового образования, из упраздненной Терской губернии была передана территория ликвидированного Кизлярского уезда. По постановлению ВЦИК от 2 июня, в соответствии с новым принципом административ-

но-территориальной организации страны, Юго-Восточная область была разделена на 10 округов: Армавирский, Донецкий, Донской, Кубанский, Майкопский, Морозовский, Сальский, Ставропольский, Терский и Черноморский. Они, в свою очередь, делились на районы.

У Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) с самого начала сложились негативные отношения с руководством Горской АССР, и оно обратилось в ЦК РКП(б) с предложением о ее разделении. Однако на 2-й Юго-Восточной конференции РКП(б), состоявшейся 5–8 мая 1924 г., отмечалось, что комиссии, выезжавшие в Горскую АССР, пришли к выводу: «*При упразднении ГАСССР может опять возникнуть рознь между ингушами и осетинами*» [Бугай, Мекулов 1994: 109–110].

Окончательно упразднена была Горская АССР специальным декретом ВЦИК от 7 июля 1924 г. с выделением из нее Северо-Осетинской АО и Ингушской АО, а также Сунженского казачьего округа. Город Владикавказ превращался в административный центр Северо-Осетинской АО и Ингушской АО, сохранив самостоятельный административный статус с подчинением его краевым и центральным властям. Установление границ между новыми образованиями и разрешение всех других споров должна была произвести специальная комиссия, которой поручалось закончить работу в месячный срок [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 133. Л. 64–65].

16 октября Юго-Восточная область была переименована в Северо-Кавказский край. Наряду с округами в него вошли Адыгейская (Черкесская) АО, Карачаево-Черкесская АО, Кабардино-Балкарская АО и Чеченская АО, а также Сунженский казачий округ, города Грозный и Владикавказ на правах округов. Недавно Ингушская АО и Северо-Осетинская АО первоначально вошли напрямую в РСФСР, но 8 декабря Оргбюро ЦК РКП(б) удовлетворил просьбу Северо-Кавказского крайкома партии «*об оставлении Ингушетии и Осетии в составе Северо-Кавказского края*» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 154. Л. 42–42 об.]. В условиях перехода к новой экономической политике национальные различия все более утрачивали свое значение перед «*соображениями хозяйственной целесообразности и экономической эффективности*» [Хлынина 1997: 93].

Однако вопрос о территориальном размежевании отдельных автономий оставался открытым, хотя в июле 1924 г. и в феврале 1925 г. были проведены совместные заседания председателей ревкомов автономных областей о границах между городом Владикавказом, Осетией и Ингушетией, создана комиссия по обследованию приграничных районов. Только 23 декабря приступила к работе комиссия Президиума ВЦИК по вопросу о разграничении новых автономных образований бывшей Горской Республики. В нее вошли председатель СНК Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики Ш.З. Элиава

Кринко Е.Ф. Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг.

(председатель), член ЦИК СССР В.В. Фомин и заместитель председателя Северо-Кавказского крайисполкома В.Н. Толмачев. Границы Северо-Осетинской АО и Ингушской АО с Владикавказом были установлены достаточно быстро, в отличие от границ между новыми автономиями. В объяснительной записке в президиум ВЦИК председатель комиссии, во-первых, указывал на *«глубокое недоверие друг к другу двух смежных народностей»*, вытекающее из *«эпохи господства на берегах Терека царского самодержавия»* и *«обострившееся в эпоху революции и Гражданской войны»*. Во-вторых, он отмечал, что представители автономии в своих спорах исходили *«не из соображений простого административного размежевания своих областей и удобства администрирования и советского строительства»*, а рассматривали их, *«как тяжбу о политических границах между своими народами»*, о чем свидетельствовали *«многочисленные ссылки этих товарищей на исторические документы и памятники прошлого»*. Председатель комиссии предполагал, что *«эти натянутые отношения между соседними народами ликвидированы не будут и впереди неизбежны новые трения и новое обострение отношений, если, конечно, к их предотвращению не будут приняты решительные, радикальные меры с самого начала»* [ЦК РКП(б) 2005: 257].

Ш.З. Элиава подчеркивал, что *«территориальный спор между Осетией и Ингушетией, в основном, экономического значения не имеет и при кажущейся экономической важности спорных участков, в общем, не превышающих нескольких сот десятин, политический момент в споре господствовал над всеми другими мотивами»*. Комиссия легко разрешила вопрос о небольших участках пахотной земли к северу от Владикавказа, в районе селения Ольгинское. *«Основной и жестокий спор между сторонами возник вокруг района, расположенного к югу от Владикавказа, с Редантского района до границы бывшей Горской Республики с ССР Грузией»*. Расположенный на левом берегу Терека спорный район до 1917 г. входил в состав Владикавказского округа, но при создании Горской АССР перешел первоначально в Назрановский округ. В 1922 г. Горский ЦИК установил временную границу по течению Терека с включением спорного района в границы Осетии без редантских хуторов с ингушским населением, оставленным в составе Ингушетии.

При упразднении Горской АССР стороны выдвинули взаимоисключающие претензии. Комиссия, исходя из *«создавшейся в эпоху Гражданской войны исторической обстановки»*, из того, что *«экономическое значение спорного района слишком ничтожно для обеих сторон, а также из соображений административно-технических»*, пришла к выводу о необходимости включения его в состав Ингушетии. Во внимание также приняли *«нарочито подчеркиваемые представителями Ингушетии обвинения по адресу осетинских работников в их усиленной работе за последние два года по подготовке населения спорных селений против*

Ингушетии, а также большую активность ингушских масс по сравнению с осетинскими, и большую частоту случаев бандитизма со стороны ингушей». Но представители Осетии «заявили решительный протест» на решение комиссии [ЦК РКП(б) 2005: 258–259].

Руководство Северной Осетии изначально выступало за другой вариант решения национального вопроса, предусматривавший созданий единой осетинской автономии в РСФСР. Однако советское руководство приняло решение оставить Южную Осетию в составе Социалистической Советской Республики Грузии. 20 апреля 1922 г. в составе ССР Грузии была образована АО Юго-Осетии, позже переименованная в Юго-Осетинскую АО с центром в Цхинвали (в 1936–1961 гг. назывался Сталинири). Тем не менее, вопрос об объединении Северной и Южной Осетии не раз поднимался и в дальнейшем, например, на заседании Большого президиума Северо-Кавказского крайисполкома [Бугай, Мекулов 1994: 111].

В ходе дальнейших преобразований Карачаево-Черкесская АО в 1926 г. была разделена на Карачаевскую АО и Черкесский национальный округ, преобразованный еще через два года в Черкесскую АО. Дагестанская АССР в 1928 г. была разделена вместо прежних округов на 26 кантонов и 2 подкантона, на следующий год кантоны переименовали в районы, как и в других регионах страны. К Чеченской АО в 1929 г. был полностью присоединен Сунженский казачий округ.

16 июня 1931 г. по предложению И.В. Сталина на Политбюро рассматривался вопрос о Дагестане. Было принято решение признать «целесообразным вхождение Дагестанской Республики в состав Северо-Кавказского края». В свою очередь, в 1934 г. его разделили на Азово-Черноморский с центром в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский края с центром в Пятигорске, с 1936 г. — в Орджоникидзе (в настоящее время — Владикавказ), а затем в Ворошиловске (в настоящее время — Ставрополь). Чечня в том же 1934 г. объединилась с Ингушской АО в Чечено-Ингушскую АО. Общим административным центром новой автономии стал Грозный, а Владикавказ, переименованный еще в 1931 г. в Орджоникидзе, 1 июля 1933 г. был включен в состав Осетинской АО [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 923. Л. 27–28].

При анализе мотивов объединения Чечни и Ингушетии представляет интерес подготовленная за несколько лет до этого начальником информационного отдела ОГПУ Алексеевым записка в ЦК ВКП(б) о политико-экономическом состоянии национальных областей Северного Кавказа. В ней отмечалось, что проект объединения Чечни и Ингушетии национальной интеллигенцией «усиленно продвигался на протяжении последних двух лет и продолжает продвигаться в массы, несмотря на запрет со стороны краевых инстанций». Причины его появления сводились к четырем основным пунктам. Во-первых, Чечня и Ингушетия

Кринко Е.Ф. Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг.

рассматривались как территории «одного этнического происхождения, родственны по языку, быту, культуре, религии и хозяйственной степени развития. В пограничных отношениях нет противоречий, а хозяйственная и духовная связь сильна». Во-вторых, объединение, за счет создания единого аппарата, «освобождает все культурные силы и позволяет их равномерное распределение, чем устраняет зависимость от русских культурных сил. Внутреннее районирование облегчает бюджет». В-третьих, объединение должно было привести «к большей политической независимости. На случай осложнения с краем можно будет ставить вопрос о вхождении в РСФСР, подобно Дагестану». Предполагалось и возрастание финансовых потоков в сочетании с дальнейшим расширением территории: «Увеличатся шансы на город Грозный и отчисление больших прибылей от Грознефти. Можно будет поднять вопрос о присоединении части Хасав-Юртовского округа Дагестана в прилегающем к Чечне районе, заселенном чеченским племенем (5 аулов — 17 тыс. человек), что позволит частично разрядить земельную тесноту в нагорных районах». Наконец, в-четвертых, край «уделяет Чечне и Ингушетии недостаточное внимание, в то время как обе области, наиболее потерпевшие от режима колонизации и Гражданской войны, по своим революционным заслугам имеют право рассчитывать и на наибольшие преимущества в деле поднятия их культурно-хозяйственного уровня».

Автор документа отмечал, что эти идеи «в частном порядке обсуждались на ряде партийно-комсомольских пленумов», а также попытку «поставить их в решительной форме и на чеченской партийной конференции» в конце 1927 г. В качестве лидеров движения за объединение Чечни и Ингушетии автор записки назвал заведующих отделами Чеченского областного исполкома: народного образования — Ошаева, земельного — Курбанова, здравоохранения — Хамзатова. В Ингушетии же, по его мнению, эти идеи разделяла и отстаивала «крупная и родовитая интеллигенция Мальсаговых, стоящих в оппозиции ингушскому языковскому руководству» [ЦК РКП(б) 2005: 547].

Стремление к объединению отмечалось Алексеевым и в других автономиях. В частности, в Северной Осетии набирало силу «стремление к объединению с Южной и Моздокскими Осетиями, с созданием центра в гор. Владикавказе». Оно совпадало с еще одной тенденцией, выражавшейся в культивировании «антагонизма к краевому центру, как к представителю “казачьего большинства”, стесняющего якобы национальное развитие осетин». Поэтому после объединения предполагался выход «из Краевого объединения и вхождение в состав Закавказской Федерации» [ЦК РКП(б) 2005: 548–551]. В среде адыгейской национальной интеллигенции культивировались идеи создания «Великой Черкесии» путем слияния Кабардино-Балкарской и Адыгейской (Черкесской)

АО «в одно национальное объединение и переселения из Турции двух миллионов черкесов, выселенных туда царским правительством в середине прошлого столетия» [ЦК РКП(б) 2005: 540–551].

В 1935 г. на Северном Кавказе отпраздновали полуторадесятилетние юбилеи образования двух первых горских автономий, а на следующий год пришлось новая волна преобразований, выразившаяся, прежде всего, в повышении формального статуса и соответствующих ему экономических и социальных возможностей наиболее крупных национально-государственных образований. В 1936 г. из состава Северо-Кавказского края вышли Дагестанская АССР и ставшие автономными республиками Кабардино-Балкария, Северная Осетия и Чечено-Ингушетия. Автономные республики напрямую входили в состав РСФСР, в то время как оставшиеся автономными областями Адыгея, Карачай и Черкесия сохранили краевое подчинение. В 1937 г. Азово-Черноморский край разделили на Краснодарский край и Ростовскую область, а Северо-Кавказский край переименовали в Орджоникидзевский. В его состав из Дагестанской АССР в 1938 г. был передан Кизлярский округ.

Для компактно проживавших представителей национальных меньшинств в 1920–1930-е гг. были созданы национальные районы и национальные сельсоветы. Еще 3 апреля 1920 г. Туркменский уезд был преобразован в Туркменский национальный район. В ноябре 1924 г. Президиум ВЦИК утвердил образование Шапсугского национального района в составе Черноморского округа. Кроме них, в Северо-Кавказском крае существовали армянский, греческий, калмыцкий и немецкий районы. В Дагестанской АССР — аварские, азербайджанский, андийский, ахвахский, даргинские, дидойский, кайтагский, кумыкские, лакский, лезгинские, ногайский, русский, рутульский, табасаранский, тиндальский, чеченский районы.

Но 1 декабря 1937 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло, а 17 декабря Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». Под упразднение национальных районов и сельсоветов подводилось идеологическое обоснование, говорилось об их «искусственном» создании в ряде областей и краев, не оправдываемом «*национальным составом их населения*». Более того, создатели и руководители ряда национальных районов и сельсоветов подвергались репрессиям. В документе со ссылкой на проведение специальной проверки говорилось о том, что «*многие из этих районов были созданы врагами народа с вредительскими целями. Буржуазные националисты и шпионы, пробравшиеся на руководящие посты в этих районах, проводили антисоветскую работу среди населения, запрещали в школах преподавание русского языка, задерживали выпуск газет на русском языке и т. п.*». Исходя из этого, ЦК ВКП(б) признал «*нецелесообразным дальнейшее существование как особых национальных районов, так и сельсоветов*» и обязал партийные органы, на территории которых

Кринко Е.Ф. Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг.

находились национальные районы и сельсоветы, в том числе и Краснодарский крайком ВКП(б), «к 1 января 1938 года представить в ЦК ВКП(б) предложения о ликвидации этих районов путем реорганизации в обычные районы и сельсоветы» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 994. Л. 15].

На основании принятого решения 7 января 1938 г. бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) приняло постановление о ликвидации национальных районов и сельских советов путем их реорганизации в обычные районы и сельсоветы. Греческий район, имевший население в 74 500 чел., в том числе 10 900 греков, был переименован в Крымский район с центром в станице Крымской. При этом Греческий сельсовет переименовался в Ново-Крымский, а остальные пять сельсоветов (Мерчанский, Краснозеленый, Шептальский, Ильческий и Прохладненский) сохраняли свои названия. Ванновский район, имевший 17 815 жителей, в том числе 6 521 немца, переименовывался в Северо-Кубанский. Село Ванновское, остававшееся административным центром района, также переименовывалось в Северо-Кубанское, «по имени Северо-Кубанского полка, значительное число бывших бойцов которого живет в этом селе и на близлежащем хуторе». Переименовывался в Северо-Кубанский и Ванновский сельсовет, в то время как остальные национальные сельсоветы (Ленинский, Леоновский, Ново-Ивановский, Ново-Селовский, Семеновский), став обычными, сохраняли свои наименования. Подробные сведения о реорганизации национальных советов в Краснодарском крае в 1938 г. представлены в табл. 1. Похожие процессы шли и в других краях и национальных автономиях Северного Кавказа.

Таблица 1

Реорганизация национальных сельсоветов в Краснодарском крае в 1938 г. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп 120 Д. 324. Л. 101–104]

Прежнее название	Национальность	Район	Новое название
Греческий	греческий	Греческий (Крымский)	Ново-Крымский
Ванновский	немецкий	Ванновский (Северо-Кубанский)	Северо-Кубанский
Греческий	греческий	Белореченский	Ивановский
Сеннентальский	немецкий	Гулькевичский	Красносельский
Мариентальский	немецкий	Кущевский	Раздоленский
Ленинтальский	немецкий	Ладожский	Ленинский
Ново-Эстоновский	эстонский	Отраденский	Предгорный
Ливонский	эстонский	Успенский	Ново-Урупский

Нейгофманский	немецкий	Крыловской	Пашковский
Розентальский	немецкий	Крыловской	Ново-Кугоейский
Макопсинский	греческий	Шапеугский	Майкопский
Мирненкий	немецкий	Армавирский	Мирненский
Варваровский	чешский	Анапский	Варваровский
Витязевский	греческий	Анапский	Витязевский
Джегинский	немецкий	Анапский	Джегинский
Липниковский	немецкий	Адлерский	Липниковский
Юринический	греческий	Адлерский	Юринический
Александровский	немецкий	Ейский	Александровский
Воронцовский	немецкий	Ейский	Воронцовский
Прасковеевский	греческий	Геленджикский	Прасковеевский
Красно-Стрелецкий	латышский	Ленинградкий	Красно-Стрелецкий
Щедокский	немецкий	Мостовской	Щедокский
Долиновский	немецкий	Ново-Титаровский	Долиновский
Марьянский	немецкий	Успенский	Марьянский
Тауруп-Звездочанский	латышский	Штейнгартовский	Тауруп-Звездочанский

Таким образом, первые советские десятилетия стали временем интенсивных преобразований в политическом пространстве Юга России, периодом активных поисков новых государственных и административных форм обустройства населявших его народов. Ход и содержание национально-государственных и административно-территориальных преобразований в первые советские десятилетия определялись взаимодействием различных факторов и соответствующих устремлений большевистского руководства. Во-первых, большевикам, изначально деклариовавшим право наций на самоопределение, приходилось учитывать подъем национальных движений, породивший альтернативные советским республикам национально-государственные и религиозно-политические проекты в годы Гражданской войны. Во-вторых, перспективы построения социализма требовали создания промышленности, формирования рабочего класса, повышения образовательного уровня населения и решения других задач. Все они были тесно связаны с созданием не только соответствующей административной, хозяйственной, транспортной и социальной инфраструктуры, но и эффективной системы управления регионом, особенно в условиях непрекращающихся антисоветских восстаний. Наконец, на административных преобразованиях сказывались и обстоятельства ситуативного характера, а также личные качества отдельных политических лидеров.

Кринко Е.Ф. Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг.

Источники

Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.). М.: РОССПЭН, 2011. 1094 с.

Декреты Советской власти. Т. XII. Декабрь 1920 г. — январь 1921 г. М.: Политиздат, 1986. 428 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.

ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 1095 с.

Литература

Абулова Е.А. Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа, 1917–1937. Ростов-на-Дону. Издательство Ростовского университета, 1984. 162 с.

Автономия народов Северного Кавказа: о зарождении, становлении и развитии форм советской национальной государственности на Северном Кавказе. Орджоникидзе: Ир, 1973. 255 с.

Ансоков М.Г. Образование и развитие национальной советской государственности народов Кабарды и Балкарии (1917–1936). Нальчик: Эльбрус, 1974. 209 с.

Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп: Меоты, 1994. 424 с.

Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 164 с.

Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа. 1917–1924 г. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009. 222 с.

Джазаева И.А.–А. Процессы территориального размежевания в Карачае в 1920–1930 гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6. С. 33–41.

История национально-государственного строительства в СССР 1917–1978. 3-е изд., доп. и перераб. В 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 1. 423 с.

Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 336 с.

Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 400 с.

Кониев Ю.И. Автономия народов Северного Кавказа: О зарождении, становлении и развитии форм советской национальной государственности на Северном Кавказе. Орджоникидзе: Ир, 1973. 255 с.

Коркмасова К.Д. Национальная государственность в СССР. Ростов-н/Д: Издательство Ростовского университета, 1970. 167 с.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1929–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.

Мулукаев Р.С. Развитие советской государственности в Северной Осетии. Краткий историко-юридический очерк. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1958. 122 с.

Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп: Меоты, 1995. 285 с.

Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп: Меоты, 1994. 272 с.

Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар: [Б.и.], 1997. 127 с. С. 57.

Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М.: Издательство МГОУ, 2003. 268 с.

Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов-н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.

Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

Шнайдер В.Г. Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 — конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. 2-е изд. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2015. 417 с.

Эбзеева С.Э. Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа. М.: Юридическая литература, 1976. 135 с.

СТРОИТЕЛЬСТВО ВОЕННЫХ АЭРОДРОМОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛМЫЦКОЙ АССР И АСТРАХАНСКОГО ОКРУГА СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1942 гг.*

*Белоусов Сергей Степанович*¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста) и научной группы истории антропологии и демографии войн и вооруженных конфликтов на юге России Южного научного центра РАН (г. Ростов-на-Дону).

E-mail: sbelousovelista@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории строительства военных аэродромов Красной армии на территории Калмыцкой АССР и Астраханского округа Сталинградской области на начальном этапе войны. Автором исследована организация и динамика строительства оперативных аэродромов, его результаты и вклад в это дело местных органов государственной власти и населения. Строительство аэродромов началось в 1941 г., однако наибольший размах оно приобрело весной 1942 г. Они строились в основном силами мобилизованного сельского населения, а в Астраханском округе также активное участие принимали осужденные исправительно-трудовых колоний. Несмотря на множество трудностей, вызванных главным образом объективными обстоятельствами военного времени, задача в целом была решена. К сожалению, использовать построенные аэродромы удалось не в полной мере, так как в августе 1942 г. противник оккупировал большинство улусов Калмыкии. Частично построенные оперативные аэродромы были использованы советской авиацией в период боев на астраханском направлении.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, Калмыцкая АССР, Астраханский округ, военные аэродромы.

В истории Великой Отечественной войны, несмотря на ее активное изучение, остается еще много тем и сюжетов, которые требуют своего исследования. Их разработка обогатит наши представления о Великой Отечественной войне и будет способствовать восстановлению более полной картины о величайшем событии мировой истории.

---

*Статья выполнена в рамках проекта РАН 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII — начале XXI вв.: история, демография, антропология».

В историографии Великой Отечественной войны в Нижнем Поволжье также есть темы, которые до настоящего времени не стали объектами исследований историков, несмотря на то, что в последние годы среди некоторых из них обозначился рост интереса к истории создания военной инфраструктуры. К числу неизученных тем относится история создания военных аэродромов на территории Калмыцкой АССР и Астраханского округа Сталинградской области, необходимость в которых начала ощущаться после перемещения зоны боевых действий в волго-донские степи. По данному вопросу специальных работ не существует, если не считать статью А.В. Захарченко [Захарченко 2011] по аэродромному строительству на территории всего Поволжья, в которой приводится интересный материал о строительстве постоянного военного аэродрома в окрестностях г. Астрахани. В других исследованиях авторы в лучшем случае ограничиваются лишь упоминанием о строительстве аэродромов.

Автор данной статьи ставит своей целью осветить один из малоизученных вопросов истории Калмыкии и Астраханской области — строительство на начальном этапе войны на территории Калмыцкой АССР и военных аэродромов для Красной Армии, показать организацию и динамику строительства, его результаты и вклад в это дело местных органов государственной власти и населения.

В процессе исследования применялся метод сравнительно-исторического анализа, а источниковедческую базу статьи составили документы Государственного архива Астраханской области (далее — ГААО) и Национального архива Республики Калмыкия (далее — НАРК), а также материалы, опубликованные в сборниках: «Астраханская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Астраханская область... 2010] и «Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Калмыкия... 2005].

Начавшаяся Великая Отечественная война побудила советское руководство активизировать строительство постоянных и оперативных аэродромов. Первые предназначались для постоянного базирования авиационных соединений и были обеспечены всей необходимой инфраструктурой для обслуживания самолетов и летно-технического персонала. Постоянные аэродромы имели взлетно-посадочные полосы с искусственным покрытием (в основном железобетонным), каменные ангары для ремонта самолетов и жилые постройки. Оперативные аэродромы создавались вблизи линии соприкосновения войск, они позволяли авиации работать по территории противника, или выполнять другие поставленные задачи в удаленных районах без промежуточных посадок. Они имели грунтовые взлетно-посадочные полосы и жилые помещения для временного проживания людей, чаще всего землянки.

Белоусов С.С. Строительство военных аэродромов на территории Калмыцкой АССР и Астраханского округа Сталинградской области в 1941–1942 гг.

Военное аэродромное строительство находилось в ведении созданного в марте 1941 г. при Народном комиссариате внутренних дел СССР (далее — НКВД) Главного управления аэродромного строительства (далее — ГУАС). Данное ведомство являлось одним из ключевых в структуре государственных органов центральной власти и обладало собственной материальной базой, кадрами специалистов и рабочей силой, в большой степени подневольной [Захарченко 2011: 137]

Накануне Великой Отечественной войны, в мае 1941 г., в окрестностях г. Астрахани на базе оперативного аэродрома было начато строительство постоянного военного аэродрома. Оно велось силами вольнонаемных рабочих, заключенными и колхозниками. Строительство проходило в тяжелых условиях, что привело к его затягиванию и, в конечном счете, к срыву сроков сдачи объекта. Очень остро ощущался недостаток рабочей силы, который с началом войны стал еще больше. Для выдерживания запланированных темпов работ необходимо было постоянно иметь 2 500 работников, однако в мае 1942 г. их было всего 1 600: 900 заключенных и 700 мобилизованных колхозников [Захарченко 2011: 139].

Руководители стройки столкнулись с проблемой обеспечения строителей одеждой и продовольствием. За снабжение ими строителей из числа заключенных отвечало руководство лагеря, а колхозников — руководство колхозов и местные власти, однако они с этой задачей не справлялись, поэтому Управлению НКВД по Сталинградской области пришлось в срочном порядке выделить одежду и обувь из своих фондов [Захарченко 2011: 140].

Строительство сильно тормозили низкая производительность труда, задержки в работе, отсутствие трудовых навыков у заключенных исправительно-трудовой колонии (далее — ИТК). Ежедневно на работу отказывались выходить в среднем по 40–50 чел. из числа заключенных и еще по 10–15 чел. симулировали различные болезни с целью уклониться от труда. Невысокая производительность труда отмечалась и у строителей-колхозников. На темпах строительства также негативно сказывался несвоевременный подвоз строительных материалов. Из-за отсутствия необходимых материалов ГУАС, например, не смогло в отведенные сроки выполнить работы по строительству бензохранилищ и нефтяных емкостей [Захарченко 2011: 144]. В силу перечисленных причин строительство постоянного военного аэродрома в г. Астрахани растянулось по времени, и он начал принимать самолеты 8-й воздушной армии только 12 сентября 1942 г. [Захарченко 2011: 139].

В 1941–1942 гг. население Астраханского округа и Калмыцкой АССР привлекалось к строительству оперативных аэродромов для истребителей и штурмовиков. Равнинный характер местности открывал широкие

возможности для действий авиации. В степи отыскать подходящий материал для маскировки было трудно, поэтому дислокация войск и их передвижения хорошо просматривались с воздуха, что позволяло наносить эффективные удары по противнику. Благодаря рельефу местности можно было без особых затрат создавать в степи аэродромы для базирования самолетов.

7 июля 1941 г. Астраханский окружной комитет ВКП(б) получил от командующего войсками Северо-Кавказского военного округа задание построить 4 летных поля, выбранных начальником Астраханской авиационной школы. В этой связи председателя окружного исполкома Советов депутатов трудящихся К.Е. Клишина обязали *«мобилизовать необходимое количество тракторов, механизмов, рабсилы и гужтранспорт»*, а первых секретарей Наримановского, Харабалинского и Красноярского райкомов ВКП (б) *«оказать практическую помощь в организации и приспособлении летных полей»* на территории руководимых ими районов [Астраханская область... 2010: 29].

В первые месяцы Великой Отечественной войны аэродромное строительство активизировалось и в Калмыцкой АССР. К началу марта 1942 г. по заданию Государственного комитета обороны на территории Калмыцкой АССР усилиями местного народного ополчения и мобилизованными жителями было построено 5 оперативных аэродромов. Строительством руководили специально присланные для этой цели военные инженеры. На каждом объекте работали в среднем по 1 000–1 200 человек. Работы проходили в тяжелых природных условиях, кроме того, местным властям приходилось в срочном порядке изыскивать технику, инструменты, строительные материалы и людей, что в обстановке массовой мобилизации средств и людей на фронт и тыловые работы было сделать непросто. Несмотря на это, все объекты были сделаны качественно и сданы раньше срока, более того, построено вместо запланированных 3 аэродромов — 5. На каждом аэродроме были устроены грунтовые летные поля и построено по одному хранилищу горючего и складскому помещению, а также по две землянки для проживания летного состава и обслуживающего персонала [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 14].

Весной 1942 г. аэродромное строительство в стране получило новый импульс. 8 марта 1942 г. Государственный комитет обороны утвердил план строительства на 1942 г. оперативных аэродромов и взлетно-посадочных полос для ВВС Красной армии, в котором конкретно указывались места строительства, сроки исполнения и ответственные структуры государственной власти [Калмыкия... 2005: 162–164].

В Калмыцкой АССР к выполнению правительственного задания приступили в середине мая 1942 г. 2 мая 1942 г. председатель Совета народных комиссаров (далее — СНК) Калмыцкой АССР и секретарь Кал-

Белоусов С.С. Строительство военных аэродромов на территории Калмыцкой АССР и Астраханского округа Сталинградской области в 1941–1942 гг.

мыцкого областного комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков (далее — обком ВКП(б) получили от командующего ВВС Сталинградского военного округа генерал-майора авиации И.П. Антошина указание немедленно начать строительство 4 оперативных аэродромов недалеко от населенных пунктов: Садовое, Кетченеры, Яшкуль и Утта. В первых двух поселениях объекты должны были быть сданы к 1 июля, в остальных — до 1 августа 1942 г. Для строительства аэродромов в республику направлялся 80-й отдельный инженерно-строительный батальон, а калмыцкому руководству поручалось *«предоставить по 50 человек на каждый объект чернорабочих и возможное количество каменщиков и плотников, 5 грузовых машин, 8 тракторов и 100 подвод»* [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 743. Л. 54]. Власти Калмыкии также обязаны были выделить на каждый аэродром по 5 плугов, по 10 борон, по 1 тяжелому и среднему грейдеру.

7 мая 1942 г. Калмыцкий обком ВКП(б) и СНК приняли совместное постановление «О строительстве оперативных аэродромов для ВВС Красной армии в 1942 г. на территории Калмыцкой АССР, согласно постановления ГКО за № 1412 от 8 марта 1942 г.», в котором были расписаны конкретные мероприятия и сроки по выполнению правительственного задания. По нему надлежало мобилизовать 1 100 местных жителей из 5 улусов и выделить 450 подвод, 1 320 лопат, 12 палаток на 400 человек, 4 грейдера, 8 плугов, 9 прицепных катков [НАРК. Ф. Р-131. Оп. 3с. Д. 95. Л. 210]. Для лучшей организации и управления строителями из них предписывалось сформировать роты, взводы и отделения. Работы должны были начаться 15 мая и закончиться в Малодербетовском, Сарпинском и Кетченеровском улусам к 1 июля, а в Черноземельском и Приволжском улусах — до 1 августа 1942 г. [НАРК. Ф. Р-131. Оп. 3с. Д. 95. Л. 209].

В мае 1942 г. в результате окружения и разгрома советских войск под Харьковом оперативная обстановка на Юге России резко обострилась. Развивая свой успех, немецкие войска прорвали оборону Южного и Юго-Западного фронтов и развернули наступление по двум направлениям — на Кавказ и Волгу. Красная армия начала отступать, и зона боевых действий приблизилась к административным границам Астраханского округа и Калмыцкой АССР.

В связи с вторжением немецких войск в пределы Сталинградской области авиационные соединения 8-й воздушной армии (командующий генерал-лейтенант Т.Т. Хрюкин), стали испытывать затруднения в организации боевых вылетов, а над некоторыми аэродромами нависла угроза захвата их противником [Губин, Киселев 1986: 41]. Учитывая это, Военный совет Сталинградского фронта принял решение передислоцировать авиасоединения 8-й воздушной армии на территорию Астраханского

округа и Калмыцкой АССР, которые в то время представлялись более удобными для базирования авиации, действующей на Сталинградском направлении. Для приема самолетов руководству Сталинградской области и Калмыцкой АССР было поручено подготовить к 20 августа 1942 г. оперативные аэродромы.

В Астраханском округе Сталинградской области планировалось построить 9 новых оперативных аэродромов, а также провести работы *«по приведению в готовность летных полей и строительству укрытий для самолетов на аэродромах Харабалинского, Енотаевского и Астраханского узлов»* [ГААО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 6. Л. 86]. Основная тяжесть по строительству возлагалась на плечи местного населения: властям районов, на территории которых создавались аэродромы, предписывалось выделить *«в порядке платной трудгужповинности»* сроком на 15 дней рабочих, подводы и *«имеющиеся в районах работ катки, грейдера, плуги и бороны»*, а также *«необходимые механизмы»* [ГААО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 6. Л. 87]. Всего в строительстве новых аэродромов предполагалось задействовать 1 150 рабочих, 400 подвод, 14 тракторов, помимо этого районные власти получили указание мобилизовать на 10 дней 410 человек и 50 подвод на оборудование уже построенных 3 оперативных аэродромов [ГААО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 6. Л. 88].

Строительство военных оперативных аэродромов для 8-й воздушной армии в Астраханском округе осуществлялось в сложной обстановке немецкого наступления, когда Астрахань превратилась в прифронтовой город и активно готовилась к обороне. Жители округа были задействованы на строительстве Астраханского обводного рубежа, железной дороги Астрахань — Кизляр и на других объектах, поэтому рабочей силы крайне не хватало. По этой причине власти некоторых районов не всегда были в состоянии организовать в положенный срок и в необходимом количестве рабочую силу. Так, начальник строительства Харабалинского аэродромного узла инженер Быков неоднократно жаловался председателю городского комитета обороны о том, что Харабалинский райисполком не справляется с мобилизацией населения и вместо установленного наряда в 400 человек ежедневно поставляет на объект не более 200 человек [ГААО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 6. Л. 105]. Недостаток рабочих не позволял выдерживать график строительства, однако, несмотря на большие трудности, в начале августа 1942 г. основные работы по строительству все же завершились, и большинство частей 8-й воздушной армии совершили перелет на новые аэродромы [Губин, Киселев 1986: 41].

На территории Калмыцкой АССР строительство аэродромов для 8-й воздушной армии началось с середины июля 1942 г.: 11 июля председатель СНК Н.Л. Гаряев и секретарь обкома ВКП(б) П.В. Лаврентьев получили от командующего Сталинградского военного округа генерал-

Белоусов С.С. Строительство военных аэродромов на территории Калмыцкой АССР и Астраханского округа Сталинградской области в 1941–1942 гг.

лейтенанта В.Ф. Герасименко и корпусного комиссара А.Н. Мельникова распоряжение приступить к строительству 13 оперативных аэродромов, которое должно было завершиться к 15 августа. На эти цели республика должна была выделить сроком на один месяц (с 15 июля по 15 августа) 2 600 человек работников с инструментами (по 200 чел. на один аэродром), 75 подвод, 3 трактора, 1–2 грейдера и необходимое количество катков, плугов, борон [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 743. Л. 67].

8 августа 1942 г. последовало указание от командующего ВВС СССР генерал-лейтенанта А.А. Новикова о строительстве 5 дополнительных аэродромов в Калмыкии. Их надлежало построить в приморских Долбанском, Лаганском и Улан-Хольском улусах, которые находились в непосредственной близости от Астраханского оборонительного обвода — системы оборонительных сооружений, опоясывавших г. Астрахань с востока и юга. На территории Улан-Хольского и Лаганского улусов все работы (2 аэродрома) должны были быть закончены к 21 августа, а Долбанского улуса (3 аэродрома) — к 25 августа 1942 г. На каждом из аэродромов надлежало построить по 15 укрытий для самолетов и по 5 крытых щелей для летного состава. Также властям Калмыкии поручалось к 20 августа 1942 г. завершить работы по приведению в готовность летных полей и строительство укрытий для самолетов на аэродромах Яшкульского, Утинского, Юстинского и Лаганского узлов. На строительство 5 дополнительных аэродромов командующий ВВС Сталинградского военного округа генерал-майор авиации И.П. Антошин просил выделить 1 000 рабочих, 350 подвод, 10 тракторов и «необходимые механизмы» [НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 743. Л. 72].

Мобилизации людей и техники на строительство оперативных аэродромов в республике продолжались до конца октября 1942 г. К этому времени были построены 19 аэродромов, оцененные в сумму 448 820 рублей [НАРК. Ф. Р-131. Оп. 3с. Д. 6. Л. 9].

В разгар оборонительных боев на нижнем Дону в июле 1942 г. жители Калмыцкой АССР приняли участие в оборудовании дополнительных аэродромов для 5-й воздушной армии. 25 июля 1942 г. председатель СНК Калмыцкой АССР Н.Л. Гаряев получил от командования 5-й воздушной армии письмо, в котором содержалась просьба предоставить с 28 июля сроком на 5 дней 2 400 рабочих и 120 подвод для завершения работ по оборудованию дополнительных аэродромов [НАРК. Ф. Р-131. Оп. 3с. Д. 86. Л. 68].

К сожалению, использовать построенные для борьбы с немецкой армией аэродромы удалось не в полной мере, поскольку в августе 1942 г. большая часть территории Калмыкии оказалась занятой противником, и аэродромы были захвачены или по приказу советского командования ВВС выведены из строя. Так, по приказу военного совета Сталинградско-

го военного округа в связи с приближением немецких войск пришлось уничтожить 5 дополнительных оперативных аэродромов в Лаганском и Улан-Хольском улусах. 27 августа 1942 г. власти этих улусов получили приказ перепахать летные поля и разрушить все имеющиеся на аэродромах строения [Калмыкия... 2005: 202].

Несмотря на то, что не все построенные оперативные аэродромы удалось задействовать, в целом их строительство принесло ощутимую помощь советской авиации. На оперативных аэродромах размещались переброшенные на астраханское направление самолеты 289-й смешанной авиадивизии (командир — полковник Л.Д. Рейно, со второй половины сентября 1942 г. — подполковник М.В. Авакумов). В конце августа 1942 г. 20 штурмовиков этой дивизии без прикрытия истребителей нанесли внезапный бомбовый удар по сосредоточению войск противника в г. Элисте. Немцы не ожидали налета, поскольку, по свидетельству пленных, были убеждены, что *«у русских в калмыцких степях авиации нет»* [Губин, Киселев 1986: 55]. Во время бомбежки немецкие войска понесли значительные потери и вынуждены были перебросить в район Элисты зенитную артиллерию и дополнительные самолеты. Успех атаки с воздуха во многом стал возможен благодаря существованию оперативных аэродромов возле населенных пунктов Утта и Хулхута, которые были использованы в качестве так называемых аэродромов подскока. Сюда штурмовики были скрытно переброшены и дозаправлены горючим, что позволило значительно сократить время полета к Элисте и сделать по 5–6 заходов на цели.

Оперативные аэродромы принесли большую пользу при организации воздушной разведки в районе г. Элисты. Она осуществлялась «челночным» методом: самолет-разведчик, взлетая с аэродрома базирования Вишневки, находившегося под Сталинградом, производил посадку для дозаправки на оперативном аэродроме Началово под Астраханью, затем направлялся в места фотосъемки вглубь калмыцких степей, выполнив задание, он таким же маршрутом возвращался [Губин, Киселев 1986: 41].

Источники

Астраханская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов и материалов. Астрахань: ОГУ «Государственный архив современной документации Астраханской области, 2010. 232 с.

Государственный архив Астраханской области (ГААО).

Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы / Сост. М.Л. Кичиков, Л.П. Коженбаева, А.И. Наберухин и др. 3- изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 784 с.

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Белоусов С.С. Строительство военных аэродромов на территории Калмыцкой АССР и Астраханского округа Сталинградской области в 1941–1942 гг.

Литература

Губин Б.А., Киселев В.Д. Восьмая воздушная. Военно-исторический очерк боевого пути 8-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1986. 239 с.

Захарченко А.В. Аэродромное строительство НКВД СССР в Поволжье накануне и в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. С. 137–147.

ЖИТЕЛИ КАЛМЫКИИ — ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ КРАСНОЙ АРМИИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ, НО НЕ НАГРАЖДЕННЫЕ «ЗОЛОТОЙ ЗВЕЗДОЙ»**

Очиров Уташ Борисович¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена жителям Калмыцкой АССР — военнослужащим Красной армии, которые в период Великой Отечественной войны представлялись к званию Героя Советского Союза, но по разного рода причинам не получили его. В картотеке автора значится 29 таких персоналий. Среди них были русские, калмыки, украинцы, молдаванин и эстонец. Это люди разных возрастов, воинских званий (почти половина — офицеры), специальностей (почти треть — артиллеристы, есть огнеметчик, бронбойщик, партизаны). Представления к особому знаку отличия были осуществлены большей частью в 1944–1945 гг. Большая часть изучаемых персоналий представляла 1-й Белорусский, 1-й и 2-й Украинский фронты, которые на последнем этапе войны играли важную роль. Не во всех случаях известны причины «понижения» награды или даже уничтожения наградного листа, но там, где причины известны, можно говорить о субъективности и несправедливости такого рода решений. После развала СССР общественность Калмыкии неоднократно ставила вопрос о восстановлении справедливости, о повторном представлении к высшей награде страны, но региональная администрация, выражая на словах поддержку, в действительности положила все эти проекты «под сукно». Однако память о героях, совершивших славные подвиги в самой тяжелой для нашей страны войне, необходимо сохранить.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Красная армия, Калмыцкая АССР, Герой Советского Союза, подвиг.

Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. была добыта Объединенными усилиями почти всех народов и регионов СССР. Однако в силу разных причин, которые мы сейчас обсуждать не будем, возникают вопросы о том, что вклад в Победу разных народов или регионов неравномерен. К некоторым народам или регионам выдвигаются

---

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Очиров У.Б. Жители Калмыкии — военнослужащие Красной армии, представленные, но не награжденные «Золотой Звездой»

даже обвинения в том, что их вклад в Победу заметно ниже среднего уровня. Чаще всего такие слова приходится слышать представителям народов, подвергшихся депортации перед войной или в период войны, а также представителям регионов, в которых эти этносы были «титულными». К таковым относится Калмыцкая АССР, ликвидированная 28 декабря 1943 г., когда весь калмыцкий народ по несправедливому и огульному обвинению был выслан в Сибирь.

В период Великой Отечественной войны в рядах Красной армии и флота служило более 43 тыс. жителей Калмыкии, в том числе более 21 тыс. калмыков [Максимов 2010: 344]. Кроме того, служили более 4,6 тыс. калмыков, призванных из других регионов. Если учесть, что по Всесоюзной переписи населения 1939 г. в стране числилось 220,6 тыс. жителей Калмыкии и 134,4 тыс. калмыков [Всесоюзная... 1992: 57, 65], то мы можем говорить о том, что на фронт ушел почти каждый пятый из обеих категорий населения. Фактически на фронт ушло почти все взрослое мужское население, поэтому совершенно очевидно, что обвинения в том, что калмыки или жители Калмыкии «отсиживались в тылу», несправедливы.

Одним из важнейших маркеров, по которому можно определить вклад в Победу того или иного народа или региона, является количество награжденных боевыми наградами. Автор статьи неоднократно обращался к этой теме и опубликовал несколько работ, в которых анализировал списки земляков, награжденных теми или иными боевыми орденами, в том числе калмыков — кавалеров ордена Славы, калмыков — кавалеров ордена Александра Невского, жителей Калмыкии — кавалеров «полководческих» орденов [Очиров 2016а; 2016б; 2018]. Один из выводов этих статей заключался в том, что почти каждый сороковой калмык-солдат, избежавший снятия с фронта после депортации калмыцкого народа, был награжден «солдатским» орденом Славы [Очиров 2016а: 235–236], почти каждый сороковой калмык-офицер — «полководческими» орденами [Очиров 2018]. Много это или мало? Сказать сложно, так как для сравнительно-сопоставительного анализа требуются аналогичные сведения о других народах СССР, участвовавших в Великой Отечественной войне, но практически ни у одного из них таких данных пока нет.

Самой высокой наградой Родины для воинов Красной армии, сражавшихся в войне 1941–1945 гг., было звание Героя Советского Союза. Каждый, кто был удостоен этого звания, получал знак особого отличия — медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина (формально считавшийся высшей наградой СССР). Никакая другая награда не могла сравниться с этой. Единственным исключением был так называемый полный кавалер орденов Славы — воин, награжденный орденами Славы I, II и III степ.

За подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, 24 наших земляка были удостоены этой награды. Имена Героев Советского Союза **Оки Ивановича** и **Басана Бадьминовича Городовиковых**, **Эрдни Деликова**, **Акима Метяшкина**, **Георгия Пяткина**, **Ни-**

колая Баташева, Лиджи Манджиева, Николая Санджирова, Ивана Гермашева, Павла Турченко, Батора Басанова, Николая Воробьева, Ильи Зигуненко, Степана Крынина, Георгия Лазарева, Федора Попова, Ивана Ходырева, Николая Храпова, Анатолия Лопатина, Владимира Мергасова, Кирилла Жигульского, Бембели Хечеева, Михаила Сельгикова, Эренцена Бадмаева, а также полного кавалера орденов Славы **Ивана Черткова** увековечены на мемориальной стене Аллеи Героев в г. Элисте. Их имена присваиваются улицам, школам, даже населенным пунктам [Звезды над степью 1975; Золотое созвездие... 2006].

К сожалению, и в этой категории сравнительно-сопоставительный анализ с другими регионами невозможен по двум причинам. Во-первых, ввиду отсутствия полной информации по количеству награжденных этой наградой по всем регионам СССР. Во-вторых, в связи с размытостью самого понятия «житель региона». Ведь если говорить о Калмыкии, то в него входят и уроженцы республики, призванные из нашего и других регионов, и уроженцы других регионов, призванные на фронт из нашей республики, и жители районов, которые в 1941 г. входили в состав Калмыкии, но в 1957 г. не были возвращены в состав восстановленного региона.

Мой коллега С.Г. Ершов, который уже много лет занимается проблемами мемориализации земляков, павших в период Великой Отечественной войны, параллельно ведет неустанную работу по поиску жителей Калмыкии, отмеченных боевыми наградами, но неизвестных широким слоям населения. В этом году он разыскал еще одного нашего земляка, который заслуживает занесения на стену Аллеи Героев — полного кавалера орденов Славы **Федора Дмитриевича Щербакова**. Он родился в станице Замьяновской (ныне Енотаевского района) и осенью 1943 г. был призван на фронт Долбанским районным военкоматом (далее — РВК). В 1944–1945 гг. Федор Щербаков сражался в 263-й стрелковой дивизии и прошел славный боевой путь от Сиваша до Восточной Пруссии, сначала в составе роты автоматчиков 995-го стрелкового полка, затем в 316-й дивизионной роте разведки. За свои подвиги наш земляк был отмечен орденами Славы I, II, III степ., Красного Знамени, двумя медалями «За отвагу» [ОБД «Подвиг народа»]. В августе 1945 г. ефрейтор Щербаков демобилизовался и вернулся на родину. С 1957 г. он жил в селе Караванное Лиманского района и работал чабаном в колхозе.

Достаточно давно, хотя и не очень широко известен такой факт: калмыки по соотношению количества населения (согласно Всесоюзной переписи 1959 г.) к количеству Героев Советского Союза, отличившихся в Великой Отечественной войне (по данным на 1967 г. [см.: Красная звезда. 1967. 28 марта]), занимают второе место среди народов СССР. Однако в этом рейтинге есть несколько ошибок, поэтому, пересчитав все индексы заново, автор статьи включил исправленные показатели в эту таблицу (см. столбец 6 в табл. 1).

**Очиров У.Б. Жители Калмыкии — военнослужащие Красной армии,
представленные, но не награжденные «Золотой Звездой»**

Таблица 1

№	Национальность*	Кол-во героев	Кол-во населения, в млн чел.	Кол-во чел. (в тыс.) на одного героя**	Кол-во чел. (в тыс.) на одного героя, исправлено
1	Русские	7998	130	16,0 = V	16,25 = IV
2	Украинцы	2021	40	20,0 = VI	19,79 = VI
3	Белорусы	299	8,0	27,0 = X	26,76 = XI
4	Евреи	107	3,0	30,0 = XII	28,04 = XII
5	Татары	169	5,0	29,0 = XI	29,59 = XIII
6	Казахи	96	3,6	39,0 = XVI	37,5 = XVIII
7	Грузины	90	2,8	31,0 = XIII	31,11 = XV
8	Армяне	89	2,9	32,0 = XIV	32,58 = XVI
9	Узбеки	67	6,5	98,0 = XXI	97,01 = XXIV
10	Мордва	63	1,3	21,0 = VII	20,63 = VII
11	Чуваши	45	1,5	33,0 = XV	33,33 = XVII
12	Азербайджанцы	43	3,0	69,9 = XIX	69,77 = XXI
13	Башкиры	38	1,0	26,0 = IX	26,32 = X
14	Осетины	34	0,417	12,0 = I	12,26 = I
15	Туркмены	16	1,1	68,0 = XVIII	68,75 = XX
16	Литовцы	15	2,5	166,0 = XXV	166,66 = XXVII
17	Таджики	15	1,4	100,0 = XXII	93,33 = XXIII
18	Киргизы	12	1,0	83,0 = XX	83,33 = XXII
19	Латыши	12	1,5	125,0 = XXIV	125 = XXVI
20	Коми	10	0,300	30,0 = XII	30 = XIV
21	Удмурты	10	0,625	65,0 = XVII	62,5 = XIX
22	Карелы	8	0,175	21,0 = VII	21,88 = VIII
23	Эстонцы	9	1,0	110,0 = XXIII	111,11 = XXV
24	Калмыки	8***	0,110	14,0 = II	13,75 = II
25	Адыгейцы	6	0,090	15,0 = III	15 = III
26	Кабардинцы	9	0,210	24,0 = VIII	23,33 = IX
27	Абхазы	4	0,070	17,0 = IV	17,5 = V
28	Молдаване	2	2,3	1150 = XXVI	1150 = XXVIII
29	Якуты	2	0,250	1250 = XXIV	125 = XXVI

* В оригинале было написано «Территориальное деление по республикам и народностям», приводится более правильное наименование графы 2.

** Для удобства восприятия графу 6 («Занимаемое место по героизму») мы объединили с графой 5, проставив места римскими цифрами через символ “=”, выделив полужирным шрифтом. Поскольку в графе 5 и 6 есть ряд ошибок (в графе 5 табл. 1 все ошибочные сведения приведены по оригиналу), то индексы были пересчитаны заново и продублированы в новой графе 6.

*** Очевидно, что здесь не указаны: Э.Л. Бадмаев, награжденный в 1990 г., и О.И. Городовиков, награжденный за общие свои заслуги в 1918–1945 гг.

Данный рейтинг, конечно, дает повод для гордости за свой народ, но вместе с тем вызывает некоторые вопросы, даже если оставить за скобками многочисленные ошибки при расчетах.

Во-первых, неясно, почему в списке оказалось 29 национальностей, хотя к 1968 г. Герои Советского Союза — граждане СССР представляли 57 национальностей (без учета французов, чехов, испанцев и др. неграждан СССР). Если бы рейтинг рассчитывался на все народы СССР, то впереди оказались бы нанайцы, имеющие 1 Героя Советского Союза (А.П. Пассар) на 8,0 тыс. чел. С другой стороны, понятно, что одна персоналия в расчетах из пятизначных цифр входит в статистическую погрешность.

Во-вторых, количество Героев Советского Союза, награжденных за подвиги в Великой Отечественной войне, после 1967 г. заметно увеличилось. К 1985 г. количество русских из указанной категории увеличилось на 162 чел., а украинцев — на 48 чел., а ведь награждения происходили и позже. Два калмыка также получили звание Героев Советского Союза спустя много лет после представления: брянский партизан Михаил Сельгигов — в 1965 г., а командир роты 785-го стрелкового полка 144-й стрелковой дивизии 65-го стрелкового корпуса 5-й армии 1-го Дальневосточного фронта Эренцен Бадмаев — в 1990 г. Вместе с Эренценом Лиджиевичем было награждено еще 20 чел., в том числе чеченец Мовлид Висаитов, балкарец Мухажир Уммаев, лучший подводник СССР (по потопленному тоннажу) украинец Александр Маринеско и лучшая женщина-ас мира (по количеству сбитых самолетов) русская Лилия Литвяк [Герои страны]. Впрочем, перерасчет статистики по новым показателям на расположении мест в рейтинге никак не отразился.

В-третьих, почему в качестве одного из расчетных показателей выбрана перепись 1959 г. Ведь если многие другие народы к тому времени восстановили и заметно увеличили свою довоенную численность, то, например, численность калмыков из-за последствий депортации 1943–1957 гг. не только не восстановилась по сравнению с 1939 г., но сократилась более чем на 20%. Перерасчет рейтинга на базе 1939 г. привел к перестановкам в рейтинге. Осетины сохранили 1 место, но на 2 и 3 место вышли русские и украинцы, сместив адыгейцев, абхазов и калмыков на 4, 5 и 6 места соответственно. Впрочем, это перемещение по рейтингу не отменяет того факта, что калмыки сражались отважно и были отмечены за это высокими наградами. Кроме того, на рейтинге сказалась и депортация 1943 г. Если бы не снятие с фронта почти двух третей калмыков-военнослужащих, выживших к тому времени [см. Максимов 2010: 345–346], то возможностей для того, чтобы отличиться и быть награжденными «Золотой Звездой», наверняка было бы больше. Кроме того, нельзя исключать и такой фактор, как «понижение» наград представителям «репрессированных» национальностей.

Необходимо учесть следующий нюанс. Несмотря на то, что наградная система Советского Союза была упразднена, представления к званию Героя Советского Союза являются основанием для награждения

**Очиров У.Б. Жители Калмыкии — военнослужащие Красной армии,
представленные, но не награжденные «Золотой Звездой»**

аналогичной наградой РФ — присвоением звания Героя России. В базе данных «Герои страны» значится 113 Героев России — участников Великой Отечественной войны [Герои страны]. 19 Героев из 113 — представители репрессированных народов, их имена и должности, сгруппированные по Указам, приведены ниже:

Указ от 17 марта 1995 г.:

★ **Узденов Дугербий Танаевич** (1917–2005) — карачаевец, ком. группы особого назначения № 058 ГРУ, лейтенант. Представлен за подвиги на территории Украины и Польши. Вывез из Варшавы в Москву генерала «Роля» Жимерского — будущего маршала и главкома Армии Людовой.

Указ от 8 мая 1995 г.:

★ **Оздоев Мурад Ахметович** (1922–1999) — ингуш, летчик 431-го истребительного полка 315-й истребительной дивизии 15-й воздушной армии, младший лейтенант. Представлен за огненный таран 25 января 1944 г.

Указ от 6 июля 1995 г.:

★ **Костоев Ширвани Устарханович** (1923–1949) — ингуш, ком. звена 64-го штурмового авиационного полка, старший лейтенант. Представлен за более чем 100 боевых вылетов, 3 сбитых самолета и потопленный корабль противника.

★ **Мальсагов Ахмет Татарханович** (1912–1942) — ингуш, ком. звена 5-го ближнебомбардировочного полка 21-й смешанной авиадивизии ВВС Южного фронта, майор. Представлен за более чем 85 боевых вылетов и большое количество уничтоженной техники и живой силы.

Указ от 7 сентября 1995 г.:

★ **Бадахов Хамзат Ибраевич** (1917–1996) — карачаевец, ком. 4-го эскадрона 7-го гв. кавполка 2-й гв. кавдивизии 1-го гв. кавкорпуса, гв. старший лейтенант. Представлен за подвиги в боях на Лютежском плацдарме, под Киевом и Житомиром (Битва за Днепр).

★ **Гербеков Магомет Чомаевич** (1923–1992) — карачаевец, старшина, ком. минометного расчета 177-го отд. пулеметного батальона 57-й армии. Представлен за отличия при форсировании Южного Буга и Тисы.

★ **Голаев Джанибек Нанакович** (1917–1943) — карачаевец, ком. звена 32-го истребительного авиаполка 256-й истребительной авиадивизии 2-й воздушной армии, лейтенант. Представлен за 102 боевых вылета, 39 воздушных боев, 15 личных побед.

★ **Ижаев Абдулла Махаевич** (1920–1994) — карачаевец, ком. отделения разведки 310-го стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии, сержант. Был награжден двумя орденами Славы, представлялся к 3-му, но не получил. Звание Героя России присвоено по совокупности всех подвигов.

Указ от 5 октября 1995 г.:

★ **Биджиев Солтан-Хамид Локманович** (1919–1995) — карачаевец, летчик 90-го гв. штурмового полка 5-го штурмового корпуса 2-й воздушной армии, гв. младший лейтенант. Представлен за 91 боевой вылет и большое количество уничтоженной техники и живой силы.

★**Каракетов Юнус Кеккезович** («Коля Черный») (1919–1944) — карачаевец, ком. конного взвода Сенненской партизанской бригады Витебской области, лейтенант. Представлен за отличия в боях в Белоруссии.

★**Хаиркизов Кичибатыр Алимурзаевич** («Леня Черный») (1918–1943) — карачаевец, зам. ком. Сенненской партизанской бригады Витебской области, лейтенант. Представлен за отличия в боях в Белоруссии.

★**Чочуев Харун Адемеевич** (1919–1987) — карачаевец, ком. партизанского отряда «Свобода» в Словакии, старший лейтенант. Во время войны не представлялся.

Указ от 19 февраля 1996 г.:

★**Узуев Магомед Яхьяевич** (1917–1941) — чеченец, зам. ком. учебного взвода 333-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии, старший сержант. Герой Брестской крепости, во время войны не представлялся.

Указ от 2 мая 1996 г.:

★**Гептнер Эрик Георгиевич** (1907–1944) — немец, ком. звена 1-й эскадрильи 1-го гв. минно-торпедного авиаполка 8-й минно-торпедной авиадивизии Балтийского флота, гв. старший лейтенант. В 1943–1944 г. его экипаж потопил 5 вражеских судов на Балтике.

Указ от 16 мая 1996 г.:

★**Абдурахманов Канти** (1914–2000) — чеченец, ком. орудия батареи 156-го гв. стрелкового полка 51-й гв. дивизии 6-й гв. армии 1-го Прибалтийского фронта, старшина. Представлен за отличия под Витебском и при форсировании Западной Двины.

★**Умаров Мовлди Абдул-Вахабович** (1921–1943) — чеченец, ком. роты 7-го гв. стрелкового корпуса, старший лейтенант. Представлен посмертно за подвиг в бою под Скугарево в феврале 1943 г.

Указ от 19 июня 1996 г.:

★**Ганус Феодосий Григорьевич** (1912–1943) — немец, заряжающий КВ 344-го танкового батальона 91-й танковой бригады Донского фронта, сержант. Представлен посмертно за подвиг при штурме Сталинграда; весь экипаж, кроме него, был награжден «Золотыми Звездами».

Указ от 30 июня 1998 г.:

★**Карданов Охид Муссович** (1924–1944) — карачаевец, пулеметчик 65-го кавполка 32-й кавдивизии 3-го гв. кавкорпуса 1-го Белорусского фронта, рядовой. Представлен за отличия в боях в Белоруссии.

Указ от 1 сентября 2014 г.:

★**Абденанова Алиме Сеит-Османовна** (1924–1944) — крымская татарка, резидент разведгруппы Отдельной Приморской армии, красноармеец. В годы войны не представлялась [Герои страны].

Управление Президента РФ по государственным наградам (в разные годы его наименование менялось, здесь приведено сегодняшнее наименование) при подобных награждениях придерживается следующего принципа: звание Героя России может быть присвоено ветерану, представленному в 1941–1945 гг. к званию Героя Советского Союза,

Очиров У.Б. Жители Калмыкии — военнослужащие Красной армии, представленные, но не награжденные «Золотой Звездой»

при условии, что это представление не было реализовано другой, более «низкой» наградой. Следует заметить, что почти все 19 представителей репрессированных национальностей, вполне заслуженно удостоенных высокого звания Героев России, этим правилам не соответствуют: либо представлений на звание Героя Советского Союза в годы войны не было, либо они были реализованы более «низкими» наградами.

Увы, ветеранов 1941–1945 гг. из Калмыкии среди Героев России нет, и вовсе не потому, что нам некого представлять. В 1990–2010-е гг. Этот вопрос многократно поднимался общественностью республики: ветеранскими организациями, историками, патриотической молодежью и т. д. Руководство Калмыкии на словах выражало поддержку этим начинаниям, но в действительности ничего не сделало для того, чтобы реализовать инициативу «снизу». Общественный деятель А.И. Леджинов в беседе с одним из руководителей Управления Президента РФ по государственным наградам выяснил, что последнее официальное представление из Калмыкии в наградной отдел Верховного совета СССР поступило в 1990 г. за подписью председателя Верховного совета Калмыцкой АССР В.М. Басанова [ПМА: А.И. Леджинов].

Следует заметить, что выявить такие персоналии не так легко, как, допустим, по кавалерам орденов Славы или Александра Невского, даже с учетом появления такого банка данных, как ОБД «Подвиг народа», который существенно облегчил работу в этом направлении. Для того чтобы собрать представленный ниже список, потребовалось почти 12 лет поисковой работы. Автору не удалось бы достичь этого результата без поддержки коллег. Пользуясь случаем, хочу выразить свою благодарность главному библиографу КалмНЦ РАН Прасковье Эрдниевне Алексеевой, предоставившей свою библиографическую картотеку по персоналиям этой категории, кандидату филологических наук, писателю Николаю Цереновичу Манджиеву, добавившему в картотеку автора три неизвестные ему ранее персоналии [Манджиев 2015], активисту поискового движения, инициатору проекта «Поклон Солдатам Великой Победы» Сергею Григорьевичу Ершову, добавившему в картотеку автора двенадцать новых персоналий, кандидату филологических наук, поэтессе Римме Михайловне Ханиновой [Ханинова 2018] и Татьяне Манджиевне Саткуевой, предоставившим материалы о своих родственниках.

Перечислим имена этих героев, многие из которых оказались забыты. Фамилии наших земляков, представленных к званию Героя Советского Союза, приведены по алфавиту. Должность и звание указаны на момент представления к особому знаку отличия.

★Наводчик 76-мм орудия 902-го стрелкового полка 248-й Одесской стрелковой дивизии 9-го стрелкового корпуса 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта сержант **Алексей Денисович Альбошкин**, призванный в феврале 1943 г. Яшалтинским РВК, был представлен 15 января 1945 г. за подвиг, совершенный при форсировании Пилицы.

Представление было реализовано орденом Славы II степ. Сержант Альбошкин погиб 28 апреля 1945 г.

★ Сапер 328-го армейского инженерного батальона 5-го гв. Донского казачьего кавалерийского корпуса 2-го Украинского фронта ефрейтор **Иван Кузьмич Бабенко**, призванный в апреле 1943 г. Сарпинским РВК, был представлен 8 апреля 1944 г. за подвиг, совершенный во время разминирования моста через Реут под огнем противника. Представление было реализовано орденом Отечественной войны I степ.

★ Командир батальона 1179-го стрелкового полка 347-й Мелитопольской стрелковой дивизии 37-го стрелкового корпуса 28-й армии 4-го Украинского фронта капитан **Иван Кириллович Базюк**, призванный в 1939 г. Западным РВК, был представлен 30 октября 1943 г. за умелое руководство боем и подвиги, совершенные в боях за г. Мелитополь и на подступах к нему. Представление было реализовано орденом Суворова III степ.

★ Командир орудия 690-го стрелкового полка 126-й Горловской стрелковой дивизии 54-го стрелкового корпуса 51-й армии 4-го Украинского фронта старший сержант **Николай Иванович Бутенко**, призванный в начале 1943 г. Малодербетовским РВК, был представлен 6 ноября 1943 г. за подвиг, совершенный при штурме Турецкого вала. Представление было реализовано орденом Красного Знамени. Старший сержант Бутенко погиб 28 февраля 1945 г.

★ Командир орудия 4-го гв. стрелкового полка 6-й гв. стрелковой дивизии 17-го гв. стрелкового корпуса 13-й армии Воронежского фронта гв. старшина **Карп Игнатьевич Горбанев**, призванный в феврале 1942 г. Западным РВК, был представлен 1 октября 1943 г. за подвиги, совершенные при форсировании Днепра, Десны, Припяти и в боях на черныбыльском плацдарме. Представление было реализовано орденом Красного Знамени.

★ Стрелок 1374-го стрелкового полка 416-й Таганрогской стрелковой дивизии 28-й армии 4-го Украинского фронта рядовой **Андрей Яковлевич Горлов**, призванный Малодербетовским РВК в конце 1941 г., был представлен 25 октября 1943 г. за подвиг, совершенный при форсировании Молочной. Представление было реализовано орденом Богдана Хмельницкого III степ.

★ Телефонист взвода связи 53-го гв. кавалерийского полка 15-й гв. кавалерийской дивизии 7-го гв. кавалерийского корпуса Белорусского фронта красноармеец **Михаил Михайлович Деркач**, призванный Долбанским РВК в ноябре 1942 г., был представлен 11 октября 1943 г. за подвиги, совершенные в боях на днепровском плацдарме. Представление было реализовано орденом Красного Знамени.

★ Командир орудия 55-го гв. кавалерийского полка 15-й гв. Мозырской кавалерийской дивизии 7-го гв. кавалерийского корпуса 1-го Белорусского фронта гв. сержант **Георгий Иванович Кузьмин**, призванный из с. Оля Икрянинским РВК Астраханского округа в ноябре 1942 г., был

**Очиров У.Б. Жители Калмыкии — военнослужащие Красной армии,
представленные, но не награжденные «Золотой Звездой»**

представлен 4 февраля 1945 г. за подвиг, совершенный в боях под Лодзью. Представление было реализовано орденом Красного Знамени.

★ Пулеметчик моторизованного батальона автоматчиков 62-й гв. танковой бригады 10-го гв. Уральского танкового корпуса 4-й танковой армии 1-го Украинского фронта гв. рядовой **Михаил Ильич Кузнецов**, призванный в 1944 г. Элистинским ГВК, был представлен 2 февраля 1945 г. за подвиг, совершенный при форсировании Одера. Представление было реализовано орденом Отечественной войны II степ.

★ Командир орудия 810-го артиллерийского полка 270-й Демидовской стрелковой дивизии 103-го стрелкового корпуса 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта сержант **Тимофей Яковлевич Кутыгин**, призванный в марте 1942 г. Лаганским РВК, был представлен 1 июля 1944 г. за подвиг, совершенный при форсировании Западной Двины. Представление было реализовано орденом Красного Знамени.

★ Командир дивизиона 1115-го гаубичного артиллерийского полка 172-й гаубичной артиллерийской бригады 14-й артиллерийской дивизии прорыва РГК 6-го артиллерийского корпуса прорыва РГК 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта капитан **Дмитрий Васильевич Матюнин**, призванный в 1941 г. Элистинским ГВК, был представлен 1 мая 1945 г. за умелое руководство боями при штурме Берлина. Представление было реализовано орденом Красного Знамени.

★ Командир 307-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона 249-й Эстонской стрелковой дивизии 8-го Эстонского стрелкового корпуса 8-й армии Ленинградского фронта майор **Владимир Антонович Миллер**, уроженец Эсто-Хагинки, повторно призванный Торопецким РВК Калининской области в мае 1940 г., был представлен 15 октября 1944 г. (посмертно) за умелое руководство при взятии Хаапсалу и боях на Сааремаа и проявленный при этом героизм. Представление было реализовано орденом Красного Знамени. Майор Миллер погиб 10 октября 1944 г.

★ Замполит командира 2-го батальона 857-го стрелкового полка 294-й Черкасской стрелковой дивизии 73-го стрелкового корпуса 52-й армии 2-го Украинского фронта капитан **Табун Мукабенов**, повторно призванный Сабирабадским РВК Азербайджанской ССР в сентябре 1941 г., был представлен 15 апреля 1944 г. за умелое командование при освобождении Правобережной Украины и проявленные при этом героизм. Представление было реализовано орденом Красного Знамени.

★ Автоматчик 240-го стрелкового полка 117-й стрелковой дивизии 69-й армии 1-го Белорусского фронта красноармеец **Анатолий Тихонович Нестеренко**, призванный из Вознесенки Приютненским РВК в июне 1943 г., был представлен 12 сентября 1944 г. за подвиг, совершенный при форсировании Вислы и в боях на Сандомирском плацдарме. Представление было реализовано орденом Красного Знамени.

★ Огнеметчик 46-го отд. батальона ранцевых огнеметов 22-го стрелкового корпуса 6-й армии 1-го Украинского фронта красноармеец **Андрей**

Гаврилович Никулин, призванный Лаганским РВК в апреле 1944 г., был представлен 26 марта 1945 г. за подвиг, совершенный при штурме Бреслау. Представление было реализовано орденом Красного Знамени.

★Замполит командира 2-го батальона 9-й гв. механизированной бригады 3-го гв. Сталинградского механизированного корпуса 47-й армии 1-го Украинского фронта гв. капитан **Халга Менкенович Очиров**, повторно призванный Черноземельским РВК в 1941 г., был представлен 7 октября 1943 г. (посмертно) за умелое руководство боями при форсировании Днепра и проявленные при этом мужество и героизм. Представление было реализовано орденом Ленина. Гв. капитан Очиров погиб 2 октября 1943 г.

★Помощник командира роты связи 313-го гв. стрелкового полка 110-й гв. Александрийской стрелковой дивизии 49-го стрелкового корпуса 53-й армии 2-го Украинского фронта гв. рядовой **Яков Ильич Пономарев**, призванный Малодербетовским РВК в августе 1941 г., был представлен 8 апреля 1944 г. за подвиг, совершенный при форсировании Днестра. Представление было реализовано орденом Отечественной войны I степ.

★Командир батареи 153-го гв. Уразовского артиллерийского полка 73-й гв. Сталинградской стрелковой дивизии 24-го гв. стрелкового корпуса 7-й гв. армии 2-го Украинского фронта старший лейтенант **Павел Степанович Попов**, призванный Элистинским ГВК в сентябре 1938 г., был представлен 18 октября 1944 г. за подвиг, совершенный при форсировании Днепра и боях на Бородаевском плацдарме. Представление было реализовано орденом Красного Знамени.

★Командир 368-го истребительно-противотанкового дивизиона 280-й Конотопско-Коростеньской стрелковой дивизии 27-го стрелкового корпуса 13-й армии 1-го Украинского фронта майор **Андрей Петрович Сербин**, повторно призванный Западным РВК в марте 1942 г., был представлен 19 января 1945 г. за умелое руководство боями под г. Кельцы. Представление было реализовано орденом Красного Знамени.

★Командир отделения 116-го саперного батальона 41-й стрелковой дивизии 25-го стрелкового корпуса 69-й армии 1-го Белорусского фронта старший сержант **Кузьма Тимофеевич Тельнов**, призванный в сентябре 1939 г. Малодербетовским РВК, был представлен 7 августа 1944 г. за подвиг, совершенный при форсировании Вислы. Представление было реализовано орденом Красного Знамени.

★Пулеметчик 1270-го стрелкового полка 385-й Кричевской стрелковой дивизии 70-го стрелкового корпуса 49-й армии 2-го Белорусского фронта гв. рядовой **Василий Леонтьевич Терещенко**, призванный Приютненским РВК в декабре 1942 г., был представлен 28 апреля 1945 г. за подвиг, совершенный при форсировании Одера. Представление было реализовано орденом Красного Знамени.

★Командир взвода 3-го мотострелкового батальона 6-й гв. Волновхской механизированной бригады 2-го гв. механизированного корпу-

**Очиров У.Б. Жители Калмыкии — военнослужащие Красной армии,
представленные, но не награжденные «Золотой Звездой»**

са 4-го Украинского фронта гв. младший лейтенант **Василий Кононович Токарев**, призванный Черноземельским РВК в августе 1942 г., был представлен 3 января 1944 г. (посмертно) за подвиг, совершенный при форсировании Днепра. Представление было реализовано орденом Отечественной войны I степ. Гв. младший лейтенант Токарев погиб 3 ноября 1943 г.

★ Командир пулеметного отделения 2-й пулеметной роты 244-го стрелкового полка 41-й стрелковой дивизии 63-й армии Белорусского фронта старшина **Сангаджи Цаганманджиев**, призванный Долбанским РВК в августе 1941 г., был представлен 30 декабря 1943 г. (посмертно) за умелое руководство боями и проявленный при этом героизм. Представление было реализовано орденом Отечественной войны II степ. Старшина Цаганманджиев погиб 24 декабря 1943 г. [ОБД «Подвиг народа»].

Некоторые отклоненные представления наших земляков к званию Героя Советского Союза оказались уничтожены и остались без реализации или были заменены новыми, к более «низким» наградам. К таковым можно отнести:

★ Представление на командира взвода ПТР 1019-го стрелкового полка 307-й стрелковой дивизии 13-й армии Центрального фронта лейтенанта **Годжу Богольдановича Сариева**, призванного Лаганским РВК в августе 1941 г., за мужество и отвагу, проявленные в боях на Курской дуге. Сначала представление «застряло» из-за уточнения отчества героя, а после высылки калмыков оказалось и вовсе уничтожено. Факты представления, возврата и уничтожения подтверждается свидетельствами его бывших командиров [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 55. Л. 6–8].

★ Представление на командира взвода 315-го истребительно-противотанкового полка РК 52-й армии 2-го Украинского фронта младшего лейтенанта **Бориса Лиджановича Бадинова**, призванного Приютненским РВК в 1940 г., за умелое руководство боями, проявленное в Яско-Кишиневской операции. Представление было уничтожено и заменено на новое — к ордену Отечественной войны II степ. Факт представления подтверждается сослуживцами ветерана [Манджиев 2004: 220].

★ Остается неизвестной судьба представления (посмертно) на командира взвода 311-го кавалерийского полка 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии гв. младшего лейтенанта **Пюрвя Санджиевича Саткуева**, призванного Элистинским ГВК в 1939 г., за многочисленные подвиги, совершенные в боях на Северном Кавказе. Факт представления подтверждается свидетельством сослуживца А.Х. Бамбышева [ЛАА: Копия письма А.Х. Бамбышева].

Кроме того, к званию Героя Советского Союза представлялись наши земляки — партизаны, которые формально не относились к ведению наркомата обороны:

★ Командир взвода 208-го партизанского отряда (полка), затем роты 15-го партизанского полка (бригады) военно-оперативной группы Моги-

левского подпольного обкома младший лейтенант **Михаил Ванькаевич Хонинов**, призванный Элистинским ГВК в октябре 1939 г., был представлен за умелое руководство боями и многочисленные подвиги на территории Белоруссии в 1942–1944 гг. уже после войны. Представление не было реализовано.

★ Партизан отряда № 59 «Гром» **Юрий Константинович Клыков**, в сентябре 1942 г. (в 16 лет) поступивший добровольцем в отряд № 59 «Гром», был представлен 2 марта 1943 г. Калмыцким обкомом ВКП(б) за подвиг, совершенный в боях на территории Калмыкии. Представление было реализовано в 1965 г. орденом Отечественной войны I степ.

★ Партизанка отряда № 57 «Павел» **Тамара Даниловна Хахлынова**, в октябре 1942 г. поступившая добровольцем в отряд № 57 «Павел», была представлена 2 марта 1943 г. Калмыцким обкомом ВКП(б) за подвиг, совершенный в боях на территории Калмыкии. Представление было реализовано в 1965 г. орденом Отечественной войны I степ. [Калмыкия... 2005].

Следует заметить, что в прессе, в записях интервью информантов или в частных разговорах встречаются упоминания о других наших земляках, которые представлялись к особому знаку отличия, но не получили их по разного рода причинам. Однако из-за отсутствия достоверных подтверждений (наградного листа или свидетельств очевидцев, видевших такой документ) автор этих людей в статью пока включать не стал. Однако нельзя исключать возможности, что когда-нибудь будут найдены документы, которые позволят ввести в список новые персоналии.

Таким образом, на данный момент в картотеке военнослужащих — жителей Калмыкии, представленных к званию Героя Советского Союза, но не получивших этой награды, значится 29 персоналий.

27 из них являлись военнослужащими Красной армии (один из них попал на территорию, оккупированную врагом, и стал партизаном), двое — партизанами, призванными через систему НКВД, принявшими военную присягу и прошедшими обучение в специальной диверсионной школе.

26 представлений подтверждаются наградными листами. Три наградных листа были уничтожены или пропали, но их существование подтверждается свидетельствами очевидцев. Например, наличие наградного листа на звание Героя Советского Союза Г.Б. Сариева подтвердили его непосредственные начальники: бывшие командиры роты Д.А. Бочарников и 1019-го стрелкового полка А.Ф. Цуканов. Мало того, стремясь восстановить справедливость, они вновь составили это представление в 1968 г. и добились его поддержки у бывшего командира 307-й дивизии М.А. Еншина и бывшего члена Военного совета Центрального фронта К.Ф. Телегина (бывшие командующие 13-й армией Н.И. Пухов и Центральным фронтом К.К. Рокоссовский к тому времени уже умерли) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 55. Л. 6–10, 55–56].

Очиров У.Б. Жители Калмыкии — военнослужащие Красной армии, представленные, но не награжденные «Золотой Звездой»

По своим специальностям герои распределились следующим образом: 10 артиллеристов (большой частью из полковой и дивизионной артиллерии), 3 пулеметчика, 6 пехотинцев (большой частью офицеры, включая двух «мотопехотников»), 2 сапера, 2 связиста, 1 кавалерист (офицер), 1 бронбойщик, 1 огнеметчик, 3 партизана. При этом почти половина из изучаемых персоналий были офицерами (13 из 27), в звании не выше майора. Кстати, оба майора относились к национальностям, не типичным для Калмыкии: В.А. Миллер был эстонцем, а А.П. Сербин — молдаванином.

Распределение по фронтам (без учета партизан) выглядит следующим образом: 1-й Украинский (включая Воронежский фронт) — 5 персоналий, 2-й Украинский — 5, 4-й Украинский — 4, 1-й Белорусский (включая Центральный и Белорусский фронты) — 8, 2-й Белорусский — 1, 1-й Прибалтийский — 1, Ленинградский — 1, Закавказский — 1. Преобладание 1-го Белорусского фронта выглядит вполне очевидным: это объединение в 1944–1945 гг. находилось на направлении главного удара, имело больше всего войск, а у его воинов было больше возможностей, чтобы отличиться и заслужить представление к особому знаку отличия. То же самое можно сказать и о 1-м Украинском фронте, но удивляет его «отставание» от 1-го Белорусского фронта и «равенство» с гораздо более слабым и менее активным 2-м Украинским фронтом. При этом следует отметить, что среди жителей Калмыкии — Героев Советского Союза всего один воин 1-го Украинского фронта (В.В. Мергасов) и нет ни одного представителя 2-го Украинского фронта. Среди изучаемых персоналий нет ни одного представителя 3-го Украинского фронта, притом что четверо жителей Калмыкии стали Героями Советского Союза (по одному и тому же Указу от 24 марта 1945 г.). Не должны вызывать удивления и 4 персоналии из 4-го Украинского фронта. Все они являлись военнослужащими 28-й и 51-й армий, которые в конце 1942 г. — начале 1943 г. сражались на территории Калмыкии и активно пополнялись за счет местных жителей (исключением является В.К. Токарев, служивший во 2-м гв. механизированном корпусе фронтового подчинения).

Наконец, распределение по национальностям: 17 русских, 2 украинца, 8 калмыков, 1 эстонец, 1 молдаванин. Как видно, нельзя говорить о том, что калмыков массово «затирали» и «понижали» в наградах, хотя такие случаи действительно имели место, например, с Э.Л. Бадмаевым.

В большинстве случаев нам неизвестны причины, вынудившие вышестоящее командование «понизить» награду. Но те случаи, которые нам известны, позволяют говорить о субъективности таких решений, которые были связаны с национальностью героя (как это было с Г.Б. Сариевым), с опалой, наложенной командованием на все соединение (как это было с Т.Я. Кутыгиным), с чертами характера нового командующего, который решил продемонстрировать свою «крутость» и разом «понижил» все пред-

ставленные наградные листы (в том числе и на Т. Мукабенова), с временным исключением из партии (как это было с М.В. Хониновым) и т. д.

Таким образом, можно говорить, что во многих случаях была проявлена несправедливость по отношению к людям, которые защитили наше Отечество от нашествия самого страшного и опасного врага в истории человечества. Впрочем, для наших земляков-героев, абсолютного большинства которых уже нет рядом с нами, не менее важной наградой станет сохранение их подвигов в памяти народа. Ведь неслучайно говорят, что погибший жив, пока о нем помнят. Эта статья является нашим вкладом в дело сохранения памяти о них.

Источники

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / Сост. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, А.А. Исупов, И.Н. Киселев. М.: Наука, 1992. 256 с.

Герои страны [Электронный ресурс: Режим доступа: URL: <http://www.warheroes.ru/> (дата обращения: 01.06.2019)].

Золотое созвездие Калмыкии. Герои Советского Союза: методико-библиогр. пособие / сост. Н.С. Нимеева. Элиста: б/и, 2006. 129 с.

Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы / Сост. М.Л. Кичиков, Л.П. Коженбаева, А.И. Наберухин и др. Изд. 3-е. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 784 с.

Красная Звезда (газета).

Личный архив автора (ЛАА).

Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН).

ОБД «Подвиг народа».

Полевые материалы автора (ПМА): Александр Иванович Леджинов, 1956 г. рождения, личная переписка 2019 г.

Литература

Звезды над степью: Очерки о Героях Сов. Союза. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. 247 с.

Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Наука, 2010. 406 с.

Манджиев Н.Ц. Достоин награждения. М.: Принт Про, 2015. 498 с.

Манджиев Н.Ц. Кердата и кердадинцы. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 528 с.

Очиров 2016а — *Очиров У.Б.* База данных калмыков — кавалеров ордена Славы: опыт составления и статистический анализ // Русская старина. 2016. № 3(19). С. 218–239.

Очиров 2016б — *Очиров У.Б.* Калмыки — кавалеры ордена Александра Невского // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4. С. 29–39.

Очиров У.Б. Жители Калмыкии — кавалеры «полководческих» орденов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 5. С. 27–47.

Ханинова Р.М. Михаил Хонинов: сто лет и одна жизнь: в 2 ч. Ч. 1. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2018. 212 с.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЯХ ЮГА РСФСР В 1958–1976 гг.*

Гунаев Евгений Александрович¹

¹ кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).
E-mail: gunayev@yandex.ru

Аннотация: В статье на примере национальных автономий Юга РСФСР рассмотрена система управления в 1958–1976 гг. Основными элементами эволюции системы управления на указанном этапе являлись: во-первых, изменения, связанные с процессом восстановления государственности репрессированных народов (преобразование Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР; внесение и утверждение изменений в Конституции Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Чечено-Ингушской АССР; проведение в 1958 г. выборов в высшие представительные органы власти данных республик); во-вторых, изменения в структуре органов государственной власти (министерств и ведомств) в последующие годы до принятия Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г., обусловленные реформированием системы управления.

Ключевые слова: система управления; РСФСР; национальные автономии; Северный Кавказ.

Развитие системы управления в национальных автономиях Юга РСФСР в период после 1958 г. связано с восстановлением государственности репрессированных народов (Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Чечено-Ингушетия), а также общей эволюцией государственного устройства в 1960–1970-е гг. до принятия «брежневской» Конституции СССР 1977 г. В советской науке данному периоду посвящена работа «История национально-государственного строительства в СССР [1917–1972 гг.]» [История 1972]. В современной историографии указанные вопросы в различных аспектах исследуются в контексте истории хозяйственно-экономического и национально-государственного строительства республик Юга России [см., напр.: Бугаев 2017; Булыгина 2013; Илюмжинов, Максимов 1998; Максимов 2000а; Максимов 2000б; Сайдумов, Сайдумов 2013; Сайдумов 2018 и др.]. В настоящей статье автор

*Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

вводит в научный оборот новый архивный материал по истории преобразования Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР в 1958 г. Также рассматривается общая эволюция системы управления в историко-правовом аспекте (с позиции законодательных изменений).

В 1958 г. Калмыцкая автономная область была преобразована в Калмыцкую АССР, тем самым восстанавливалась государственность республики в форме, существовавшей до ее ликвидации и насильственного выселения калмыков в декабре 1943 г. [Указ 1958а]. Историко-правовые аспекты преобразования автономной области в автономную республику отражены в документах (проекты, указы, справки, замечания) Верховного Совета РСФСР периода июля–августа 1958 г. В частности, в сведениях по истории республики отмечается, что:

«1. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 4 ноября 1920 г. образована Калмыцкая автономная область.

2. Постановлением ВЦИК от 22 октября 1935 г. Калмыцкая автономная область преобразована в Калмыцкую АССР.

3. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. Калмыцкая АССР ликвидирована. Какого-либо акта Президиума Верховного Совета РСФСР по вопросу ликвидации Калмыцкой АССР не принималось.

20 июня 1944 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление, которым были признаны утратившими силу полномочия депутата Верховного Совета РСФСР Пюрвеева Д.П., избранного по Степновскому избирательному округу Калмыцкой АССР.

4. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. признано необходимым восстановить национальную автономию калмыцкого народа.

В соответствии с этим, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 г. образована Калмыцкая автономная область в составе Ставропольского края» [НАРК. Ф. Р-309. Оп. 7. Д. 22. Л. 1–5].

В данных документах также содержится ряд разъяснений и предложений об оформлении «в советском порядке» вопроса о преобразовании Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР. Процедура, по мнению центральных властей, должна была быть следующей:

«1. Ходатайство о преобразовании Калмыцкой автономной области в Калмыцкую автономную республику возбуждается от имени областного Совета Калмыцкой автономной области, в связи с чем должна быть созвана сессия областного Совета депутатов трудящихся для обсуждения этого вопроса.

Решение областного Совета должно быть направлено в Президиум Верховного Совета РСФСР и Ставропольскому крайисполкому.

2. В связи с тем, что Калмыцкая автономная область входит в состав Ставропольского края, по вопросу преобразования Калмыцкой автономной области в АССР должно быть высказано также мнение ставропольских краевых организаций.

Решение Ставропольского крайисполкома по этому вопросу представляется в Президиум Верховного Совета РСФСР.

3. Президиум Верховного Совета РСФСР на основании решений областного Совета Калмыцкой автономной области и Ставропольского крайисполкома принимает постановление о преобразовании Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР.

Желательно, чтобы этот вопрос был обсужден на заседании Президиума, в присутствии представителей Калмыцкого облисполкома и Ставропольского крайисполкома.

В соответствии с пунктом «е» статьи 14 Конституции СССР постановление Президиума Верховного Совета РСФСР о преобразовании Калмыцкой автономной области в АССР представляется на утверждение в Президиум Верховного Совета СССР.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о преобразовании Калмыцкой автономной области в АССР подлежит утверждению Верховного Совета СССР и, в связи с этим, Верховный Совет СССР решает вопрос о внесении соответствующих изменений в Конституцию СССР.

После внесения изменений в Конституцию СССР на сессии Верховного Совета РСФСР должен быть решен вопрос о внесении соответствующих изменений в Конституцию РСФСР» [НАРК. Ф. Р-309. Оп. 7. Д. 22. Л. 1–5].

Также содержатся предложения об органах государственной власти и управления Калмыцкой АССР:

«1. После принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР о преобразовании Калмыцкой автономной области в АССР необходимо решить вопрос об органах государственной власти и управления Калмыцкой АССР.

После принятия Конституции СССР 1936 г. не было случаев преобразования автономных областей в автономные республики, поэтому нет и практики решения в подобных случаях вопросов об органах власти и управления. До принятия Конституции СССР 1936 г. аналогичные вопросы решались следующим образом (см. пример Удмуртской АССР).

По аналогии с этим можно было бы принять такой порядок решения вопроса об органах власти и управления Калмыцкой АССР:

а) Выборы в Верховный Совет Калмыцкой АССР в настоящее время не проводить, т.к. до общих выборов осталось 8 месяцев.

б) Преобразовать Указом Президиума Верховного Совета РСФСР, впредь до выборов, областной Совет депутатов трудящихся Калмыц-

кой автономной области в Верховный Совет Калмыцкой АССР (в областной Совет избрано 79 депутатов) и поручить облисполкому созвать первую сессию Верховного Совета Калмыцкой АССР. В этом же Указе оговорить, что впредь до созыва сессии Верховного Совета Калмыцкой АССР поручить облисполкому выполнять функции по управлению хозяйственным и культурным строительством в республике.

На первой сессии Верховного Совета республики принять Конституцию республики, избрать Президиум Верховного Совета и образовать Правительство.

Второй вариант. Не преобразовывать областной Совет Калмыцкой автономной области в Верховный Совет АССР, а возложить, впредь до выборов, на областной Совет выполнение функций Верховного Совета республики, а на облисполком — функции Президиума Верховного Совета и Совета Министров республики.

Третий вариант. Не принимать Указа Президиума Верховного Совета РСФСР об органах власти и управления Калмыцкой АССР. Облисполком созывает сессию областного Совета и на сессии принимается решение о преобразовании впредь до выборов областного Совета в Верховный Совет АССР. После этого открывается первая сессия Верховного Совета Калмыцкой АССР, на которой и решается вопрос о принятии Конституции республики, об избрании Президиума Верховного Совета и образовании Правительства республики.

2. После решения вопроса о преобразовании Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР на сессии Ставропольского краевого Совета по докладу Мандатной комиссии должно быть принято решение считать утратившими полномочия депутатов краевого Совета, избранных по избирательным округам, образованным на территории Калмыцкой АССР» [НАРК. Ф. Р-309. Оп. 7. Д. 22. Л. 1–5].

По выборам в Совет Национальностей Верховного Совета СССР от Калмыцкой АССР содержались следующие предложения:

«Согласно Конституции СССР, в Совет Национальностей Верховного Совета СССР избирается 11 депутатов от каждой АССР и 5 депутатов от каждой автономной области. В связи с преобразованием автономной области в АССР необходимо провести выборы в Совет Национальностей от Калмыцкой АССР. Поскольку в настоящее время вся Калмыцкая автономная область разделена на 5 округов по выборам в Совет Национальностей, а после преобразования области в республику предстоит избрать 11 депутатов, то полномочия избранных 16 марта 1958 г. 5 депутатов в Совет Национальностей от Калмыцкой автономной области должны быть признаны утратившими силу.

Если же сохранить полномочия этих 5 депутатов и доизбрать дополнительно 6 депутатов, то это поведет к нарушению принципа ра-

венства на выборах, т. к. многие избиратели будут дважды голосовать на выборах депутатов в один и тот же орган» [НАРК. Ф. Р-309. Оп. 7. Д. 22. Л. 1–5].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 августа 1958 г. «О временном возложении руководства хозяйственным и культурным строительством на территории Калмыцкой АССР на областной Совет депутатов трудящихся Калмыцкой автономной области и его исполнительный комитет» впредь до выборов Верховного Совета Калмыцкой АССР руководство хозяйственным и культурным строительством на территории Калмыцкой АССР было возложено на областной Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет [Указ 1958б].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 августа 1958 г. «О назначении выборов в Верховный Совет Калмыцкой АССР» выборы в Верховный Совет Калмыцкой АССР были назначены на 19 октября 1958 г. Срок избирательной кампании был установлен в один месяц. Исполнительному комитету областного Совета депутатов трудящихся поручалось утвердить Временное положение о выборах в Верховный Совет Калмыцкой АССР [Указ 1958в].

Как видим, выборы были назначены и проведены уже в октябре 1958 г., а не через 8 месяцев, т. е. в марте 1959 г., как предлагалось в проектах Верховного Совета РСФСР. На 1 марта 1959 г. были назначены выборы в Совет Национальностей от Калмыцкой АССР в Верховный Совет СССР одновременно с выборами в Верховный Совет РСФСР и местные Советы депутатов трудящихся [Книга памяти 2004а: 334–336]. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об избирательных округах по выборам в Совет Национальностей от Калмыцкой АССР» от 9 января 1959 г. были образованы 11 избирательных округов (в г. Элиста и 10 районах республики) [Указ 1959; Илюмжинов, Максимов 1998: 127].

На шестой сессии (26–27 декабря 1958 г.) Верховного Совета РСФСР четвертого созыва были приняты законы об утверждении изменений и дополнений текстов Конституций Кабардино-Балкарской, Калмыцкой и Чечено-Ингушской Автономных Советских Социалистических Республик. Принятие данных законов объяснялось, тем что «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза отметил допущенные в прошлом отдельные факты грубого нарушения принципов ленинской национальной политики и указал, что равноправие и дружба народов составляют незыблемую основу могущества и непобедимой силы советского государственного строя. Центральный Комитет КПСС и Советское правительство, руководствуясь решениями XX съезда, осуществили меры по восстановлению национальных автономий балкарского, чеченского, ингушского и калмыцкого народов и обеспечили создание не-

обходимых условий для всестороннего развития экономики и культуры этих национальностей» [Заседания 1959: 168].

В 1957 г. была восстановлена Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика, Кабардинская АССР была преобразована в Кабардино-Балкарскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. В июле 1958 г. Калмыцкая автономная область была преобразована в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику. *«Чеченский, ингушский, балкарский и калмыцкий народы встретили эти преобразования с чувством величайшей благодарности партии, ее ленинскому Центральному Комитету и Советскому правительству» [Заседания 1959: 168].*

В 1958 г. народы Чечено-Ингушской и Калмыцкой автономных республик на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании избрали высшие органы власти своих республик. 16 марта состоялись выборы в Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР, 19 октября — выборы в Верховный Совет Калмыцкой АССР.

15–16 апреля 1958 г. состоялась первая сессия Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. На этой сессии Верховный Совет внес изменения и дополнения в текст Конституции Чечено-Ингушской АССР. 28 октября 1958 г. состоялась первая сессия Верховного Совета Калмыцкой АССР, на которой также был принят Закон об изменении и дополнении текста Конституции Калмыцкой АССР. В Конституциях автономных республик было предусмотрено, что изменение Конституции автономной республики производится по решению Верховного Совета автономной республики с последующим утверждением Верховным Советом РСФСР. В соответствии с этим Верховные Советы Чечено-Ингушской и Калмыцкой АССР представили на утверждение Верховного Совета РСФСР Законы об изменении и дополнении текстов Конституций Чечено-Ингушской и Калмыцкой АССР [Заседания Верховного Совета 1959: 169].

Конституции Чечено-Ингушской и Калмыцкой АССР были утверждены Верховным Советом РСФСР 2 июня 1940 г. С этого времени прошло около 20 лет, за истекшие годы развивалась советская государственная система. Так, в Чечено-Ингушской и Калмыцкой автономных республиках произошли изменения в административно-территориальном делении и были произведены некоторые изменения в структуре государственных органов. Все эти изменения нашли свое отражение в принятых Верховными Советами Чечено-Ингушской и Калмыцкой автономных республик Законах о внесении изменений и дополнений в тексты Конституций Чечено-Ингушской и Калмыцкой АССР [Заседания Верховного Совета 1959: 169–170].

Комиссия законодательных предположений Верховного Совета РСФСР рассмотрела изменения и дополнения, внесенные в Конституции Чечено-Ингушской и Калмыцкой автономных республик, и признала их соответствующими Конституции РСФСР и изменившимся условиям жизни этих республик. Эти изменения и дополнения в основном сводились к следующему.

В статью 14 Конституций Чечено-Ингушской АССР и Калмыцкой АССР вносились изменения, уточняющие административно-территориальное деление этих республик. Статья 30 Конституций указанных республик, в которой была изложена компетенция Президиума Верховного Совета АССР, дополнялась новым пунктом о том, что Президиум Верховного Совета устанавливает почетные звания АССР. В статье 36 изменялся срок созыва вновь избранного Верховного Совета и устанавливалось, что вновь избранный Верховный Совет автономной республики созывается Президиумом Верховного Совета прежнего созыва не позднее трех месяцев после выборов.

В связи с Законом СССР от 15 марта 1946 г. Советы Народных Комиссаров союзных и автономных республик были преобразованы в Советы Министров союзных и автономных республик, а Народные комиссариаты союзных и автономных республик — в Министерства союзных и автономных республик [Закон СССР 1946]. Соответствующие изменения были внесены в тексты Конституций СССР 1936 г., Конституций РСФСР 1937 г., а также автономных республик.

В связи с произведенными преобразованиями в системе органов государственного управления были внесены изменения в статьи Конституций Чечено-Ингушской и Калмыцкой АССР, в которых определялся состав Советов Министров республик. Эти статьи были приведены в соответствие со статьей 69 Конституции РСФСР.

В целях усиления руководства со стороны Советов и их исполнительных комитетов хозяйственным и культурным строительством Верховный Совет РСФСР в 1957 г. внес изменение в статью 86 Конституции РСФСР, которая предусматривала, что сессии городских и сельских Советов депутатов трудящихся должны созываться не реже шести раз в год вместо не реже одного раза в месяц. Аналогичные изменения были внесены в статью 57 Конституций указанных республик.

В соответствии с изменениями, происшедшими за указанные годы в структуре исполнительных комитетов районных и городских Советов, были внесены поправки в статьи 63 и 66.

В статью 86, в которой говорилось о праве граждан Чечено-Ингушской и Калмыцкой АССР на отдых, было внесено изменение на основе Закона, принятого Верховным Советом РСФСР в марте 1948 г.

В соответствии со статьей 126 Конституции РСФСР было внесено дополнение в статью 89 о том, что возможность осуществления женщиной предоставленных ей прав обеспечивается также государственной помощью многодетным и одиноким матерям. Это дополнение соответствовало действовавшему законодательству и государственной практике об охране материнства и детства [Заседания 1959: 170–171].

В соответствии со статьей 139 Конституции РСФСР было внесено дополнение в статью 102 Конституций, устанавливающее возрастной ценз в 21 год для граждан, избираемых в Верховные Советы Чечено-Ингушской и Калмыцкой АССР.

В связи с установлением нового Государственного флага РСФСР были внесены изменения и дополнения в статью 112 Конституций Чечено-Ингушской и Калмыцкой АССР о Государственных флагах этих республик. Эти статьи были приведены в соответствие со статьей 149 Конституции РСФСР. Помимо изложенных изменений и дополнений, в Конституции Чечено-Ингушской и Калмыцкой АССР были внесены еще некоторые редакционные поправки.

Комиссия законодательных предположений Верховного Совета РСФСР рассмотрела также представленные на рассмотрение принятый Верховным Советом Кабардино-Балкарской АССР Закон о внесении изменений в текст Конституции Кабардино-Балкарской АССР. Изменения Конституции Кабардино-Балкарской АССР исходили из преобразования Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР [Заседания 1959: 171].

Законом об утверждении изменений и дополнений текста Конституции (Основного Закона) Кабардино-Балкарской АССР от 27 декабря 1958 г. Верховный Совет РСФСР утвердил изменения и дополнения текста Конституции (Основного Закона) республики, внесенные Верховным Советом Кабардино-Балкарской АССР на пятой сессии четвертого созыва 29 марта 1957 г. [Заседания 1959: 205]. В тот же день были приняты аналогичные Законы об утверждении изменений и дополнений текста Конституции (Основного Закона) Калмыцкой АССР и Чечено-Ингушской АССР, которыми утверждались изменения и дополнения, внесенные:

— Верховным Советом Калмыцкой АССР на первой сессии второго созыва 28 октября 1958 г. [Заседания 1959: 205].

— Верховным Советом Чечено-Ингушской АССР на первой сессии второго созыва 15 апреля 1958 года [Заседания 1959: 206].

В связи с преобразованием Калмыцкой автономной области в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику были внесены изменения в статьи 14 и 31 Конституции РСФСР, которые были изложены следующим образом:

«Статья 14. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика состоит... автономных советских социалистических республик: ...Калмыцкой».

«Статья 31. Верховный Совет РСФСР избирает Президиум Верховного Совета РСФСР в составе: Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, пятнадцати заместителей Председателя по числу автономных республик, Секретаря Президиума и четырнадцати членов Президиума Верховного Совета РСФСР» [Заседания 1959: 207–208].

В 1959 г. в составе СССР имелось 19 автономных республик, 8 автономных областей и 10 национальных округов. Из них в состав РСФСР входили 15 автономных республик и 5 автономных областей (последние — в составе краев). На Юге РСФСР таковых было две — Адыгейская АО в составе Краснодарского края и Карачаево-Черкесская АО в составе Ставропольского края.

Являясь частью советского многонационального государства, автономные республики имели единую со всем Советским государством политическую и экономическую основы, политическое и хозяйственное устройство [История 1972: 166].

Кроме того, в 1959 г. в конституции автономных республик были внесены еще несколько изменений и дополнений. Так были проведены некоторые мероприятия по совершенствованию избирательной системы. Было решено исключить из соответствующих статей конституций автономных республик избирательные нормы по выборам в районные, городские, поселковые и станичные Советы, так как эти нормы неоднократно изменялись. Впредь избирательные нормы должны были указываться лишь в Положении о выборах в районные, городские, сельские и поселковые Советы. На основании законов Верховных Советов СССР и РСФСР (декабрь 1959 г.) об отмене лишения прав по суду были внесены изменения в конституции автономных республик. Все граждане (за исключением недееспособных) получили право участвовать в выборах [История 1972: 166]. Так, например, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР «О внесении изменений и дополнений в статью 102 Конституции (Основного Закона) Калмыцкой АССР» от 23 января 1959 г. указанная статья была изложена в новой редакции [Книга памяти 2004а: 336] без слов *«и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав»* [Советские конституции 2015: 79].

В течение 1959–1965 гг. в тексты конституций автономных республик был внесен ряд поправок, связанных с административно-территориальными изменениями (укрупнение районов, появление новых районов и т. д.).

В советской историографии отмечалось, что отличие автономной области от административной автономии заключалось в том, что ее аппарат

управления был приспособлен к национальным особенностям проживающего на ее территории населения [История 1972: 167]. В конституциях союзных республик, в составе которых находились автономные области, устанавливалось, что Советы депутатов трудящихся каждой автономной области представляют на утверждение Верховных Советов союзных республик Положение об автономной области, учитывающее ее национальные особенности [История 1972: 167–168].

Конституции союзных республик гарантировали наличие в каждой автономной области своих органов управления. Правосудие в автономных областях могло осуществляться на национальном языке. Каждая автономная область имела пять представителей в Совете Национальностей Верховного Совета СССР вне зависимости от количества проживающего в ней населения. Население автономных областей принимало участие в выборах депутатов в Верховные Советы союзных республик, в состав которых они входили, и в Совет Союза Верховного Совета СССР. Решения органов власти и управления автономных областей в случае их несоответствия законам и постановлениям Союза ССР и союзных республик могли быть отменены только органами власти и управления той союзной республики, в составе которой находилась автономная область, несмотря на то, что она входила еще в состав края.

Образование автономной области, как и автономной республики, утверждалось Верховным Советом СССР и производилось в порядке изменения Конституции СССР. Это имело важное значение, так как самостоятельное существование автономных республик и автономных областей в системе Советского многонационального государства гарантировали не только союзные республики, но и весь Советский Союз в целом.

Высшим органом государственной власти автономной области являлся Совет депутатов трудящихся, избираемый сроком на два года по нормам представительства, установленным Конституцией соответствующей союзной республики. Совет депутатов трудящихся автономной области образовывал отделы и управления исполнительного комитета на основе Положения об автономной области [История 1972: 168].

В 1957 г. в РСФСР были созданы совнархозы. Автономные республики в большинстве своем вошли в состав укрупненных совнархозов, которые просуществовали недолго. Например, Калмыцкая АССР входила в состав Нижневолжского, Кабардино-Балкарская АССР — Северо-Кавказского совнархоза [История 1972: 174].

В конце 1962 г. была проведена перестройка партийных органов по производственному принципу: в областях (краях) были созданы самостоятельные партийные организации — промышленные и сельскохо-

зяйственные, а сельские райкомы преобразованы в парткомы производственных колхозно-совхозных управлений.

Все эти изменения в системе управления народным хозяйством, осуществленные в 1962 г., вызвали изменения в органах государственного управления автономных республик, которые были зафиксированы в конституциях республик.

Но организационные изменения в системе управления народным хозяйством, проведенные в 1962–1963 гг. (создание производственных колхозно-совхозных управлений, укрупненных совнархозов, СНХ СССР, ВСНХ и т.д.) не дали желаемых результатов, а порой и ухудшили дело. Поэтому эти ошибки были исправлены октябрьским (1964 г.) Пленумом ЦК КПСС [История 1972: 175].

На основании Закона об изменении системы органов управления, утвержденного сессией Верховного Совета СССР в октябре 1965 г., Верховные Советы союзных республик приняли законы о внесении изменений и дополнений в тексты своих конституций, согласно которым был определен перечень министерств и ведомств автономных республик. В законе устанавливалось, что помимо министерств здравоохранения, просвещения, коммунального хозяйства, культуры, охраны общественного порядка, социального обеспечения, торговли, финансов, сельского хозяйства, Госплана, Комитета народного контроля и Комитета государственной безопасности автономные республики с учетом их хозяйственного развития могли образовывать следующие министерства: бытового обслуживания населения, лесного хозяйства и охраны леса, мелиорации и водного хозяйства, местной промышленности, пищевой промышленности, промышленности строительных материалов, топливной промышленности [История 1972: 175]. Так в Кабардино-Балкарской и Калмыцкой АССР появились министерства мелиорации и водного хозяйства или водного хозяйства и др. [История 1972: 176].

Таким образом, система управления в национальных автономиях Юга РСФСР в 1958–1976 гг. до принятия Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. в своем развитии прошла все те же этапы, что и вся страна в целом. Ранее восстановленные и вновь образованные автономии (Кабардино-Балкарская АССР, Калмыцкая АССР, Чечено-Ингушская АССР и Карачаево-Черкесская автономная область) в этом отношении уже ничем не отличались от других автономий РСФСР.

Источники

История Советской Конституции. В документах, 1917–1956 гг. / Сост.: Липатов А.А., Савенков Н.Т.; Предисл.: Студеникин С.С. (Общ. ред.). М.: Госюриздат, 1957. 1046 с.

Заседания Верховного Совета РСФСР четвертого созыва: Шестая сессия (26–27 декабря 1958 г.): Стенографический отчет. М.: Издание Верховного Совета РСФСР, 1959. 224 с.

Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1. Кн. 3: Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.): сб. док-тов и мат-лов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 586 с.

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК).

Советские конституции. Хрестоматия. В 4 ч. Ч. 3. СССР, 1936–1977 гг. / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. 418 с.

Указ 1958а — Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О преобразовании Калмыцкой автономной области в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику от 25 июля 1958 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. М.: Издание Верховного Совета РСФСР, 1958. № 8. Ст. 401.

Указ 1958б — Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О временном возложении руководства хозяйственным и культурным строительством на территории Калмыцкой АССР на областной Совет депутатов трудящихся Калмыцкой автономной области и его исполнительный комитет» от 1 августа 1958 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. М.: Издание Верховного Совета РСФСР, 1958. № 9. Ст. 448.

Указ 1958в — Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О назначении выборов в Верховный Совет Калмыцкой АССР» от 29 августа 1958 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. М.: Издание Верховного Совета РСФСР, 1958. № 9. Ст. 451.

Указ 1959 — Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об избирательных округах по выборам в Совет Национальностей от Калмыцкой АССР» от 9 января 1959 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. М.: Издание Верховного Совета РСФСР, 1959. № 3. Ст. 46.

Литература

Бугаев А.М. Население и территория Чечено-Ингушской АССР в 60-е – 80-е гг. XX века // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 1 (33). С. 6–13.

Булыгина Т.А. Некоторые тенденции социокультурного, хозяйственного и политического развития Северного Кавказа в конце 1960-х – начале 1980-х годов // Наука. Инновации. Технологии. 2013. № 2. С. 161–172.

Илюмжинов К.Н., Максимов К.Н. На пути к демократии. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 288 с.

История национально-государственного строительства в СССР [1917–1972 гг.]. В 2 т. Т. 2: Национально-государственное строительство в СССР в период социализма и строительства коммунизма. (1937–1972 гг.) / Отв. ред. Д.А. Чугаев. М.: Мысль. 1972. 326 с.

Максимов 2000а — *Максимов К.Н.* Высшие органы исполнительной власти Калмыкии: история и современность (1918–2000 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 255 с.

Максимов 2000б — *Максимов К.Н.* История национальной государственности Калмыкии (начало XVII в. – XX в.). М.: Профиздат, 2000. 311 с.

**Гунаев Е.А. Система управления в национальных автономиях Юга РСФСР
в 1958–1976 гг.**

Сайдумов М.Х. Государственное устройство Чечено-Ингушской АССР: конституционно-правовые закрепления в конституции ЧИАССР 1937 и 1978 гг. // Империи, монархии, республики, конфедерации как формы осуществления власти на Кавказе. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 2018. С. 254–257.

Сайдумов Д.Х., Сайдумов М.Х. Конституция Чечено-Ингушской АССР 1937 г. как основа становления государственности республики в советский период // Труды КНИИ РАН. Грозный: Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, 2013. С. 262–269.

Научный журнал

**Magna adsurgit:
historia studiorum**

Великая степь:
исторические исследования

2019, №2

Компьютерная верстка *Д. В. Татнинов*

Подписано в печать 17.12.2019. Формат 70x100/16.

Тираж 300 экз. Заказ **21-19**. Цена свободная.

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНЦ РАН.

Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8